ЧЕЛОВЕК НОВОГО МИРА

А.В. ЛУНАЧАРСКИЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вниманию читателя предлагается второе, дополненное, издание сборника статей, речей, докладов и воспоминаний А. В. Луначарского о Владимире Ильиче Ленине.

Неоценим вклад в Лениниану соратников Владимира Ильича по революционной борьбе и строительству первого в мире социалистического государства. К числу людей, которые вместе с Лениным делили горечь вынужденной эмиграции, радость революционных битв, успехи и трудности созидания молодой Республики Советов, принадлежал и Анатолий Васильевич Луначарский. Он был одним из тех, кто стоял у истоков Ленинианы. В литературном наследии Луначарского — около ста статей, очерков, речей и воспоминаний о Ленине.

http://ruslit.traumlibrary.net

- Анатолий Васильевич Луначарский
  - Луначарский как биограф Ленина
  - От составителя
  - Раздел I
    -
    - Вождь пролетарской революции*
    - Владимир Ильич Ленин*
    - Ленин*
    - Владимир Ильич Ленин*
    - Ленин и меньшевизм*
    - К характеристике Ленина как личности*
    - Из речи на московском общегородском собрании профсоюзного актива*
    - Штрихи*
    - Ленин как ученый и публицист*
  - Раздел II
    -
    - Опять в Женеве*
    - Лондонский съезд*
    - Из воспоминаний о Ленине в 1905 году*
    - Стокгольмский съезд*
    - Свержение самодержавия*
    - Приезд Ленина*
    - Ленин и Октябрь*
    - Смольный в великую ночь*
    - Из октябрьских воспоминаний*
    - Из воспоминаний о фронте*

        - Ленин в совнаркоме*
        - Прощание*
    - Раздел III
        -
        - Ленин и вопросы просвещения*
        - Ленин и молодежь*
        - Ленин в его отношении к науке и искусству*
        - К 200-летию Всесоюзной Академии наук*
        - Ленин о монументальной пропаганде*
        - Ленин и искусство*
        - К столетию Александрийского театра*
        - Культура у нас и на Западе*
        - Ленин и литературоведение*
            - 1. Постановка проблемы
            - 2. Философские воззрения Ленина
            - 3. Учение Ленина о культуре
            - 4. Теория империализма
            - 5. Теория двух путей развития русского капитализма
            - 6. Воззрения Ленина на отдельных русских писателей
            - 7. Высказывания Ленина на литературные темы
            - 8. Ленин и современное марксистское литературоведение
    - Работы А.В. Луначарского о Ленине
    - Комментарии
    - Выходные данные
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15

- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59

- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102

Анатолий Васильевич Луначарский
Человек нового мира

Луначарский как биограф Ленина

Вниманию читателя предлагается второе, дополненное, издание сборника статей, речей, докладов и воспоминаний А. В. Луначарского о Владимире Ильиче Ленине.

Лениниана… Вобравшая в себя тысячи произведений литературы и искусства, она, на протяжении вот уже шести десятилетий, запечатляет эпоху гигантского, небывалого в истории перелома и незабываемый образ человека, который, по выражению Луначарского, «был ее плодом и вместе с тем ее двигателем», в котором «сказалось персонально все очарование этой изумительной эпохи».

Неоценим вклад в Лениниану соратников Владимира Ильича по революционной борьбе и строительству первого в мире социалистического государства. Их воспоминания, отразившие непосредственные, личные впечатления, особенно волнуют читателей; в них ищут и находят подлинные штрихи великого и простого, многогранного и сложного человека, каким был Владимир Ильич Ленин.

К числу людей, которые вместе с Лениным делили горечь вынужденной эмиграции, радость революционных битв, успехи и трудности созидания молодой Республики Советов, принадлежал и Анатолий Васильевич Луначарский. Он был одним из тех, кто стоял у истоков Ленинианы. В литературном наследии Луначарского — около ста статей, очерков, речей и воспоминаний о Ленине.

Первый очерк Луначарского о Ленине был опубликован в 1919 году в книге «Великий переворот. (Октябрьская революция)». Уже в нем автор воспоминаний стремился обрисовать основные вехи жизни и борьбы вождя победоносной пролетарской революции на широком историческом фоне, показать, что Владимир Ильич Ленин, революционная, преобразующая деятельность которого развернулась в эпоху небывалых социальных бурь, — и объективно, и по своим личным качествам — «безусловно одна из крупнейших фигур мировой истории». Конечно, не все получило достаточную «прорисовку» в этой первой публикации, что-то лишь намечено, но она важна и ценна для нас тем, что в ней дан как бы ориентир для всей последующей работы над воссозданием образа Ленина.

Книга имела успех и по праву заняла свое место в ряду наиболее талантливых свидетельств современников о Великой Октябрьской социалистической революции, о ее организаторах и руководителях. Рецензенты того времени отмечали насыщенность

книги фактами, взятыми «не из литературы», а из самой жизни, а также «опытную руку художника и острый взор тонкого наблюдателя» («Книга и революция», 1920, № 3–4, стр. 25).

В 1923 году на основе ранее опубликованных воспоминаний выходит книга Луначарского «Революционные силуэты», которая открывается очерком «Владимир Ильич Ленин». Эта книга с дарственной надписью: «Владимиру Ильичу Ленину с глубочайшим уважением и горячей любовью. А. Луначарский. 14. V.» хранится в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

В очерке Луначарский еще не ставил цели дать полный политический портрет вождя. «Для таких более широких и содержательных портретов, — писал он, — придет еще время».

Преждевременная смерть любимого человека морально и физически потрясла Луначарского. Именно тогда зарождается мысль о создании «глубоко научной, фактически верной и вместе с тем захватывающей биографии-поэмы», которая должна стать «одной из прекраснейших книг мировой литературы». Он понимал, что создание подобного рода биографии— «задача и увлекательнейшая и грандиозная», что для этого требуется соединение литературного таланта и психологической чуткости, большого политического опыта и социологической глубины. В предисловии ко второму изданию сборника «Революционные силуэты» в феврале 1924 года Луначарский писал, что будет счастлив, если в его трудах отыщутся крупицы, необходимые для создания такой книги. «Лениниана» самого Анатолия Васильевича Луначарского содержит много таких «крупиц».

Прежде всего, — это «поминальные речи», как он их называл. Многие из стенограмм этих речей — «непосредственного ответа чувства на скорбные факты» — были опубликованы.

О публичных выступлениях Луначарского, особенно начиная с 1924 года, можно, на наш взгляд, говорить уже не как об отдельных эпизодах, а как о целенаправленной системе пропаганды жизни и дела В. И. Ленина, ленинизма в целом, как об авторитетном источнике, запечатлевшем целую историческую эпоху — эпоху крушения старого и становления нового мира.

Луначарский выступал во многих уголках страны, его слушателями были рабочие, красноармейцы, крестьяне, учительство, люди науки и искусства, молодежь. Речи, доклады, лекции Луначарского — это образец пропагандистского мастерства и партийной убежденности, умения наилучшим образом, в наиболее доходчивой для каждой данной аудитории форме обрисовать неповторимую личность Владимира Ильича Ленина — пламенного революционера, трезвого политика, блестящего организатора и руководителя политического

авангарда рабочего класса России — партии нового типа, глубочайшего ученого, дальновидного государственного деятеля. Многие публичные выступления Луначарского легли впоследствии в основу статей или были изданы отдельными брошюрами.

Особое место в его «Лениниане» занимает работа «К характеристике Ленина как личности». Под таким названием она была опубликована в январе 1926 года в газете «Известия». Проведенная нами в последнее время поисковая работа позволяет утверждать, что первоначально Луначарский готовил этот материал как предисловие к сборнику своих статей о Ленине, в основу которых он предполагал взять «поминальные» речи. Выпустить этот сборник планировалось в 1925 году.

Автор стремился как бы суммировать всю свою предыдущую работу, сосредоточенную на создании политического портрета Ленина, вновь осмыслить то, что уже было сделано в этом направлении, осветить те грани личности Владимира Ильича, которые к тому времени не нашли еще достаточного отражения.

Таким образом, приоткрылась еще одна страница творчества Луначарского, выявилась еще одна его в высшей степени плодотворная идея: на основе всесторонне продуманного и мотивированного обобщения дать цельную социально-психологическую характеристику личности вождя и человека.

К сожалению, сборник, задуманный Луначарским, не вышел в свет. Однако обобщающая статья, опубликованная на страницах центральной газеты, в основу которой лег материал, предназначавшийся для предисловия, дошла до массового читателя. Ее отличают большая, в сравнении с предыдущими работами, строгость и отшлифованность формулировок, явное преобладание аналитического подхода над мемуарным, постановка ряда важных общесоциологических проблем. Луначарский, в частности, обратил внимание на такую отличительную черту «необычайной коммунистичности» Ленина, как «отсутствие в нем всякого личничества». Он оценил это как явление «очень глубокое и заслуживающее внимательной разработки в коммунистической литературе».

Много лет Луначарский вынашивал мечту — написать биографию Владимира Ильича. Об этом свидетельствуют дневниковые записи, личная и официальная переписка. Луначарский неоднократно повторял, что такая книга станет самым значительным делом его жизни. Ее смысл и назначение — раскрыть «тип гения и героя», «образец и пример человечества». Морально он чувствовал себя готовым к тому, чтобы приступить к работе над книгой, и в 1930 году писал жене: «Для этого у меня

есть все… кроме времени». Чтобы получить возможность работать систематически и целенаправленно, он принимает решение: «не разбрасываться, как раньше», «переменить рельсы» жизни. Внезапная смерть не позволила осуществить великолепный замысел.

Однако, если собрать и систематизировать разрозненные публикации Луначарского о Владимире Ильиче, можно получить достаточно цельное жизнеописание, в котором через призму личного восприятия Луначарского раскрывается образ Ленина во всем его величии и неповторимости.

Несколько лет назад, в канун 100-летия со дня рождения Луначарского[1], такую работу провела, в творческом содружестве с сотрудниками Издательства АПН и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, дочь А. В. Луначарского — И. А. Луначарская.

В результате получилась книга, в которой читателю представилась возможность глазами Луначарского увидеть Ленина — революционера, государственного деятеля, ученого, публициста, человека; познакомиться с ленинскими оценками культуры в ее широком понимании, с его мнениями о русских писателях, высказанными в ходе непосредственных бесед с автором воспоминаний. Книга волнует эмоциональностью, постоянным «эффектом присутствия» ее автора.

Материалы сборника, по нашему мнению, могут быть интересны исследователям, изучающим проблему «Луначарский как биограф В. И. Ленина», ибо они позволяют наглядно проследить методологические принципы автора в исследовании и раскрытии этой темы, его бескомпромиссную борьбу с упрощенчеством и искажениями в освещении образа вождя.

Мы сочли целесообразным снабдить данное издание приложением — списком работ Луначарского о Ленине, представляющим собой извлечение из библиографического указателя, подготовленного Государственной ордена Ленина библиотекой имени В. И. Ленина, — наиболее полного перечня трудов А. В. Луначарского. В этот список, кроме достаточно широко известных очерков, статей, воспоминаний, брошюр, сборников и т. д., включены также материалы малоизвестные — не только массовому читателю, но и специалистам.

Проведенная в последние годы систематизация трудов Луначарского позволяет, на наш взгляд, не только полнее представить его вклад в Лениниану, но и поставить его имя как биографа Ленина в один ряд с именем Н. К. Крупской.

В предлагаемом вниманию читателя сборнике — самом полном собрании работ Луначарского о Владимире Ильиче

Ленине — переплетаются проблемно-тематический и хронологический принципы расположения материала.

При подготовке книги большую трудность вызывало то обстоятельство, что значительную часть включенных в нее материалов составляют не специально подготовленные Луначарским для печати работы, а стенограммы речей, нередко произнесенных «спешно и в порядке импровизации». Часто выступления, посвященные одной теме, произносились хотя и с небольшим интервалом во времени, но перед различной аудиторией. В таких случаях Луначарский, оставляя неизменной основную сумму вопросов, вводил, в зависимости от характера аудитории, новые факты, интересующие именно данный состав слушателей.

Как правило, эти выступления важны по содержанию, ярки и оригинальны по форме. Однако очевидно, что включать в сборник в полном объеме работы однотипные, многократно повторяющие одни и те же положения, — нецелесообразно. Поэтому в ряде случаев материалы сборника публикуются с сокращениями.

Ввиду специфического характера издания некоторые статьи и воспоминания Луначарского сокращались также за счет исключения того, что прямо не относится к теме. Это позволило сосредоточить внимание на главных проблемах, выделить их более рельефно. Такой подход нам представляется логичным, оправданным.

* * *

Книга состоит из четырех разделов. В основу формирования первого раздела положен проблемный принцип. Такой подход позволяет нагляднее представить себе основной замысел предполагавшейся книги Луначарского: раскрыть новый по своему социально-психологическому строю тип руководителя и человека, неразрывно связанного с «историей великой Российской революции в ее самые жгучие годы, с историей мировой революции за четверть века». Лейтмотив многих включенных в сборник воспоминаний и статей: Ленин создан всем ходом русской революции, мощной волей созревшего пролетариата России, великой борьбой рабочих и крестьян всего мира. «Ленин вне связи с пролетариатом, и не только с пролетариатом, но и с предшествующей крестьянско-интеллигентской революцией, Ленин вне связи с партией, с которой он рос, которую он растил и которая его растила, Ленин вне связи с мировым пролетариатом и марксизмом, — что это такое? Разве это Ленин? Это будет так

же похоже на Ленина, как стакан воды, зачерпнутый в море, похож на море».

Как научно мыслящий революционер Ленин соединял в себе — и это многократно подчеркнуто Луначарским — глубочайшую объективность и трезвость ученого со смелостью и решительностью величайшего стратега классовых битв. Ярко показано значение Ленина как руководителя партии большевиков, сумевшей сплотить «наиболее стальные, наиболее активные элементы народа из рабочего класса, интеллигенции и крестьянства», возглавить Великую Октябрьскую социалистическую революцию, поставившую Россию на грань эпох.

«Жизнь нашего вождя самым неразрывным образом оплачивается с историей Российской Коммунистической партии, — писал А. В. Луначарский в 1924 году в журнале «Коммунист» — органе Нижегородского губкома РКП(б). — Никто не сможет написать историю Российской Коммунистической партии от ее возникновения до наших дней, не сделав из этой книги подробную биографию Владимира Ильича, и никто не может описать жизнь Ленина без того, чтобы книга не сделалась историей нашей партии».

Вместе с тем Луначарский рисует Ленина как историческую фигуру мирового масштаба, вождя, к которому «тянулось со всех сторон целое море рук и сердец», как гениального. теоретика, который видит господствующие в мире тенденции и будущее каждой общественной формации, как человека, который жил надеждой, верой, убежденностью в том, что «спаявшаяся в целостную систему» борьба трудящихся всех стран приведет к «переламыванию судьбы человечества от капитализма к коммунизму». «Владимир Ильич, — писал Луначарский, — разыгрывал труднейшую шахматную партию в мире, но он заранее знал, что та партия, в которой он является огромной важности фигурой, которую ведет пролетариат, непременно будет выиграна».

Луначарскому, на наш взгляд, удалось глубоко и всесторонне, лучше, чем кому-либо другому, запечатлеть «чарующую» личность Ленина. С большим умением и тактом сумел он донести до нас некоторые черты Владимира Ильича, присущие только ему и тем не менее имеющие колоссальное общественное значение.

Первое, что бросается в глаза, отмечает Луначарский, это гигантский ум Ленина, который проявлялся «не только в больших произведениях или больших актах его замечательной жизни», но и в повседневной работе, в решении каждой проблемы, которую

жизнь ставила перед ним.

В Совнаркоме, за «длинным столом крупнейших революционеров и новых людей нашего времени», Ленин по праву был первым. «Было любо-дорого, — вспоминает Луначарский, — сидеть в Совнаркоме и присматриваться к тому, как решает вопросы Владимир Ильич, как он внимательнейшим образом вслушивается, вдумывается, взвешивает, пересматривает все для каждого вопроса, — а вопросов много — и как он резюмирует затем вопрос. Резюмирует — и нет больше споров и нет больше разногласий; если принял сторону одних против других или согласовал взгляды одних и других в неожиданном синтезе, то с такими аргументами, против которых не пойдешь».

Среди неповторимых ленинских черт, ярко обрисованных Луначарским, отметим еще огромную волю, «составляющую половину его облика», и «громадное сердечное величие». «До мозга костей» был предан Ленин человечеству, любил его таким, «как оно есть, за его страдания, за его бездорожье и темноту». И в то же время терпеть не мог сентиментальности, красивых фраз о любви к людям, о служении им. «Если говорить о сердце Владимира Ильича, то оно сказывалось больше всего в коренной его любви. Это была не любовь-доброта в том смысле, в каком это понимает обыватель. Когда он изредка заговаривал о правде, об исконной человеческой морали, о добре, то чувствовалось, как непоколебимо у него это чувство, и оно согревало его и давало ему эту опору, которая делала его могучим, стальным в проведении своей доли. Если он ненавидел — а ненавидел он политических врагов, личных врагов у него не было… то ненавидел во имя той любви, которая была шире сегодняшнего дня и сегодняшних отношений».

Луначарский предвидел, что придет время, когда личность Ленина сделается предметом внимательного и любовного изучения, ибо биографическое в нем имеет огромную общечеловеческую ценность. Такое время пришло. Миллионы людей во всех уголках земного шара проявляют огромный интерес к биографии Владимира Ильича, к его личности, к его учению. По данным ЮНЕСКО, Ленин— «самый читаемый автор», по числу публикаций его произведения стоят на первом месте в мире.

* * *

Материалы второго раздела расположены по хронологическому принципу.

В данное издание сборника, в дополнение к предыдущему, включены воспоминания о третьем и четвертом съездах партии. Их главная тема — непримиримая борьба Ленина против российского и международного оппортунизма, за создание партии нового типа. Луначарский показывает, что создание Лениным такой партии было громадным шагом вперед в развитии не только русского, но и всего международного рабочего движения. Раскол на II съезде, пишет Луначарский, «провел мировую линию»: большевизм стал интернациональной силой, вступившей в Европе, Азии, Америке в прямую борьбу с международным меньшевизмом, окончательно вставшим на путь предательства дела рабочего класса, примирения с буржуазией, оправдания существующего порядка вещей.

Основное содержание раздела — воспоминания Луначарского о встречах и совместной работе с Владимиром Ильичем на протяжении более чем двух десятилетий. В них описываются события, известные автору не из литературных воспоминаний или документальных источников, а по «свидетельству собственных глаз и ушей».

Первая эмиграция… «Скучная, мещанская» Женева. Размеренный, однообразный ход жизни местных горожан похож на ход изготовляемых ими часов. Небольшая группа большевиков сдавлена ео всех сторон эмиграцией и студенчеством, шедшим в ту пору большей частью за меньшевиками и эсерами.

Однако Ленин «кипит политически». Ведь именно Женева оказалась наиболее подходящим местом для создания сначала «Искры», а потом ряда журналов. «Именно здесь, — свидетельствует Луначарский, — начинали определяться разошедшиеся линии большевиков и меньшевиков, именно здесь все ярче и крепче выявлялась физиономия нашей пролетарской, революционной, марксистской политики».

Иным показан Петербург периода «революционной встряски» 1905 года. Город живет интенсивнейшей политической жизнью. Революция на подъеме. Ленин «напоминает капитана на палубе судна, окруженного громовыми тучами…».

Спала революционная волна, победила реакция, и вновь потянулись дни вынужденной эмиграции, когда вырабатывается умение «реалистически выжидать», развертывать работу по политическому просвещению масс, собирать силы, чтобы впоследствии «мощно делать революцию».

Невозможно без волнения читать описание последних дней, часов, минут перед отъездом Ленина в Россию: «Когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке уходящего поезда, я чувствовал, что он внутренне полон такой мыслью: «Наконец,

наконец-то, пришло, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной».

И, наконец, «взрывная атмосфера» октября 1917 года, Смольный «в великую ночь», незабываемые дни долгожданной победы. Как хорошо понимаем мы слова Луначарского: «Кто пережил это, тот никогда этого не забудет».

В воспоминаниях Луначарского преимущественно отражена политическая деятельность Ленина. Однако иногда он позволяет себе «вторгаться» в запретную для многих область личных переживаний Ленина. «Владимир Ильич, — вспоминает он, — обыкновенно терпеть не мог подпускать даже близких людей к своим личным переживаниям. Он был прежде всего политик, такой горячий, такой вдохновенный, такой вдохновляющий. Эту политику он превращал для всякого, кто к нему приближался, в центр жизни». Беседы, в которых Ленин был с ним более интимен, чем обыкновенно, Луначарский считал лучшими часами своей жизни.

К сожалению, Луначарский тогда не вел дневника, не делал каких-либо пометок, позволяющих восстановить детально многочисленные беседы с Лениным. Впоследствии он сожалел, что «поздно спохватился», ибо услышанного «из уст революционного гения» ему бы хватило на «создание преинтересной книги», не раз сетовал на несовершенство памяти, на невозможность воссоздать в неприкосновенности каждое слово Ильича. Однако он сумел отобрать и по возможности уточнить то главное, наиболее ценное, что ему приходилось слышать от Владимира Ильича.

Луначарский писал: «Всегда бывает очень страшно припоминать что-нибудь из бесед с Владимиром Ильичем не для себя лично, а для опубликования. Все-таки не обладаешь такой живой памятью, чтобы каждое слово запечатлелось в мозгу, как врезанная в камень надпись, на десятки лет, а между тем ссылаться на то, что оно сказано великим умом, допуская возможность какого-нибудь искажения, очень жутко». Именно эта тщательность и чувство ответственности в соединении с социологической глубиной ученого и блестящим талантом писателя делают воспоминания Луначарского ценнейшим вкладом в летопись жизни и деятельности Ленина.

Правда, столь тщательный подход не всегда присутствует у Луначарского в изложении общих проблем истории революционного движения, а также отдельных событий, непосредственным участником которых он был. Встречаются неточности, не всегда продуманы формулировки. Подобного рода

небрежности нередко использовали политические противники и недоброжелатели Луначарского.

От этого в свое время Луначарского предостерегал Ленин. В ноябре 1907 года, например, во время острой идейной борьбы с врагами марксизма, он писал ему по поводу готовящейся брошюры «Об отношении партии к профессиональным союзам»: «Преинтересная и отлично написанная вещь. Одно только: неосторожностей много внешних, так сказать, т. е. таких, к которым *придираться* будут всякие эсеры, меньшевики, синдикалисты etc. Мы совещались коллективно, ретушировать или в предисловии оговорить? Решили последнее, ибо ретушировать жаль».[2]

Отдельные материалы, включенные в настоящий сборник, также не свободны от «неосторожностей», порой спорных определений. Некоторые уточнения даны в примечаниях.

В третьем и четвертом разделах собраны речи, воспоминания и статьи Луначарского, комментирующие взгляды Ленина на социалистическую культуру, многотрудные пути ее становления и развития и на ее роль в коренном переустройстве общества на принципиально новых, коммунистических началах.

Энциклопедические знания, двенадцатилетняя деятельность на посту наркома просвещения позволили Луначарскому охватывать явления культурной жизни во всем их многообразии и глубине. Он был среди первых теоретиков социалистической культуры, которым пришлось выступать «на почти невозделанном поле», непосредственно руководил большим комплексом учреждений народного образования, науки и искусства.

Со всей силой своего огромного, многогранного таланта Луначарский пропагандировал ленинское идейное наследие, которое считал надежнейшим компасом в определении конкретных путей культурного развития страны, в становлении новой, социалистической культуры.

В многочисленных речах и статьях Луначарского дается убедительная трактовка марксистско-ленинской теории культуры и культурной революции, обосновывается ее значение как одного из важнейших условий социалистических преобразований, раскрываются конкретные задачи культурной революции в нашей стране, показывается руководящая роль коммунистической партии в ее осуществлении.

В наиболее полном, систематизированном виде сумма этих вопросов освещается в большой статье «Ленин и литературоведение» (см. четвертый раздел сборника) — крупном научном исследовании, написанном для Литературной энциклопедии, в котором, как свидетельствует сам автор,

«собрано и прокомментировано более или менее все ленинское, что может служить базой для марксистско-ленинского литературоведения, прямо или полупрямо, потому что косвенно этому может служить весь Ленин!» (из письма А. В. Луначарского своему литературному секретарю И. А. Сацу). В ней показывается, что марксистско-ленинская теория культуры складывалась в ходе развития всех составных частей марксизма-ленинизма — философии, политической экономии, научного коммунизма, раскрывается ее неотделимость от других сторон учения Маркса, Энгельса, Ленина.

Луначарский был одним из первых, кто решительно выступил против попыток противопоставления марксизма ленинизму. Со свойственной ему силой и неотразимостью аргументации Луначарский обосновывает преемственность марксистско-ленинского учения в целом как единой и целостной системы взглядов, миросозерцания и миропонимания пролетариата. Нельзя быть ленинцем, утверждает он, не будучи марксистом, ибо вся теория и практика Ленина и его партии зиждутся на марксизме.

Эта преемственность в одинаковой степени присуща и теории культуры: «Само собой разумеется, — читаем мы в статье, — что в основных своих чертах учение Ленина о культуре есть то же, которое мы находим у Маркса и Энгельса. Понятие культуры обнимает у них, в сущности, все формы общественной жизни, за исключением непосредственно производственных. Понятие культуры включает в себя все так называемые надстройки. В их число входят не только «чистые» формы идеологии, религия, философия, наука, искусство, но и такие формы культуры, которые непосредственно связаны с бытом: мораль, не только теоретическая, но и непосредственно бытующая в жизни, право, опять-таки и в его идеологических и практических формах, и т. д. Все эти формы культуры находятся друг с другом в непрерывном взаимодействии и в известной степени оказывают давление также на экономический фундамент общества. Определителем всех форм культуры и всей ее динамики является в конечном счете процесс производства».

Органическая взаимосвязь, взаимозависимость материальной и духовной культуры, неотделимость культуры от всей жизни общества, признание активной роли общественного сознания в истории цивилизации — эти и многие другие аспекты ленинского учения о культуре были предметом исследования Луначарского.

Наряду с рассмотрением общих положений марксизма, касающихся культуры, он в своих работах особое внимание уделял «ценнейшим и оригинальным мыслям» Ленина,

открывшим новую страницу в теории культуры и в практике культурного строительства.

Вопрос создания социалистической культуры, подчеркивал Луначарский, стоял перед Лениным прежде всего как вопрос практический. Он отмечает, что «для Ленина культурная революция была колоссальным процессом», обосновывает широкий размах ее целей, включающих борьбу с неграмотностью, реформу школы, пролетаризацию вузов, перестройку принципов деятельности театра, кино и т. д.

Ленин не забывал повторять, подчеркивал Луначарский, что ни меч, ни машина не могут сами по себе обеспечить строительство социализма, что для этого необходим огромный мирный культурный подъем масс, ибо благодаря ему можно индустриализовать страну, добиться кооперирования сельского хозяйства, не только юридически, но и фактически обеспечить подлинную демократизацию всей общественной жизни.

Необходимым условием такого подъема ленинская партия считала достижение всеобщей грамотности. Читать, писать, считать — вот чему прежде всего нужно научить десятки миллионов людей.

Просвещение, во всех своих областях, как справедливо отмечал Луначарский, есть часть ленинской работы, ленинскими принципами проникнуто. Один из таких принципов — неразрывное взаимодействие общего образования, технического образования и политического просвещения масс, которые «должны быть перевиты в один жгут, превращены в железный канат единой системы образования».

Для этого требовались «сами просветители», администраторы, хозяйственники нового типа, способные заменить буржуазный аппарат управления. А их было ничтожно мало.

Какой же выход? «Выход один, — отвечает Луначарский в докладе «Ленин и молодежь», — апеллировать к молодежи». Именно она — пролетарская и крестьянская молодежь — есть тот «прекрасный, но еще неподготовленный материал», из которого должно подготовить кадры специалистов.

Луначарский раскрывает основные положения «блестящей и глубокой речи» Ленина на III съезде РКСМ, с исчерпывающей ясностью дающей ответ на главный вопрос: чему учить и как учить?

Ленин говорил, читаем мы в изложении Луначарского: «Учись всему, всю буржуазную культуру усвой, а после этого разберись, что тебе ко двору, а что нет. К полученным знаниям прибавляй свой пролетарский инстинкт, прибавляй свою

пролетарскую философию, свою марксистскую школу, и они тебе осветят весь материал по-новому. Но помни, что учить и строить ты сможешь только тогда, когда в течение длительного времени будешь учиться».

Луначарский показывает глубокую веру Ленина в молодое поколение, его убежденность, что идейное вооружение молодежи будет во многом способствовать успешной борьбе за социализм.

В те годы особое значение имело привлечение на сторону Советской власти более чем полумиллионной армии работников просвещения. «Надо сделать само учительство, — вспоминает Луначарский советы Ленина, — саму просвещенскую массу проводниками не только общей культуры, но и наших коммунистических идей в самую глубину деревни, не говоря уже о городе. Конечно, очень важно воспитать и среди коммунистов, особенно в комсомоле, передовые кадры работников культуры; придет время, когда они будут высоки по качеству и достаточно мощны, и чем скорее придет это время, тем лучше. Но в течение всего промежуточного времени вы не добьетесь, конечно, такого положения, когда вы могли бы строить просвещение одними коммунистическими руками».

В целом ряде работ Луначарского, включенных в сборник, показано, что Ленин огромное внимание уделял развитию науки, литературы, приобщению трудящихся к сокровищам искусства, находившимся ранее в распоряжении эксплуататоров, сохранению культурного наследия прошлого, всесторонне рассмотрены ленинские взгляды на культуру прошлого, на ее достоинства и ограниченность, раскрыто его требование критически отбирать в старой культуре то, что нужно для строительства нового общества. «Ленин отдавал должное западной культуре, — говорится, например, в статье «Культура у нас и на Западе». — Конечно, это не значит, что он принимал всю западноевропейскую науку, а тем более западноевропейскую культуру, за нечто положительное. Разумеется, он отчетливо видел то позорное клеймо буржуазной ограниченности, которое пока пятнает и культуру на Западе и даже ее благороднейшую часть — науку. Но Ленин знал достоинства этой культуры, и в особенности точной науки, начиная с самых абстрактных теорий до прикладных технических дисциплин».

Бережно, по крупицам, собирал Луначарский мысли Ленина о «художественном воспитании народа», о роли искусства в строительстве социализма. Огромный интерес, подчеркивал он, Владимир Ильич проявлял к киноделу, считал, что из всех искусств важнейшим является кино. Владимир Ильич заботился о производстве фильмов, проникнутых коммунистическими

идеями, отражающих советскую действительность, о том, чтобы «продвинуть здоровое кино в массы — в городе, а еще более в деревне».

Ленин был инициатором широкой организации монументальной пропаганды, создания памятников, которые служили бы для народа, особенно для молодежи, «наглядным уроком по истории… — словом, участвовали в деле образования, воспитания новых поколений».

В целом материалы третьего и четвертого разделов сборника, показывающие роль Ленина, партии, Советского государства в становлении социалистической культуры, раскрывают, в противовес нигилистическим представлениям о социалистической революции как акте разрушения, ее активное созидательное начало.

В докладах «Ленин и вопросы просвещения», «Ленин в его отношении к науке и искусству» Луначарский образно говорит о трех фронтах: политическом, хозяйственном и культурном. Эти фронты не следуют один за другим. Политическая, хозяйственная и культурная работа переплетаются, образуя одну неразрывную ткань. И политическая борьба, и хозяйственное строительство, и культурный подъем масс — это все для человеческого счастья. «Не нужно перехода к социализму, — резюмирует Луначарский, — если люди не сделаются от этого мудрее, красивее».

* * *

Анатолий Васильевич Луначарский всегда был активным проводником линии партии в вопросах строительства новой культуры, исполнителем ее воли. Он — инициатор декретов Советской власти о сохранении исторических и художественных ценностей, решений партии и правительства о реальных мерах приобщения масс к богатствам отечественной и мировой культуры. Вместе с тем Луначарский был одним из первых теоретиков и исследователей советского искусства, видным писателем, драматургом, критиком, публицистом, ученым. Его имя значится в блестящей плеяде литераторов-большевиков — таких, как В. Воровский, М. Ольминский, П. Лепешинский. Как нарком просвещения, он работал в тесном содружестве с Я. М. Свердловым, М. И. Калининым, Н. К. Крупской, Г. В. Чичериным и другими партийными и государственными деятелями.

Личность самого Луначарского формировалась в огромной мере под непосредственным воздействием Ленина. В

многолетнем общении с Владимиром Ильичем, в его статьях и выступлениях, личных беседах Луначарский черпал представления о величественных задачах предстоящих преобразований и конкретных путях их осуществления. Через всю свою жизнь пронес он восхищение Лениным и стремился быть его достойным помощником.

Нам представляется, что собранные в настоящем сборнике фрагменты из статей и воспоминаний Луначарского о Ленине позволят полнее осветить новый тип рожденного революцией и борьбой за строительство социализма товарищеского сотрудничества между выдающимися деятелями партии и государства, основанного на глубокой преданности делу революционного преобразования мира, готовности преодолевать любые трудности, умении сочетать дерзновенную мечту с трезвым практическим расчетом.

Масштабы преобразований, неизведанность путей строительства первого в мире социалистического государства, новизна порученного Луначарскому дела порождали немало трудностей, не исключали отдельных ошибок. Бывало, что он получал «разнос» от Ленина, — в частности за половинчатую позицию в вопросе об отношении Пролеткульта к государству.

Мы уже отмечали, что в статьях и выступлениях Луначарского, часть которых включена в предлагаемый читателю сборник, порой встречаются спорные оценки. Однако нельзя забывать, что они часто были первыми по времени, что правильную дорогу не всегда удавалось находить сразу. Многое Луначарский впоследствии переоценивал сам.

Очень помогала ему принципиальная критика Ленина, который, ценя и любя Луначарского, строго взыскивал за все упущения и промахи, сдерживал его увлекающуюся «художественную натуру». В «Воспоминаниях из революционного прошлого» Луначарский самокритично писал о некоторых своих ошибках: «Конечно, между мною, с одной стороны, и Лениным — с другой, было большое несходство. Он подходил ко всем вопросам как практик и как человек, обладающий огромной ясностью тактического ума и поистине гениального политика, я же подходил как… артистическая натура, как назвал меня как-то Ильич».

В целом в своей государственной и литературной деятельности Луначарский занимал правильные позиции, проводил в области культуры партийный курс. Его личный вклад в становление и развитие социалистической культуры был тем более значителен, что он, как никто, умел завоевывать «творческие сердца» представителей науки, литературы,

искусства, принадлежащих к разным поколениям, направлять их знание и талант на служение общему делу. Луначарский поддерживал творческие и дружеские связи с выдающимися представителями художественной интеллигенции мира: Роменом Ролланом, Анри Барбюсом, Гербертом Уэллсом, Бернардом Шоу и многими, многими другими. Колоссальный интеллект Луначарского, его непоколебимая вера в торжество идей социализма в немалой степени способствовали поднятию в их глазах авторитета нашей страны и нашей идеологии. Он был, по образному выражению Роллана, «всеми уважаемым послом советской мысли и искусства».

* * *

Второе издание сборника выходит в свет накануне 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, которую отметят миллионы людей во всем мире. Это будет дань глубокого уважения и признательности человеку, с именем которого связана вся героическая летопись Великого Октября, начало новой исторической эпохи — эпохи социализма; мыслителю, развившему, применительно к новым историческим условиям, учение основоположников научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса. В ленинском теоретическом наследии люди различных возрастов, политических убеждений, жизненного опыта ищут и находят ответы на самые жгучие вопросы, поставленные ходом современного общественного развития.

«Сейчас мы ищем в его наследии, порой с беспокойством ищем, советов, указаний в нашей борьбе, нашем строительстве». Эти слова были сказаны А. В. Луначарским более полувека назад. Но как они современны сегодня!

Глубина содержания, блестящая форма, психологическая точность работ Луначарского позволяют нам полнее представить то незабываемое время, как бы почувствовать свою духовную породненность с Лениным.

Возможно, что созданный Луначарским образ в чем-то субъективен. Но именно непосредственные впечатления соратников вождя, их неповторимые ощущения особенно дороги нам, без них образ Ленина был бы беднее.

А. Титов

От составителя

ДАТЬ «ЛЕНИНИАДУ» — ЭТО ЗНАЧИТ ДАТЬ ЭПОПЕЮ НА ТЕМУ О БОРЬБЕ, О СТРОИТЕЛЬСТВЕ, О РЕВОЛЮЦИИ, О КУЛЬТУРЕ В ВЕЛИКИЕ ЛЕНИНСКИЕ ГОДЫ, ПОКАЗАТЬ, КАК ЛЕНИН ВЫРОС ИЗ ЭТОЙ ЭПОХИ, А ПОТОМ ОПЛОДОТВОРИЛ ЭТУ ЭПОХУ…

А.В. Луначарский

I

В многогранном наследии Анатолия Васильевича Луначарского особое место принадлежит жизнеописаниям замечательных людей.

Впервые обратившись к жанру биографического портрета еще в начале века, на заре своей литературно-публицистической деятельности, Анатолий Васильевич особенно систематически и плодотворно работал в нем в последние годы жизни. Это время было отмечено наибольшей зрелостью и глубиной в подходе к избранной теме. Вот перечень написанного в 1931–1933 годах: «Романы Чернышевского», «Гейне-мыслитель», «Гете и его время», «Путь Рихарда Вагнера», «Барух Спиноза и буржуазия», «Гоголиана», «Н. А. Римский-Корсаков», две наиболее значительные работы о Горьком — «К 40-летию творчества» и «Самгин» и, наконец, незаконченная биография Фрэнсиса Бэкона. Во введении к этой книге, которая должна была выйти в серии «Жизнь замечательных людей», Луначарский писал:

> «Меринг в одной из своих статей о Гете справедливо указывает на то, что только марксизм дает возможность подойти к биографии как следует. Глупые россказни о том, что мы отрицаем роль личности и что поэтому нам нечего заниматься индивидуальными биографиями, не заслуживают даже опровержения. А то обстоятельство, что личность мы воспринимаем не как нечто случайное или таинственное, а именно как узел течений, сил, принципов данной эпохи в их соприкосновении и в их борьбе, впервые дает возможность вскрыть подлинную

сущность личности.

Марксистская биография есть единственно верная биография. Само собой разумеется, прибавим мы, для того, чтобы быть истинно марксистской, марксистско-ленинской, она должна быть талантливой и основанной на хорошем изучении предмета».

Великолепно сформулированное теоретическое положение суммирует отношение Луначарского к биографиям-исследованиям, к работе биографа-марксиста.

Можно предположить, что столь целеустремленная, глубоко и всесторонне осмысленная работа Анатолия Васильевича в этом направлении была в то же время постепенной подготовкой его к написанию «подлинно научной биографии» Владимира Ильича Ленина.

Создание книги о Ленине — «человеке, в котором историческое величие гармонировало с необычайным личным обаянием,…такого чистого идейно, так бесконечно одаренного, что он, казалось, превосходил границы человеческого, хотя на самом деле впервые их заполнил» — было для него не только предметом постоянных глубоких размышлений, но и, судя по дневниковым записям, совершенно конкретной перспективой творчества.

Мысль о большой биографии-жизнеописании Ленина возникла у Луначарского, по-видимому, сразу после смерти Владимира Ильича. О насущной необходимости такой книги он написал в феврале 1924 года.

Рождение этого замысла относится к первым послереволюционным годам. В 1919 году, по просьбе известного издателя Гржебина, обратившегося к Луначарскому по рекомендации Горького, Анатолий Васильевич пишет «воспоминания о великом перевороте». Некоторые из этих воспоминаний составили книгу «Революционные силуэты», вышедшую в 1923 году. Открывал книгу очерк «Владимир Ильич Ленин». Второе ее издание было предпринято на Украине.

И при жизни Ленина, а особенно после его смерти, Луначарский очень часто выступал с воспоминаниями о том времени, когда «в одной комнате, за одним столом, за одним общим делом» доводилось вместе работать «с этим изумительным человеком». Многие воспоминания-речи датированы концом января 1924 года: они были произнесены в скорбные траурные дни.

Все это, конечно, были лишь фрагменты, крупицы, штрихи, но и они явились «подготовительными попытками охватить

Ленина как явление», глубокое и цельное, показать жизненный путь Ленина — гениального мыслителя, вождя революции, основателя пролетарского государства.

В своей книге «Память сердца» Наталия Александровна Луначарская-Розенель рассказывает о беседе Анатолия Васильевича с лечащим его врачом в Ментоне (Франция), где он провел последний месяц своей жизни.

> «Я хочу еще пожить, хотя бы для того, чтобы написать книгу о Ленине. Это мой долг. Эта книга будет самым значительным из всего, что я сделал в жизни.
>
> Он увлекся и горячо говорил об этой будущей книге, и врач не остановил его, он сам, затая дыхание, слушал Луначарского».

А в ночь накануне смерти Анатолий Васильевич говорил ей:

> «Мне нужно три года, еще три года. Я многое успею сделать за эти три года. Я напишу книгу о Ленине, я не буду разбрасываться, как раньше».

Чувство невыполненного долга жгло Луначарского. Об этом свидетельствуют публичные высказывания последних лет, воспоминания современников, письма к жене.

В письме к Наталии Александровне в 1930 году Анатолий Васильевич писал, что именно ради работы над книгой о Ленине он решается просить о переводе его на работу за границу, где, вдали от «московского шума жизни», он сможет сосредоточиться на этом труде, который рассматривал как книгу-исследование, как серьезнейшую научную работу.

II

Здесь, наверное, следует пояснить читателю, почему работать над книгой о Ленине в Москве было почти невозможно. Не только множество «постов» — служебных, научных, общественных, которые он занимал, требовали и отнимали массу времени и сил, но и колоссальная работа партийного публициста, пропагандиста, литератора, художественного критика — такова была повседневная жизнь Анатолия Васильевича тех лет. Все это, помноженное на неумение, да и нежелание отказывать, создавало нечеловеческую перегрузку.

Поэт-сатирик Александр Архангельский посвятил Луначарскому эпиграмму: «Родился предисловием вперед и

произнес вступительное слово». Действительно, редкое торжественное собрание, знаменательный юбилей, театральная премьера, собрание творческих организаций проходили без доклада или вступительного слова Луначарского. К нему, как к блестящему оратору, энциклопедически образованному человеку, обращались партийные организации (в качестве лектора Центрального и Московского комитетов партии он объездил весь Советский Союз, а в Москве и Подмосковье выступал по нескольку раз в месяц), писатели, художники, музыканты, режиссеры, издательства с просьбами о выступлениях, предисловиях, рецензиях.

Анатолия Васильевича, что называется, «рвали на части». Бывало, в один день ему приходилось диктовать стенографистке по 5–6 газетных и журнальных статей, рецензий, заметок на «злобу дня». Делал он это или с 7 утра, до служебной работы, или в свободные дни, а случалось — ив дни, когда недомогание заставляло оставаться дома. Рабочий день Луначарского иногда длился по 16 часов.

Сохранилась заметка Анатолия Васильевича, предназначенная для журнала «Огонек», — «Как я отдыхаю». Она начинается словами: «Строго говоря, я вовсе никогда не отдыхаю. Даже в праздничные дни у меня чрезвычайно редко выпадает что-нибудь похожее на то, что обыкновенно называется отдыхом, о будних же днях вовсе не приходится говорить».

Комментируя эту цитату в томе 82 «Литературного наследства» «А. В. Луначарский. Неизданные материалы», Н. А. Трифонов пишет: «И недаром жизнь этого человека сравнивали со свечой, зажженной с двух концов».

Огромна была и корреспонденция Луначарского — служебная и личная.

Об избыточной щедрости, с которой он раздаривал свои силы, время, здоровье, он начал думать только в последние годы жизни. Возвращаясь мысленно в прошлое и думая о будущем, он писал Наталии Александровне из Женевы, где регулярно, начиная с 1928 года, проводил по нескольку месяцев, участвуя в работе Лиги Наций. «Пора начинать жить более целеустремленно. Наступает вечер жизни, а сделано так мало…»

«Сделано так мало»…. Эта неудовлетворенность показывает чрезвычайную строгость самооценки Анатолия Васильевича. Прожив 58 лет, он написал более двух тысяч критических статей, 40 пьес, много стихов, несколько сценариев.

Круг интересов Луначарского-критика, тонкость и глубина анализа творчества того или иного писателя, композитора, художника — поразительны.

Бернард Шоу, выступая в Колонном зале Дома Союзов в Москве, во время своего визита в СССР в 1931 году, говорил: «Неделю назад Луначарский был для меня очень известным именем. Но сейчас он для меня живой человек. И я нашел в нем не только партийца-коммуниста, но и нечто, что русские и только русские могут мне дать: умение понять и оценить мои собственные произведения с такой глубиной и тонкостью, которой — я должен это признать — я никогда не встречал в Западной Европе».

В подготовленной Библиотекой имени В. И. Ленина полной библиографии работ Луначарского, изданных в СССР на русском языке, — около четырех тысяч трехсот названий.

Напомним, что он был автором поэтических надписей на первых, установленных сразу после революции мемориальных плитах-памятниках «Борцам революции» на Марсовом поле в Петрограде. Нельзя и сегодня без волнения читать эти надписи:

К сонму великих,
Ушедших от жизни
Во имя жизни расцвета
Героев восстаний разных времен,
К толпам якобинцев, борцов 48 года,
К толпам Коммунаров
Ныне примкнули сыны Петрограда.

Или:

Не жертвы — герои
Лежат под этой могилой,
Не горе, а зависть
Рождает судьба ваша
в сердцах
всех благодарных
потомков
в красные страшные дни.
Славно вы жили
И умирали прекрасно.

Сам первоклассный литератор, Луначарский приветствовал появление в советской литературе молодых имен — Леонида Леонова, Лидии Сейфуллиной, Федора Панферова, Михаила Шолохова, Иосифа Уткина, Александра Безыменского, Михаила Светлова, Эдуарда Багрицкого и других.

Луначарский был инициатором многих культурных начинаний молодой Республики Советов.

Эта короткая «справка» приведена нами для того, чтобы показать читателю причину беспокойства Анатолия Васильевича, который отлично понимал, что в Москве он никогда не сможет получить возможность для систематической, целеустремленной научной работы. А время, необратимое время шло, отдаляя претворение в жизнь больших творческих замыслов, о которых Луначарский писал: «главные труды жизни — впереди».

Если мы проследим «географию» его последних, наиболее крупных работ, то убедимся, что самое значительное было написано во время поездок в Женеву или на лечение в Германию и во Францию, то есть когда время служебное было ограничено, а встречи, как деловые, так и личные, не отнимали много времени.

III

Как уже говорилось, самым главным «трудом жизни» Луначарский считал биографию Владимира Ильича Ленина — книгу-исследование, в которой он надеялся донести до широкого читателя все неповторимое своеобразие «морально-психологического облика» «ни с чем несравнимой» личности вождя, всю глубину его гениального творчества. Прочтение дневников, писем к жене и найденный нами недавно в Центральном партийном архиве документ позволяют реконструировать во времени цепь событий, предшествующих этому принципиально важному для Луначарского решению. Их можно расценивать и как некий побудительный импульс для конкретного подхода к выполнению задуманного.

Решение взяться за эту огромную работу было принято осенью 1930 года. Вот при каких обстоятельствах, если писать в форме репортажа.

Шестого июля 1930 года Анатолий Васильевич выехал за границу. После отпуска он должен был выступить с докладами на двух европейских конгрессах — философском в Оксфорде и посвященном эстетическому воспитанию — в Гамбурге. Для подготовки к докладам Анатолий Васильевич должен был работать в библиотеках в Париже и Берлине.

Двенадцатого сентября Луначарские приехали в Париж, а 17-го навестили своего старого друга Анри Барбюса в его доме в Сен-Лис, под Парижем. Об этом свидетельствуют записи Луначарского в дневнике, который он вел очень аккуратно, записывал как планы дня, так и их исполнение. Итак, запись 17-го утром:

«Сегодня еду в Saint-Lys (Сен-Лис) завтракать к Барбюсу». Приписка вечером: «У него было довольно интересно. <…> Важный разговор со Шварцем из Agence Litteraire International (ALI).[3] Особенно важно о книге, посвященной Ленину».

Предложение ALI дало непосредственный толчок к обдумыванию Луначарским плана книги и, судя по тому, что уже менее чем через месяц Луначарский пишет Шварцу из Берлина, а одиннадцатого октября получает ответ, переговоры носили весьма конкретный характер.

В письме от 11 октября (оно, как мы уже упоминали, было найдено в Центральном партийном архиве недавно), сообщая о получении письма Луначарского, Шварц просит его «тем не менее, для порядка, подтвердить свое согласие до конца года (1930-го. — *И. Л.) с* тем, чтобы Агентство могло распространить проспект книги в разных странах». В тексте письма книга так и названа: биография Ленина.

Сохранился еще один ценнейший документ: основной девиз — идея книги. Напомним, что, готовясь к крупным докладам или статьям, Луначарский всесторонне продумывал для себя их основную, доминирующую идею. Продумывание, выявление такой доминанты было самым ответственным моментом в подготовке, ибо требовало анализа, тщательного «просеивания» всей суммы знаний о предмете работы. Свидетельство этому — воспоминания не только сотрудников Луначарского, но и слушателей его блестящих многочасовых докладов, которые он делал, зачастую расхаживая по эстраде и не имея никаких письменных планов в руках. На самом деле такие планы-тезисы, набросанные несколькими, сокращенно написанными фразами и словами, на отдельных листочках из блокнота, на обороте служебных писем, даже на полях случайно попавших в руки книжек — были. Некоторые такие наброски сохранились, и их расшифровка и изучение помогут восполнить отсутствующие стенограммы.

Для книги о Ленине основной тезис был продуман очень глубоко и тщательно. Он изложен в письме к Наталии Александровне, написанном из Женевы, куда приехал Луначарский в начале ноября 1930 года на заседание Лиги Наций.

Письмо датировано 23 ноября. Приводим его полностью.

> «ALI обратилось и сюда ко мне насчет книги о Ленине (это письмо Агентства пока не найдено. — И. Л.). Но о двух показ/ательных/ главах не может быть и речи: для этого надо в/есьма/ серьезно работать. Между тем я вновь должен буду написать им, что работа затянется на

один-полтора года, что я могу начать ее лишь позднее.

Конечно, послать им нечто вроде оглавления я могу и пошлю. Но что смущает меня, детка! Скажу тебе прямо — в Москве я такой книги никогда не напишу. Выйдет только конфуз с контрактом. Поэтому подписать его я могу только в том случае, если получу заграничное, б/олее/ или м/енее/ спокойное назначение.

А книгу о Ленине я хотел бы написать. В сущности моя тема: Ленин, как тип гения и героя. Книга была бы о том, что такое гений и герой, внешне образец и пример человечества. А Ленин как полный, новый и, так сказать, прозрачный по своему социально-психологическому строю тип гения. Такого убедительного еще не было. Другие гораздо запутаннее.

Но это очень большая работа. А им хочется, конечно, репортажа, биогр/афических/ подробностей, если можно, так и каких-нб./нибудь/ «разоблачений», новых документов и легкого чтения. Всего этого я не дам. Не могу и не хочу. Проспект я им, конечно, напишу и пошлю. М/ожет/б/ыть/, я ошибаюсь, и сварю с ними кашу.

Но дело не в этом: книгу у меня примет кто угодно. А вот написать. Для этого у меня есть все… кроме времени. Нужен год, полтора, при еженедельной кропотливой работе часов в 12–15. Я имею в виду еще 10 часов в неделю на паралл/ельную/ лит/ературную/ работу и часов 25 на службу. /…/ Разве в Москве это возможно? Ограничить службу (при высшей добросовестности без бюрократизму, компактно) 3 часами в день и взяв 4–5 часов на работу научную: читать, писать совершенно целеустремленно».

(Письмо приведено без поправок, в подлинной орфографии. — И. Л.)

Итак, единственную возможность «совершенно целеустремленной» работы по 4–5 часов в день Луначарский видел лишь в назначении вне Москвы. Сохранилось много документов — копий официальных писем, записей в дневниках, отразивших эту «борьбу за время».

В августе 1933 года А. В. Луначарский получил назначение чрезвычайным и полномочным послом в Испанию.

Кто знает, если бы не быстро развивающаяся болезнь сердца, может быть, за полтора-два года, в течение которых работа в Мадриде могла быть относительно спокойной, Анатолий

Васильевич, с его поразительной работоспособностью, почти невероятным темпом работы «на одном дыхании», — и успел бы создать эту книгу…

Вручение верительных грамот предполагалось на конец января 1934 года.

Осенью 1933 года Анатолий Васильевич прошел курс лечения в кардиологической клинике профессора Данзело в Париже, а в конце ноября, по рекомендации профессора, поехал на юг Франции, в Ментону, для отдыха.

Умер он 26 декабря от инфаркта — «разрыва сердца», как тогда говорили.

IV

В том, что Луначарский глубоко и тщательно продумывал содержание книги о Ленине, готовился к работе над ней, убеждает нас не только серия великолепных очерков-биографий, но и статья «Ленин и литературоведение», написанная им специально для Литературной энциклопедии в начале 1932 года. В этой статье, а по существу, брошюре в 4 печатных листа, впервые сделана попытка систематизировать и обобщить мысли и высказывания Ленина по вопросам литературы как части культуры, дать анализ современных литературоведческих проблем в свете учения Ленина.

Надо подчеркнуть фразу из этой статьи, которая характеризует отношение Луначарского к работе над всем, что касалось Ленина:

> «…пишущий эти строки позволяет себе сделать еще следующее замечание. Работая несколько лет в области культуры под непосредственным руководством Ленина, он, разумеется, имел несколько широких и глубоких бесед с великим вождем по вопросам культуры в целом, по вопросам народного образования в частности, а также искусства и художественной литературы. Он не может разрешить себе излагать эти беседы. Авторитет Ленина неизмерим; было бы преступлением освятить этим авторитетом какой-нибудь субъективный взгляд, который прокрался бы в такое изложение, сделанное на основе воспоминаний без точных записей на расстоянии многих лет».

В этом самоограничении — огромное чувство ответственности и еще раз повторенное сожаление: как обидно,

что не записывал сразу всего, что говорил Владимир Ильич во время бесед и совместных прогулок. Еще в статье-воспоминании «Опять в Женеве» (она, как и статья «Ленин и литературоведение», частично включена в предлагаемый сборник) Луначарский писал: «Я уверен, что если бы я был более догадлив и, придя домой после этих прогулок (вместе с Лениным. — *И. Л.*), сейчас же записывал все, что слышал из его уст, я мог бы сейчас представить вам, мои молодые читатели-комсомольцы, преинтересную книгу, но я слишком поздно спохватился, как и многие другие».

Тщательность, с которой Анатолий Васильевич относился к работе над энциклопедической статьей «Ленин и литературоведение», неоднократно перерабатывая и дополняя ее (о чем он также писал в письмах из Женевы в 1932 году), и записи в дневниках подтверждают, что новое обращение к изучению и восприятию ленинского наследия было также и подготовительной работой к книге о Ленине. Важность и обстоятельность этого исследования, посвященного наиболее близкой для Луначарского теме — культуре, которое самое уже могло быть развернуто в книгу, заставляет еще раз вспомнить фразу из письма: «Для этого у меня есть все… кроме времени».

Роль Ленина в жизни Луначарского была огромна, влияние его — определяюще. Об этом многократно говорил и писал Луначарский, считая, что встреча с Владимиром Ильичем была для него величайшим даром судьбы, Владимир Ильич высоко ценил деловые качества Луначарского, его вклад в работу редакций партийных газет, выпускаемых в эмиграции в Женеве и в Петербурге в 1905 году, его выступления на политических диспутах. Об этом говорят письма Ленина к Анатолию Васильевичу.

Вот отрывок из письма, написанного Владимиром Ильичем 20 июля (2 августа) 1905 года:

> «Помните, Вы писали: ущерба от моего отсутствия из Женевы (Луначарский в то время находился в Италии. — *И. Л.) не* будет, ибо пишу много и издали. Это так, что пишете много, и газету вести *кое-как* (но не более, чем кое-как, а нам чертовски нужно большее) можно. Но ущерб-то не только есть, но громадный ущерб, который яснее ясного чувствуется с каждым днем. Личное воздействие и выступление на собраниях в политике страшно много значит. Без них нет политической деятельности, и даже само писанье становится менее политическим».

Н. К. Крупская, вспоминая о приезде Луначарского в Женеву и вступлении его в редакцию газеты «Вперед», писала:

> «Луначарский оказался блестящим оратором, очень много содействовал укреплению большевистских позиций. С той поры Владимир Ильич стал очень хорошо относиться к Луначарскому, веселел в его присутствии и был к нему порядочно-таки пристрастен, даже во время расхождения с впередовцами (с 1908 года. — *И. Л.*). Да и Анатолий Васильевич в его присутствии всегда был особенно оживлен и остроумен. Помню, как однажды, кажется, в 1919 или 1920 году, Анатолий Васильевич, вернувшись с фронта (куда он часто выезжал как уполномоченный Реввоенсовета Республики. — *И. Л.*), описывал Владимиру Ильичу свои впечатления и как блестели глаза Владимира Ильича, когда он его слушал».

Рассказывая о сотрудничестве Луначарского в газете «Вперед», Надежда Константиновна вспоминает, что Владимир Ильич особенно ценил в Луначарском блестящего стилиста, его умение облекать всякую мысль в «изящную и увлекательную форму». «Мне приходилось», — пишет Крупская, — несколько раз присутствовать при разговорах Владимира Ильича с Анатолием Васильевичем и наблюдать, как они «заряжали» друг друга».

Впервые после резкого расхождения в 1908–1909 годах из-за разногласий по важному тактическому вопросу — об отношении к деятельности большевистской фракции в Государственной Думе, и по философским вопросам, они встретились в 1910 году, на Копенгагенском конгрессе II Интернационала.

Анатолий Васильевич вспоминал:

> «Перед съездом, не до-Копенгагена, уже в Дании, мы встретились с Лениным и дружески разговорились. Мы лично не порывали отношений и не обостряли их…»

А вот свидетельство Надежды Константиновны:

> «Ильич по возвращении в Париж рассказывал, что на конгрессе удалось ему хорошо поговорить с Луначарским. К Луначарскому Ильич всегда относился с большим пристрастием — больно его подкупала талантливость Анатолия Васильевича».

Это воспоминание подтверждает то, о чем писал Луначарский, — личные отношения между ними не обострялись,

личная симпатия сохранялась даже в отдельные годы взаимной резкой полемики и формального разрыва, как следствия идеологических ошибок Луначарского. Ленин не переставал считать этот разрыв временным.

Задуманная Анатолием Васильевичем книга о Ленине была бы гимном гению Ленина. Да и о своей жизни он не мог бы рассказать, не рассказав прежде всего о своем «великом учителе, о великой партии, к которой принадлежал». Это хорошо понимал Горький, который в нескольких письмах убеждал Луначарского в необходимости начать писать мемуары.

Вот выдержки из этих писем.

> «А не думаете ли Вы, дорогой Анатолий Васильевич, писать свои мемуары? Вот была бы замечательная книга. И очень нужная для нашей молодежи, плохо знакомой с историей старых большевиков».

Анатолий Васильевич отнесся к этому предложению с большой долей горечи, так как был уже тяжело болен и воспринял это пожелание старого друга, как некий намек.

В письме от 3 октября 1932 года Горький спешит успокоить Луначарского:

> «Дорогой Анатолий Васильевич, я предложил Вам писать мемуары, разумеется, не потому, что считаю Вас «конченным» — вопреки мнению берлинских врачей. Нет, я предлагаю это людям более молодым, чем Вы, более здоровым. Причина моей настойчивости очень ясна: история партии большевиков для нашей молодежи пища пресная, унылая и не содержит в себе главного — той «изюминки», коею был именно большевик-подпольщик, мастер революции. Мастера эти уходят один за другим. Я думаю, не нужно доказывать, как хорошо было бы, если бы каждый из них оставлял для нашей молодежи автобиографию свою. Вы, конечно, написали бы блестяще».

И еще в одном письме:

> «Вы прожили тяжелую и яркую жизнь, сделали большую работу. Вы долгое время, почти всю жизнь, шли плечо в плечо с Лениным…»

…С тех пор прошло много лет. Мемуарная литература о Ленине пополнилась художественной, написаны пьесы, созданы

кинофильмы о его жизни… Но той «биографии-поэмы», о которой мечтал Луначарский, мир пока не увидел. И хотя свои воспоминания Анатолий Васильевич оставил нам главным образом в виде речей, докладов, статей, интервью, в них содержатся неповторимые отражения, частицы живого образа Ленина-человека.

В статье Луначарского «Еще о театре красного быта», опубликованной в «Известиях» 1 сентября 1923 года, есть такая фраза:

> «Тот, кто не понимает, что нет никакого противоречия между нашим глубоким коллективизмом и тем, что мы называемся марксистами, то есть по имени определенного человека, и что нет противоречия между нашей верой в массы и нашей восторженной любовью к Ильичу, — тот ничего не понимает!»

Вот эта «восторженная любовь» и делает некоторые, даже самые краткие, наброски такими яркими и запоминающимися.

Поэтому и возникла мысль попытаться собрать в единый сборник то, что написано и застенографировано, дать как бы обобщенный образ Ленина — ЧЕЛОВЕКА НОВОГО МИРА — таким, каким его воспринял и передал грядущим поколениям Анатолий Васильевич Луначарский.

И. Луначарская

Раздел I

Владимир Ильич не принадлежал к числу тех людей, величие которых становится ясным только после их смерти; наоборот, мы все, даже встречавшиеся с ним в постоянном обиходе, прекрасно сознавали, что среди нас живет гений, что среди нас живет историческая фигура мирового масштаба. Да и вряд ли можно найти человека, у которого отсутствовало бы сознание этого необычайного и ни с чем не сравнимого величия нашего современника УЛЬЯНОВА-ЛЕНИНА. Не принадлежит Владимир Ильич и к числу таких лиц, которых жизненная сила и мощное влияние тускнеют со смертью, любовь к которым ослабевает после прекращения их материального существования как личности.

Владимир Ильич остается у нас и сейчас колоссально живым, живым, как социальная сила, и живым в наших воспоминаниях, как чарующая, ни с чем другим не сравнимая, подлинно социалистически высокая личность. Написать биографию Владимира Ильича так, как она должна представляться каждому его искреннему почитателю, есть задача и увлекательнейшая и грандиозная. Ведь это значит написать историю великой российской революции в ее самые жгучие годы, написать историю мировой революции за четверть века, это значит коснуться разнообразнейших вопросов политики, экономики и культуры. Это значит также написать во весь рост альфреско колоссальную фигуру, обаяние которой должно быть уловлено и передано потомству, фигуру, в моральном аспекте решительно не имеющую себе равной. Для того, чтобы составить такую биографию, нужно соединение большого литературного таланта и психологической чуткости, с одной стороны, большого политического опыта и социологической глубины — с другой. По сравнению с этой художественной биографией коллективные труды о Владимире Ильиче всегда будут в конце концов только подготовительными. Подготовительными явятся и все те частные большие критики или большие расширенные характеристики и попытки охватить Ленина как явление, которые делались многими его товарищами, в том числе и мною в разное время и с разными подходами. Будем

счастливы, если в этих попытках найдутся крупицы, необходимые для создания той глубокой научной, фактически верной и вместе с тем захватывающей биографии-поэмы, которая будет одной из прекраснейших книг мировой литературы.

18 февраля 1924 г.

(Из предисловия ко 2-му изданию брошюры «Революционные силуэты»)

Вождь пролетарской революции*

Историки-идеалисты склонялись и склоняются к мысли, что историю делают великие личности. В первую голову, личности, облеченные властью. А если их мысль наталкивалась на импонирующие фигуры революционеров, подымающихся к вершинам власти снизу, — то они приписывали и самую революцию на большую половину талантам, энергии или хитрости и искусству вождей.

«Мы, марксисты, знаем, что не личность создает историю, а история создает личность. И Владимир Ильич был создан историей. Но какой историей! Двадцатью пятью годами роста пролетарской партии в исключительных политических условиях, всей цепью развития русской революции, с одной стороны, и всей работой пролетариата Запада, проявившейся в марксизме, с другой стороны. Только огромная зрелость авангарда рабочего класса в России дала возможность выдвинуть целый ряд замечательных вождей и среди них величайшего гения».

(«К характеристике Октябрьской революции»)

«Великие события определяются великими причинами, но великие люди являются акушерами, которые помогают революционному будущему родиться поскорей».

(«Из воспоминаний о Жане Жоресе»)

Марксистская история объясняет исторические события ни от чьей воли не зависящими общественными процессами, перипетиями борьбы классов, сила которых и характер устремлений определяются их ролью в общественном производстве. Отсюда иные делают вывод, что марксизм не отводит великим людям никакой роли в истории, не признает великих людей.

Однако не правда ли, как странно было бы, если бы значение великих людей не признавало течение, которое именует себя марксизмом, то есть самое название свое вывело из имени великого человека.

Нет, марксистская история, а еще более того — марксистская

практика очень внимательно относятся к личности…

Марксисты — не стихийники. Зная, что революцию нельзя сделать, что революции происходят, мы в то же время прекрасно понимаем, что революция может быть неорганизованной, хаотической, а может быть введенной в русло планомерности и освещенной сознанием если не всех участников ее, то ее организующего авангарда. В том-то и сила пролетариата, в отличие, например, от крестьянства, что он лучше поддается организации и легче выдвигает из своей среды организаторов.

Пролетариат — класс-организатор, которому надо было сначала завоевать страну, а теперь надо ее устроить. И он не может производить такую работу без центрального штаба, в котором соединялись бы все известия и откуда давались бы директивы, где скоплялся бы весь наиболее ценный опыт и где выкристаллизовывался бы подлежащий проведению в жизнь план. <…>

Народные революции выбрасывают на поверхность колоссальные слои населения, до тех пор отторгнутые от власти. Естественно ждать, что среди этих новых людей, путем отбора, выделится известное количество личностей высоко даровитых.

Прибавьте к этому, что во главе революционного движения, пока оно таится в подполье, становятся люди наивысшего практического идеализма и непобедимого мужества, что они проходят суровую школу конспирации и тяжкой борьбы снизу, — и вы получите объяснение, почему широкие революции не могут не иметь крупных вождей.

Мир не знает революции столь широкой, подготовлявшейся столь длительной борьбой, как социальная революция в России, имеющая неизбежно перейти в мировую. Вот почему заранее можно было бы предсказать, что во главе такой революции должны оказаться люди высокого политического дарования и исключительной выдержанности характера.

Не случай, что во главе нашей партии стоит великий человек. Это так должно быть. В величии его дарований, в непоколебимости его воли сказываются широта и размах нашей революции и особенные, небывалые черты главного ее двигателя — рабочего класса,

[1920]

Владимир Ильич Ленин*

<…> Я был в ссылке, когда до нас начали доходить известия о II съезде. К этому времени уже издавалась и окрепла «Искра».[1] Я, не колеблясь, объявил себя искровцем. Но самую «Искру» знал я плохо: номера доходили до нас разрозненно, хотя все же доходили.

Во всяком случае, у нас было такое представление, что к нераздельной троице: Ленин, Мартов и Потресов — также интимно припаялась заграничная троица: Плеханов, Аксельрод и Засулич.

Поэтому известие о расколе на II съезде ударило нас как обухом по голове. Мы знали, что на II съезде будут иметь место последние акты борьбы с «Рабочим делом»,[2] но, чтобы раскол прошел по такой линии, что Мартов и Ленин окажутся в разных лагерях, а Плеханов расколется пополам, это нам совершенно не приходило в голову.

<…> Вскоре сделалось известным, среди кого имеет успех та или другая линия. К меньшевикам примкнуло большинство марксистской интеллигенции столиц, и они имели несомненный успех среди наиболее квалифицированных рабочих; к большевикам прежде всего примкнули именно комитеты, то есть провинциальные работники — профессионалы революции. И это была, конечно, тоже главным образом интеллигенция, но, несомненно, другого типа — не марксиствующие профессора, студенты и курсистки, а люди, раз навсегда бесповоротно сделавшие своей профессией революцию.

Главным образом этот элемент, которому Ленин придавал такое огромное значение, который он называл бактерией революции, и был сплочен знаменитым Организационным бюро комитетов большинства, которое и дало Ленину его армию. <…>

По окончании ссылки в Киеве мне удалось повидаться с тов. Кржижановским, в то время игравшим довольно большую роль, близким приятелем тов. Ленина, однако колебавшимся между чисто ленинской позицией и позицией примиренчества. Он-то и рассказал мне более подробно о Ленине. Характеризовал он его с энтузиазмом, характеризовал его огромный ум, нечеловеческую энергию, характеризовал его как необыкновенно милого, великолепного товарища, но в то же время отмечал, что Ленин прежде всего человек политический и что, разойдясь с кем-нибудь политически, он сейчас же рвет и личные отношения. В борьбе, по словам Кржижановского, Ленин был беспощаден и прямолинеен.

Едва после ссылки приехал я в Киев, как получил от Бюро комитетов большинства прямое предписание немедленно выехать за границу и вступить в редакцию Центрального органа партии. Я сделал это.

Несколько месяцев я прожил в Париже отчасти потому, что хотел ближе разобраться в разногласиях. Однако в Париже я все-таки стал немедленно во главе тамошней очень небольшой большевистской группы и начал уже воевать с меньшевиками.

Ленин писал мне раза два короткие письма, в которых звал торопиться в Женеву. Наконец он приехал сам.

Приезд его для меня был несколько неожидан. Лично на меня с первого взгляда он не произвел слишком хорошего впечатления. Мне он показался по наружности своей как будто чуть-чуть бесцветным; ничего определенного он мне не говорил, только настаивал на немедленном отъезде в Женеву.

На отъезд я согласился.

В то же время Ленин решил прочесть большой реферат в Париже на тему о судьбах русской революции и русского крестьянства.

На этом реферате я в первый раз услышал его как оратора. Здесь Ленин преобразился. Огромное впечатление на меня произвела та сосредоточенная энергия, с которой он говорил, эти вперенные в толпу слушателей, становящиеся почти мрачными и впивающиеся, как бурава, глаза, это монотонное, но полное силы движение оратора то вперед, то назад, эта плавно текущая и вся насквозь заряженная волей речь.

Я понял, что этот человек должен производить как трибун сильное и неизгладимое впечатление. А я уже знал, насколько силен Ленин как публицист своим грубоватым, необыкновенно ясным стилем, своим умением представлять всякую мысль, даже сложную, поразительно просто и варьировать ее так, чтобы она отчеканилась, наконец, даже в самом сыром и мало привыкшем к политическому мышлению уме.

<…> Но уже и тогда для меня было ясно, что доминирующей чертой его характера — тем, что составляло половину его облика, — была воля, крайне определенная, крайне напряженная воля, умевшая сосредоточиться на ближайшей задаче и никогда не выходить за круг, начертанный сильным умом, который всякую частную задачу устанавливал, как звено в огромной мировой политической цепи.

<…> Когда я ближе узнал Ленина, я оценил еще одну сторону его, которая сразу не бросается в глаза: это поразительную силу жизни в нем. Она в нем кипит и играет. В тот день, когда я пишу эти строки, Ленину должно быть уже 50 лет,

но он и сейчас еще совсем молодой человек, совсем юноша по своему жизненному тонусу. Как он заразительно, как мило, как по-детски хохочет и как легко рассмешить его, какая у него наклонность к смеху — этому выражению победы человека над трудностями! В самые страшные минуты, которые нам приходилось переживать, Ленин был неизменно ровен и все так же наклонен к веселому смеху.

Его гнев также необыкновенно мил. <…> Он всегда господствует над своим негодованием, и оно имеет почти шутливую форму. Этот гром, «как бы резвяся и играя, грохочет в небе голубом». Я много раз отмечал это внешнее бурление, эти сердитые слова, эти стрелы ядовитой иронии — и рядом был тот же смешок в глазах, была способность в одну минуту покончить всю эту сцену гнева, которая как будто разыгрывается Лениным, потому что так нужно, внутри же он остается не только спокойным, но и веселым.

В частной жизни Ленин тоже больше всего любит именно такое непритязательное, непосредственное, простое, кипением сил определяющееся веселье. Его любимцы — дети и котята. С ними он может подчас играть целыми часами.

В свою работу Ленин вносит то же благотворное обаяние жизни… Пишет он страшно быстро крупным, размашистым почерком; без единой помарки набрасывает он свои статьи, которые как будто не стоят ему никакого усилия. Писать он может в любой момент — обыкновенно утром, только встав с постели, но также и поздно вечером, вернувшись после утомительного дня, и когда угодно. Читал он все последнее время (за исключением, может быть, короткого промежутка за границей, во время реакции) больше урывками, чем усидчиво; но из всякой книги, чуть ли не из всякой страницы он всегда вынесет что-то новое, выкопает ту или иную нужную для него идею, которая служит ему потом оружием.

Особенно зажигается он не от родственных идей, а от противоположных. В нем всегда жив ярый полемист.

Но если Ленина как-то смешно называть «трудолюбивым», то трудоспособен он в огромной степени. Я близок к тому, чтобы признать его прямо неутомимым; если я не могу этого сказать, то потому, что знаю, что в последнее время нечеловеческие усилия, которые приходится ему делать, все-таки к концу каждой недели несколько надламывают его силы и заставляют его отдыхать[4].

Увы, не только в марте, но еще за какую-нибудь неделю до смерти Владимира Ильича мы все надеялись на это. Решительно все врачи, которые его лечили, заверяли его семью и ближайших его друзей, что дело идет быстро на поправку. В этом смысле в

марте мы относились к делу несколько пессимистичнее, чем, скажем, в декабре 1923 года. Между тем неизлечимый недуг продолжал свое дело. Врачи ошибались, и в заблуждение их вводило то, что великий мозг Владимира Ильича, несмотря на ужасные изъяны, нанесенные ему болезнью, так энергично боролся с ее симптомами, что приводил иногда к обнадеживающим улучшениям. — *А. Л. (Прим. 1924 г.)*.

Но ведь зато Ленин умеет отдыхать. Он берет этот отдых, как какую-то ванну, во время его он ни о чем не хочет думать и целиком отдается праздности и, если только возможно, своему любимому веселью и смеху. Поэтому из самого короткого отдыха Ленин выходит освеженным и готовым к новой борьбе.

Этот ключ сверкающей и какой-то наивной жизненности составляет рядом с прочной широтою ума и напряженной волей, о которых я говорил выше, очарование Ленина. Очарование это колоссально: люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него. Это относится к людям самых разных калибров и духовных настроений — от такого тонко вибрирующего огромного таланта, как Горький, до какого-нибудь «сиволапого» мужика, явившегося из глубины Пензенской губернии…

Вернусь к моим воспоминаниям о Ленине до Великой революции.

В первой части нашей жизни в Женеве до января 1905 года мы отдавались главным образом внутренней партийной борьбе. Здесь меня поражало в Ленине глубокое равнодушие к полемическим стычкам; он не придавал такого уж большого значения борьбе за заграничную аудиторию, которая в большинстве своем была на стороне меньшевиков. На разные торжественные дискуссии он не являлся и мне не особенно это советовал. Предпочитал, чтобы я выступал с большими цельными рефератами.

В отношении его к противникам не чувствовалось никакого озлобления, но тем не менее он был жестоким политическим противником, пользовался каждым их промахом, улавливая и обнажая всякий намек на оппортунизм (в чем был совершенно прав, потому что позднее меньшевики и сами раздули все тогдашние свои искры в достаточно оппортунистическое пламя). В политической борьбе пускал в ход всякое оружие, кроме грязного. Нельзя сказать, чтобы подобным же образом вели себя и меньшевики: отношения наши были довольно-таки испорчены, и мало кому из политических противников удавалось в то же время сохранить сколько-нибудь человеческие личные отношения.

Меньшевики обратились уже для нас во врагов. Особенно отравил отношения меньшевиков к нам Дан. Дана Ленин всегда очень не любил. Мартова же любил и любит[5], но считал его политически безвольным и теряющим за тонкостями политической мысли общие ее контуры.

С наступлением революционных событий[6] дело сильно изменилось, мы стали получать как бы моральное преимущество перед меньшевиками. Меньшевики к этому времени уже определенно повернули к лозунгу: толкать вперед буржуазию и стремиться к конституции или в крайнем случае демократической республике. Наша же, как утверждали меньшевики, «революционно-техническая» точка зрения, увлекала даже значительную часть эмигрантской публики, в особенности молодежь. Мы почувствовали живую почву под ногами.

Ленин в то время был великолепен. С величайшим увлечением развертывал он перспективы дальнейшей беспощадной революционной борьбы и страстно стремился в Россию. <…>

Встретился я с ним уже затем в Петербурге. <…> Конечно, он и тут писал немало блестящих статей и оставался политическим руководителем самой активной в политическом отношении партии — большевиков.

В то время Ленин, опасаясь ареста, крайне редко выступал как оратор; насколько помню — один только раз, под фамилией Карпова, причем был узнан, и ему была устроена грандиозная овация. Работал он главным образом «в углу», почти исключительно пером и на разных совещаниях главных штабов отдельных партий. <…>

Ленина в обстановке финляндской — когда ему приходилось отгрызаться от реакции — я не видел.

Встретились мы с Лениным вновь за границей на Штутгартском конгрессе.[3] Здесь мы были с ним как-то особенно близки: помимо того что нам приходилось постоянно совещаться, ибо мне поручена была от имени нашей партии одна из существеннейших работ на съезде, мы имели здесь и много больших политических бесед, так сказать, интимного характера. Мы взвешивали перспективы великой социальной революции, при этом в общем Ленин был большим оптимистом, чем я. Я находил, что ход событий будет несколько замедленным, что, по-видимому, придется ждать, пока капитализируются и страны Азии, что у капитала есть еще порядочные ресурсы и что мы разве в старости увидим настоящую социальную революцию. Ленина эти перспективы искренне огорчали. Когда я развивал ему свои доказательства, я заметил настоящую тень грусти на его сильном,

умном лице, и я понял, как страстно хочется этому человеку еще при своей жизни не только видеть революцию, но и мощно делать ее. Однако он ничего не утверждал, он был, по-видимому, только готов реалистически выжидать, когда движение пойдет вверх, и вести себя соответственно. У Ленина оказалось больше, чем у всех, политической чуткости, что не удивительно. <…>

Отмечу, между прочим, что Ленин всегда очень застенчив и как-то прячется в тень на международных конгрессах — может быть, потому, что он недостаточно верит в свое знание языков; между тем он хорошо говорит по-немецки и весьма недурно владеет французским и английским языками. Как бы то ни было, Ленин ограничивал свои публичные выступления на конгрессах несколькими фразами, и это изменилось после того, как Ленин почувствовал себя сначала в некоторой степени, а потом и безусловно вождем мировой революции. Уже в Циммервальде и Кинтале (где я, впрочем, лично не присутствовал) Ленин, насколько знаю, произносил большие и ответственные речи на иностранных языках. На конгрессах же III Интернационала он выступал зачастую с длинными докладами и притом не соглашался, чтобы их переводили переводчики, а говорил обыкновенно сам, сначала по-немецки, потом по-французски, всегда совершенно свободно и мысль свою излагал ясно и гибко. Тем более трогательным показался мне маленький документ, который я недавно видел в коллекциях музея «Красная Москва». Это анкета, написанная собственноручно Владимиром Ильичем. Против вопроса: «Говорит ли свободно на каком-нибудь языке» — Ильич твердо поставил: «Ни на одном». Маленький штрих, прекрасно характеризующий его необыкновенную скромность. Ее оценит всякий, кто присутствовал при громовых овациях, которые немцы, французы и другие западные европейцы устраивали Ильичу после его речей, сказанных на иностранных языках.

Я очень счастлив, что мне не пришлось, так сказать, в личном соприкосновении пережить нашу длительную политическую ссору с Лениным, когда я вместе с Богдановым и другими в свое время уклонялся влево и состоял в группе «Вперед»,[4] ошибочно разошедшейся с Лениным в оценке необходимости для партии в эпоху столыпинской реакции пользоваться легальными возможностями. <…>

Прибавлю к этим беглым замечаниям следующее. Мне часто приходилось работать с Лениным при выработке разного рода резолюций, обыкновенно это делалось коллективно — Ленин любит в этих случаях общую работу. Недавно мне пришлось вновь участвовать в такой работе при выработке резолюции VIII съезда по крестьянскому вопросу.

Сам Ленин чрезвычайно находчив при этом, быстро находит соответственные слова и фразы, взвешивает их с разных концов, иногда отклоняет. Чрезвычайно рад всякой помощи со стороны. Когда кому-нибудь удается найти вполне подходящую формулу: «Вот, вот, это у вас хорошо сказанулось, диктуйте-ка», — говорит в таких случаях Ленин. Если те или другие слова покажутся ему сомнительными, он опять, вперив глаза в пространство, задумывается и говорит: «Скажем лучше так». Иногда формулу, предложенную им самим с полной уверенностью, он отменяет, со смехом выслушав меткую критику.

Такая работа под председательством Ленина ведется всегда необыкновенно споро и как-то весело. Не только его собственный ум работает возбужденно, но он возбуждает в высшей степени умы других.

Сейчас я не буду ничего прибавлять к этим моим воспоминаниям о Владимире Ильиче до революции 1917 года. Конечно, у меня имеется еще очень много впечатлений и суждений о том абсолютно гениальном руководстве русской и мировой революцией, которое наш вождь сделал достоянием истории.

Я не отказываюсь от мысли дать более полный политический портрет Владимира Ильича на основании позднейшего опыта: целый ряд новых черт — отнюдь не идущих, однако, вразрез с отмеченными мною и характеризующих непосредственно его личность, — конечно, обогатил мое представление о нем за эти последние шесть лет сотрудничества. Но для таких более широких и содержательных портретов придет еще время.

Мне кажется, что товарищи, пожелавшие вновь опубликовать эти слегка лишь мною редакционно измененные страницы первого тома «Великого переворота», не ошибутся, полагая, что и они имеют свою небольшую ценность в истории России и современности, к которой всегда наблюдается в самых широких народных кругах такой обостренный и законный интерес.

[1924]

Ленин*

I

> «Лучшая часть интеллигенции, большей частью из интеллигентского пролетариата, переходит к трудящимся: в эпоху Чернышевского к крестьянству, в эпоху Ленина — к пролетариату».
>
> *(«Самгин»)*

Товарищи, я хочу в беглых чертах сказать вам о том, кем являлся Ленин в истории России, нашего отечества, кем он являлся в истории мира, и затем хочу поделиться некоторыми личными воспоминаниями или, вернее, попытаться дать вам абрис, силуэт Владимира Ильича как живого человека, поскольку мне приходилось его наблюдать.

Отец Владимира Ильича был сын крестьянина Астраханской губернии.[1] Дед Владимира Ильича пахал землю. Этот выходец из народа, отец Владимира Ильича, был типичным интеллигентом-разночинцем, болел душою за крестьянство, пользовался большою любовью и доверием среди учительства, которым руководил, — к концу своей жизни отец Владимира Ильича занимал в области просвещения более или менее видное место в губернии, но это не сделало его чиновником. Он был преданнейший *народный* учитель, симпатизировавший революционерам и воспитавший своих детей в революционном духе. Старший сын его — Александр Ильич Ульянов был человек блестящих способностей. Многие, знавшие Александра Ильича студентом, говорят, что он по гениальности своей не уступал Владимиру Ильичу. Владимир Ильич был еще мальчиком, когда Александр Ильич вошел в революцию, в «Народную волю», и сделался душой большого заговора с целью убить царя. Заговор был открыт, и Александр Ильич был повешен. Через несколько дней после повешения Александра Ильича один из величайших русских ученых — Менделеев — в лекции своей с глубоким горем сказал: эти проклятые социальные вопросы, это ненужное, по моему мнению, увлечение революцией, сколько оно отнимает великих дарований!

Но Александр Ильич погиб не напрасно. Не только как всякий героический народоволец оставил он нам героическую традицию, но он заронил в уже пылавшее революционною ненавистью к

неправде и революционною любовью к страдающему народу сердце маленького Володи новое пламя, и Владимир Ильич поклялся, что он отдаст всю свою жизнь народу и борьбе с Романовыми и их приспешниками.

Владимир Ильич, таким образом, был кровным образом связан через отца и брата с революцией прежней, народовольческой формации. Ум его жадно искал, каким образом можно помочь страдающему человечеству.

В широчайшей концепции чувства и мысли охватил Владимир Ильич все земное страдание и хотел послужить как можно более рационально, как можно более мощно тому, чтобы привести это страдание к концу. И он искал рациональных, целесообразных путей, чтобы этой цели достигнуть. И тут-то он наткнулся на два факта: на учение Карла Маркса и на развитие пролетариата в России. Учение Карла Маркса объективно, как астроном изучает светила небесные, установило пути, по которым возникает, зреет и умирает капитал, предрекло процессы, путем которых самим капиталом вызванный к жизни и им сплоченный пролетариат придет к победе над капиталом.

Это учение Карла Маркса, сделавшее социалистическую мечту наукой, было подхвачено в то время несколькими лучшими русскими умами и среди них громадным мыслителем — Георгием Валентиновичем Плехановым. Плеханов в русской заграничной прессе уже развернул идею о применимости марксизма к России. Это было большой заслугой.

Идя по стопам великих революционеров «Народной воли» но уже отказавшись от настоящей активной борьбы, измельчав, заменив революционную пламенность революционною фразою, эпигоны, вырожденцы народовольчества, — друзья народа на словах больше, чем на деле, жившие процентами с великого капитала мыслителей и деятелей расцвета, Чернышевских и Желябовых, — утверждали, что Россия идет совершенно своеобразным путем, что капитализм в России развернуться не может, так как внутренний рынок ее беден, а внешнего рынка она не добьется, что пролетариат всегда будет ничтожным меньшинством, что поэтому по-прежнему можно ориентироваться только на деревню, на общину.[2] А так как ясно было, что ни деревня, ни община, ни интеллигенция на путях пропаганды или террористической борьбы из трясины Россию не выведут, то эта эпигонская доктрина на самом деле никого не удовлетворяла. Интеллигенция к тому времени, как Владимир Ильич выступил на арену деятельности, уже массами отходила от революции или хотя бы даже от сочувствия ей.

Развивалось толстовство, развивалась обывательщина,

затягивавшая в тину так называемых мелких дел служения культурному прогрессу по мелочам, по мелочишкам, развивался пессимизм. То, чем жили 60-е и 70-е годы, вымерло. В 80-х годах жизнь стала сумеречной и безнадежной.

Понятно, почему подраставшая тогда молодежь, гимназическая и студенческая молодежь, сразу навострила уши, заслышав, что есть какой-то новый исход, не народнический, что есть какие-то новые революционные пути. И более жадно, чем другие, откликнулся на эту весть безмерно величайший во всем тогдашнем молодом поколении — Владимир Ильич Ленин. Он сразу перешел от плехановских доказательств и внимательного изучения трудов Маркса и Энгельса к основательным статистическим исследованиям. Ему было только 23 года; еще не были опубликованы первый легальный труд Плеханова о развитии монистического взгляда на историю и нашумевшая книга Петра Струве о капитализме в России, когда Владимир Ильич написал важное сочинение — сочинение, сейчас впервые легально изданное: «Что такое «друзья народа»…»,[3] резкий памфлет против народников и их отживших путей и самое яркое, кристально прозрачное, убедительное, научно обоснованное доказательство того, что именно рабочий класс, именно пролетариат должен и может взять в свои руки руководство всем революционным движением. Уже тогда этот молодой человек, студент, предвидел, что ни крестьянство без пролетариата никогда не сделает революции, так как нуждается в вожде, и таким коллективным вождем может быть для него только рабочий класс, ни рабочий класс не сможет в России сам по себе и сам для себя сделать ее, а лишь как передовой вождь крестьянства, верный интересам крестьян, как представитель всех трудящихся. В этой естественной смычке руководящего класса-диктатора и класса, представляющего огромное большинство населения, и видел Владимир Ильич несомненный залог победы.

Брошюра эта, конечно, легально издана быть не могла. Но теперь, когда мы читаем ее — многие впервые, многие даже из старых марксистов, так как она была под спудом, сам я был в таком положении и прочитал ее впервые только после революции, — все поражаются ясности взгляда, который там был выражен, и понимают, какое значение имело уже первое появление Владимира Ильича в русской революции.

Вскоре после этого он попытался легально издать под фамилией «Тулин» книгу, в которой критиковал марксистскую же книгу Петра Струве, сдававшего в сторону эволюции, в сторону прославления капитала, в сторону псевдомарксизма, примиренческого, выхолощенного, не пламенеющего

революционной энергией.[4] Владимир Ильич тогда в лице Петра Струве уже предвидел вырождение марксизма в мелкобуржуазную доктрину, которой будут прикрываться интеллигенты, далекие, в сущности, от народа, которые захотят использовать даже сам рабочий класс для своих мелких целей — для целей, может быть, и переворота, но переворота либерального, в рамках чисто буржуазных. И в статье, подписанной «Тулин», Владимир Ильич обрушивается в лице Петра Струве на весь грядущий реформизм и меньшевизм.[5]

Владимир Ильич, как я уже сказал, был крестьянином по происхождению, он был интеллигентом по образованию. И он был рабочим по усыновлению. Не меньше времени, чем сколько просиживал он за книгами, как студент, проводил он в рабочих кружках. Он производил в рабочих кружках впечатление незабываемое. Его мысль захватывала пролетариев. После встречи с ним они раз навсегда, на всю жизнь отдавались революционной борьбе.

Из Казанского университета он был изгнан за революционность. В Петрограде он был арестован, сослан в Сибирь. За время ссылки он написал решающий труд, вполне легальный («Развитие капитализма в России»[6]), в котором доказывал всю неправильность народнических представлений о невозможности развития капитализма в России, — труд настолько основательный, так мастерски маневрировавший огромным статистическим материалом, что он сразу выдвинул Владимира Ильича, до тех пор известного лишь в революционных кругах, в первые ряды русских статистиков, исследователей русского хозяйства.

Владимир Ильич бежит из ссылки за границу.[7] Первая его мысль — соединиться с Плехановым, собрать марксистски мыслящую эмиграцию и начать издавать газету, контрабандным путем ввозить ее в Россию и сеять таким образом новое семя. Газету он назвал «Искра» и под заглавием «Искра» поместил слова одного декабриста: «Из искры возгорится пламя». И подлинно, из этой искры, которую направлял Владимир Ильич оттуда, из-за границы, из Швейцарии, сюда, в Россию, возгорелось такое пламя, которое видно со всех четырех сторон света, — пламя, подобно которому не горело еще никогда в мире.

Владимир Ильич сделался одним из главных вождей рабочего класса и части интеллигенции, спаявшихся в социал-демократическую партию. В этой партии вскоре наметилось два главных течения: течение, фактически желавшее буржуазной революции и желавшее использовать для нее рабочих, и течение, желавшее социалистической революции и находившее

возможным ее осуществление. Спор шел так. Мелкобуржуазное крыло, фактически желавшее буржуазной революции и, не сознавая этого, представлявшее только левое крыло буржуазии, заигрывавшее с рабочим классом, как с движущей силой *буржуазной* революции — это крыло говорило: Россия не созрела, Россия экономически отсталая страна; и если нигде в мире еще нет социалистической революции, какая же социалистическая революция возможна в России? Бог с вами, это все пустяки!

Другое крыло, чисто рабочее, говорило: в России имеется огромный заряд революционной энергии, есть крестьянство, требующее аграрной революции; если рабочий класс сумеет сомкнуться с крестьянством, даст крестьянству помещичьи земли и заручится вследствие этого братской поддержкой крестьянства, то он сделается так могуч, русский рабочий класс, что сможет не только довести демократическую революцию до конца, но и занять передовые революционные социалистические позиции.

Это было основное разногласие: поддерживать либералов, оставаться в качестве второй скрипки при них и усесться затем на левых скамьях парламента в качестве оппозиции на австрийский или, в лучшем случае, на германский лад, или, сломив самодержавие, постараться сломить и буржуазию, опереться на крестьянство, довести революцию так далеко, как только возможно, и кликнуть клич всему миру, что наступает поворот к социализму. На этом разошлись меньшевики и большевики, и Владимир Ильич Ленин стал во главе большевистского крыла, и в этот раз не одним из вождей, а бесспорным, авторитетнейшим и — уже тогда — в буквальном смысле слова обожаемым вождем революционного крыла.

Дальнейшее значение Владимира Ильича в русской истории заключается именно в том, что он играл эту роль — руководителя русского большевизма. Ибо что сделал русский большевизм? Русский большевизм, в который притекли все наиболее стальные, наиболее активные элементы народа из рабочего класса, интеллигенции и крестьянства, этот русский большевизм, осекшись сначала на недостаточной подготовленности масс в 1905 году, сначала оказавшийся в ничтожном меньшинстве в рабочих и крестьянских Советах и в 1917 году, сумел путем гигантской пропаганды, в которой главное место занимал тот же Владимир Ильич, перетянуть на свою сторону Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, создал из этих Советов опору для захвата власти, побудил их смело взять власть в свои руки. <…>

Благодаря большевикам и Ленину русская революция не развернулась по типу ублюдочной, половинчатой, по типу

революции-выкидыша, как это было в Германии или в Австрии.[8] Она развернулась в революцию величайшую, гораздо более великую, чем французская, — в революцию, перешагнувшую все до сих пор бывшие в смысле полного очищения страны от всех феодальных пережитков, от всех пережитков помещичье-бюрократического строя, и сделала решительные шаги в сторону коммунизма.

Россия сделала революцию, поставившую ее на грани миров. Она сделала первую социалистическую революцию и зовет к ней Запад. Она сделала последнюю в Европе демократическую революцию и зовет к ней Восток. Спаяв обе эти революции в целостную систему, она завоевала право спаять великую революцию внеевропейских колониальных народов, восстающих против своего угнетения, с великой революцией европейских и американских пролетариев, переламывающих судьбу человечества от капитализма к коммунизму. И все эти великие события определяют роль Владимира Ильича в мировой истории.

II

Мы марксисты, которые потому и называют себя этим именем, что признают в Карле Марксе великого человека, выразившего закон движения мировой истории и настолько отразившего в своей личности пролетарскую борьбу, насколько мировые события могут воплотиться в человеческой личности. <…>

Карл Маркс превратил освободительные стремления человечества в точную теорию, дал борьбе за свободу научное обоснование, он показал на тысячах примеров, куда и как можно идти, — вот почему он был для нас величайшим человеком мировой истории.

Сейчас рядом с этой исполинской фигурой становится другая фигура — Владимира Ильича Ленина.

Владимир Ильич осуществил учение Маркса. К чему пришли марксисты Запада, социал-демократы? К тому, что, поклявшись перед войной 1914 года воздержаться от всякой поддержки буржуазного милитаризма и на всякую попытку буржуазии втянуть народы в войну ответить рабочим бойкотом, они на самом деле каждый в своей стране под лоскутными знаменами ложного патриотизма своими руками погнали рабочих в качестве пушечного мяса на защиту интересов капитала своих стран. Это был ужасающий, постыдный крах. Раздалось лишь немного протестующих голосов — голосов тех людей, что тогда, не

покорясь поветрию шовинизма, охватившего даже рабочих, сумели остаться верными человечности и социализму, и среди этих людей сразу на первый план выдвинулся Ленин. На социал-демократических конференциях в Циммервальде, в Кинтале и в тогдашней левой прессе они заявили: мы ориентируемся не на Англию и на ее союзников, не на Германию и ее союзников, мы — великая всемирная держава труда и мы враги всех и всяких империалистов. И в этой мировой державе труда, говорю я, сразу решительным вождем, общепризнанным вождем оказался Ленин,

До сих пор в Ленине видели вождя одной и, быть может, меньшей половины еще слабого русского движения. Но с этого времени мир увидел в нем оплот, руководителя, организатора подлинного интернационализма. К Ленину потянулось со всех сторон целое море рук и сердец. Все те, кто ненавидел войну, все те, кто верил в рабочие силы, в нем узрели предвозвестника величайшей мировой борьбы.

Ленин не только дал революционным борцам против империализма заповедь: в каждой стране бороться против своего правительства! — но он тотчас же показал пример такой борьбы в России. Не испугавшись обвинения в пораженчестве, доходившего до гнуснейших и подлейших обвинений в продажности по отношению к Германии, Ленин повел беспощадную борьбу и против царизма и против буржуазного правительства, продолжавшего после свержения царской власти вести империалистическую войну. Всем европейским рабочим партиям этим самым был дан образец правильной тактики.

Терпение у Ленина было велико. Никогда, ни разу ни слова упрека не срывалось с его уст, когда призывы, бросавшиеся нами Западу, вызывали лишь слабый отклик. Мы рассчитывали, что русская революция, которая решила покончить с властью банкиров, фабрикантов и помещиков, — что эта революция быстро будет окружена семьею новых революций в странах, более нас подготовленных к достижению коммунистического строя. Шесть лет прошло. Революции эти созревают, шествие их, глухие шаги приближающихся переворотов, в Германии, например, явственно слышны. Они уже у дверей.[9] Мир меняется, на наших глазах раскалывается: с одной стороны находится фашизм, который срывает с буржуазной диктатуры всякую маску культурности и демократичности, с другой стороны — ясномыслящий коммунизм. <…>

Ленин — мировой вождь, потому что он персонификация и один из главных двигателей гигантского переворота, равного которому история не знала.

«Если есть люди, которые недостаточно его знали, или которые знали издали и не испытывали на себе его обаяния, то надо, чтобы все как можно скорее присмотрелись к этому изумительному, чудесному явлению».

(Из доклада, посвященного 5-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина)

«Марксизм учит, что великие дела нельзя совершить без великого энтузиазма, что великие эпохи неизбежно его порождают.

И энтузиазм был в огромной мере присущ Владимиру Ильичу. Это был человек широчайшей любви, жгучей ненависти, страстного стремления к правде жизни, к будущему, которое он видел ясно и приблизить к которому человечество было в конце концов его единственной целью».

(«Ленин и молодежь». Статья. «Комсомольская правда», 21 января 1926 г.)

Я хочу теперь перейти, товарищи, хотя к очень краткому и очень слабому абрису того, что представляет собою Владимир Ильич как личность.

Первое, конечно, что бросается в нем в глаза, — это его гигантский ум.

Было любо-дорого сидеть в Совнаркоме и присматриваться к тому, как решает вопросы Владимир Ильич, как он внимательнейшим образом вслушивается, вдумывается, взвешивает, пересматривает все для каждого вопроса — а вопросов много — и как он резюмирует затем вопрос. Резюмирует — и нет больше споров и нет больше разногласий: если принял сторону одних против других или согласовал взгляды одних и других в неожиданном синтезе, то с такими аргументами, против которых не пойдешь.

Ставились иногда проблемы роковые, требовавшие гигантского напряжения. У Владимира Ильича этого напряжения не было видно. Значит ли это, что он хоть к одному вопросу относился несерьезно? Никогда. Ни малейшего дилетантизма! Если он не знает, он спрашивает всегда, он подготовляет материалы. Он чувствовал постоянно громадную ответственность,

которая на нем лежит, и это не мешало ему быть таким радостным, таким бодрым, таким обаятельным во всем, что он делал, что мы все всегда неизменно бывали очарованы. И в этом, конечно, сказывалась и сила ума, помимо особенностей темперамента, делавшая возможным гигантское напряжение без потуг, без признаков утомления, изнурения, уныния.

Если говорить о сердце Владимира Ильича, то оно сказывалось больше всего в коренной его любви. Это была не любовь-доброта в том смысле, в каком это понимает обыватель.

Когда он изредка заговаривал о правде, об исконной человеческой морали, о добре, то чувствовалось, как непоколебимо у него это чувство, и оно согревало его и давало ему эту опору, которая делала его могучим, стальным в проведении своей воли. Если он ненавидел — а ненавидел он политических врагов, личных врагов у него не было, он ненавидел классы, а не личности, — если ненавидел, то ненавидел во имя любви, во имя той любви, которая была шире сегодняшнего дня и сегодняшних отношений.

Но это не значит, что Владимир Ильич был сух, что он был фанатик, что для него существовало только дело. Там, где он мог проявить непосредственную свою ласковость и сердечность, там он их проявлял в трогательных чертах.

Придет еще время друзьям Ильича, которые близко к нему стояли, рассказать, что это был за человек в личных отношениях. Я хочу остановиться сейчас лишь на некоторых отдельных черточках. Скажу вам, что товарища более заботливого, более нежного, более преданного нельзя себе вообразить. И таким товарищем он был не только для стоявших рядом помощников, но и для всякого члена партии и просто для всякого, кто приходил к нему в кабинет. Почему эти «простые» люди, которых он любил, из бесед с которыми он выносил так много, что мы, грешные, из десяти томов книг не выносили столько сведений, сколько он из беседы с каким-нибудь тверским или рязанским мужичком, — почему они выходили от него всегда с такой счастливой улыбкой на лице? Бывали они и у нас, и ничего — побывал и побывал, хоть разницу с прежними чиновниками они, может быть, и видели. Но что касается Владимира Ильича, то они выходили от него с особенными лицами. «Дошли до самого большого, — говорили. — Прост! Обо всем расспросил и все разъяснил». И если бы Владимиру Ильичу возможно было, то он, кажется, только и купался бы что в этом крестьянском и рабочем море. Всяким случаем, всяким свободным моментом он пользовался для этого. Часто говорил: вот там назначено дело такое-то и такое-то, а вот тут есть промежуток времени, и за это время я приму ходоков —

из его ли Симбирской губернии, или из Сибири, или из Туркестана. И конечно, хотя он мог принять на 15 минут, они, бывало, пробудут и час и полтора. И он говорит потом, как будто немножко устыдившись этого: «Извините, задержался, уж очень интересно было!»

Он знал, что каждая ошибка опасна и, может быть, много унесет жертв, и поэтому был всегда серьезен, принимая решения. Но была в нем уверенность, что в конце концов враги будут побеждены, и это внушало ему непоколебимую уверенность и создало его тонкую, хитрую, полную ума усмешку. Он знал, что история всех хитрецов перехитрит, что история всех могучих врагов поборет, и знал, что история с ним, что он любимый сын истории, что он ее наперсник, что он подслушал у ее сердца, чего она хочет и к чему ведет.

Товарищи, велика фигура Ленина в русской истории. Он сделал Россию самой передовой, самой близкой к коммунизму республикой мира. Он смыл наш позор сотен лет рабства, он поставил Россию впереди всех народов мира. Он больше чем кто-нибудь другой дал свободу ее национальным меньшинствам, он связал неразрывными узами рабочих и крестьян, он, создавший Советскую власть, в то же время начертал своей рукой, что по мере изживания контрреволюционных настроений надо распространить советские права на все население без исключения и понимать Советскую власть, как втягивание в живую, реальную, подлинную государственную работу всех, до самого отсталого крестьянина. <…>

Когда мы говорим, что велик Ленин в русской истории, велик Ленин в мировой истории, мы вовсе не отрекаемся от нашего марксистского учения о том, что роль личности ограничена. Ленин был создан всем ходом русской революции. Ленин был создан мощной волей созревавшего русского пролетариата. Ленин был создан нынешними мировыми событиями. Ленин есть отражение, создание, воплощение великой борьбы рабочих и крестьян всего мира. Мы вступили в великую эпоху, поэтому у нас появляются великие люди, и первый из них Ленин.

Вместе с тем хочется сказать уже теперь, кроме всей этой исторической оценки, что это был человек, в котором историческое величие гармонировало с необычайным личным обаянием, в котором моральная и умственная стороны натуры существовали в необычайной гармонии. Это был человек столь свободный, столь преданный великому делу, столь внутренне незлобивый, такой чистый идейно, такой прекрасный в каждом мельчайшем своем проявлении, что стоишь у гроба его с этими воспоминаниями в душе и думаешь: а были у него хоть какие-

нибудь недостатки, а вспомни что-нибудь — ну, может быть, признак какого-нибудь тщеславия, самодовольства, какую-нибудь враждебную выходку по отношению к кому-нибудь, какую-нибудь слабость, какое-нибудь желание личного удовольствия за счет дела, которое он должен был делать? Нигде, ничего, никак не припомнишь.

Говорят, всегда бывают мертвенны «чисто положительные» типы в романах. А вот это был в жизни чисто положительный тип. Золотой человек умом, сердцем, каждым своим движением, человек из цельного, чистого, беспримесного золота наилучшей чеканки. И говоришь себе: да, это первый социалист. Это не только первый социалист по подвигам, которые он совершил, это первый образчик того, чем может быть человек. Утрата его есть не только утрата вождя, это есть смерть человека, равного которому по симпатичности облика, по очаровательности мы, люди, которым уже под 50 лет и которые виды видывали, не знаем и вряд ли в своей жизни будем так счастливы, чтобы еще встретить.

Товарищи! Конечно, это правда, что Ленин жив. Конечно, остались его сочинения, его традиции, его дух. Разве такие люди могут умереть? И даже более того: теперь Ленин, может быть, более жив, чем когда-нибудь. Живого человека как-то еще критикуют, как-то с ним меряются, а тут, на краю его могилы, мы все ощутили, что критиковать и меряться с ним — все это зря. Был великий дар нам дан — дорогой, безукоризненный, безошибочный кормчий. И в этом нынешнем апофеозе своем Ленин, быть может, еще сильнее, чем он был при жизни.

И все-таки каждый из нас чувствует себя осиротевшим. Как-то остались мы, люди, одни на земле — мы, всякие люди, маленькие люди, средние люди, большие люди, очень большие люди, но люди — люди обычного для нашего времени калибра, кто на вершок меньше, кто на вершок больше… И будем мы, конечно, бороться и будем идти по путям Ленина. Но вот человека, так бесконечно одаренного, что он, казалось, превосходил границы человеческого, хотя на самом деле впервые их заполнил, впервые давал образ настоящего человека, каким он должен быть, — его уже нет. Остались мы в нашей среде, в нашей людской компании.

Энгельс, когда хоронил Маркса, сказал: человечество стало на целую голову ниже. И мы испытываем то же: темнее стало, сумерки какие-то. Нет того сияющего светоча, к которому обращались, чтобы лучше разглядеть большое и малое.

Велико человечество. Бездонно и неисчерпаемо богатым вступило оно в период кризиса и творчества. С самого дна его будут подниматься теперь люди, которые в другую эпоху прошли бы безмолвными мудрецами в какой-нибудь далекой деревне, а

теперь смогут подняться к государственному кормилу. Будем их ждать. Будем их воспитывать. И сами, каждый в меру своих сил, каждый на своем посту, с трепетом, сознавая величие эпохи, будем трудиться в направлении, указанном всей мировой историей, уясненной гением Владимира Ильича Ленина.

Товарищи, такое великое явление, как Ленин, конечно, найдет себе отражение и в мировом искусстве. Пусть не непосредственно с Ленина написаны будут какие-то колоссальные образы в музыке, изобразительных искусствах, театрах. Но помните, что мы подняты на огромную высоту. Еще недавно мы оглядывались и говорили: «Где же гении, где же героическое, где же абсолютно светлое?» А ведь мы его видели, мы видели Человека с большой буквы, мы дышали с ним одним воздухом, мы наблюдали его в его исторической деятельности и в повседневном быту. В нем, как в фокусе, сосредоточились лучи света и тепла, широкими волнами ходящие теперь по земле в героизме рядовых рабочих, крестьян и красноармейцев.

Мы вступаем в героическую эпоху, и квинтэссенция ее, ярчайший фокус и сосредоточие ее — Ленин — должен нас вдохновлять и поднимать и в том художественном творчестве, к которому мы, здесь собравшиеся, призваны. О, если бы искусство, которое мы будем творить с сегодняшнего дня, было бы достойно такого человека, который стоял во главе нас! Это было бы поистине великое искусство.

И так это не только в искусстве, это так для всех сторон жизни. Равняться по Ленину никто не может, но всякий должен. Всякий должен из всех сил равняться по Ленину и, в чем только можно, поднимать до этого уровня свою теоретическую мысль, свою работу, свою жизнь, свою борьбу.

27 января 1924 года

Владимир Ильич Ленин*

Владимир Ильич Ульянов-Ленин является безусловно одной из крупнейших фигур мировой истории. Это объясняется прежде всего тем, что переживаемые ныне события представляют собой вообще центральное явление в истории. Мы стоим на пороге, когда кончается, по словам Маркса, преддверие в историю человечества и начинается настоящая разумная и планомерная история человеческого труда, переделывающего мир. <…>

Россия оказалась страной, в которой созрела последняя в Европе демократическая революция. Зрелость этой революции совпала с рождением первой грандиозной пролетарской социальной революции. Это и поставило фигуру Ленина на гигантский исторический пьедестал. <…>

Ленин был фигурой еще небывалой в истории, так как он являлся первым реализатором революции пролетарской и социалистической, какой мир еще не видал. Конечно, реализатором только части социальной революции, которая могла быть помещена в рамках капиталистически отсталой России. Но так как эта часть являлась первым актом мировой революции, то уже отсюда вытекает гигантское значение ее.

Этого, однако, недостаточно. Надо обратить внимание еще на то обстоятельство, что пролетариат капиталистических стран, до сих пор еще внутренне разорванный, находящийся в значительной своей части под влиянием меньшевизма, не в состоянии был бы завершить социальную революцию, если бы в дальнейшем пролетарский переворот не получил поддержку в развертывающейся дальше в глубь Азии революции демократического порядка. Ленин, вождь мирового пролетариата, прекрасно осознал необходимость связать эту революцию с революцией, освобождающейся от пут феодализма или капиталистического колонизаторства. Отсюда его непоколебимая уверенность в необходимости смычки с русским крестьянством и колониальными народами мира.

Революционная Россия, подающая таким образом одну руку передовым пролетариям Америки и Европы, а другую — народам Азии и Африки, вообще, и в этом отношении представляет собою исключительной важности революционную позицию. Вот эти всемирные исторические обстоятельства создали для Ленина, вряд ли когда-либо в истории человечества имевшую место, гигантски широкую арену деятельности.

Вопрос был именно в том, найдется ли в человечестве такая организованная коллективная сила и, с другой стороны, такой

выразитель и вождь ее, которые смогли бы планомерно использовать эти титанические возможности.

В течение 25 лет молот самодержавия ковал русскую рабочую революционную силу и внедрившуюся в нее, спаявшуюся с ней часть революционной интеллигенции. Конспиративная и в то же время массовая рабочая партия очищалась постепенно, постепенно под этими ударами приобретала громадную внутреннюю солидарность и изумительную дисциплинированность, сумела стать боевой и в эти четверть века борьбы смогла выбрать из своей среды наиболее соответственных руководителей.

Так создалась в России не виданная еще в мире по сплоченности и талантливости партия. Другие, заговорщические партии, отличались обыкновенно узостью, не сознавая необходимости широкого народного массового действия. Широкая народная же партия вроде западноевропейской социал-демократии, не ведя подлинной революционной героической борьбы, развращалась в атмосфере парламентаризма и легальности, не получая той революционной закалки, какой отличаются русские коммунисты. Только такая партия и могла выдвинуть вождя подобного Владимиру Ильичу.

Еще одно огромной важности замечание, вытекающее из вышесказанного. Коммунистическая партия представляет собой партию научного социализма. Никогда еще ни одна партия в мире не базировалась на строго проверенных научно-построенных предпосылках.

Подлинный марксизм, будучи строгой наукой, в то же время придает гигантское значение организованным проявлениям классовой и групповой воли. Коммунистическая партия таким образом соединила холодный учет происходящих в действительности процессов со стремительной боевой активностью. Это настоящая стратегия, первой частью которой является абсолютно честный и трезвый взгляд на проблемы и на силы, которые внутри общества действуют, и второй частью определенная боевая тактика, которая стремится достичь определенных и максимальных результатов путем вмешательства в познанную таким образом систему сил. Ленин как будто создан теми силовыми линиями, которые здесь намечены и которые связывает в один клубок коммунистическая партия.

Ленин, во-первых, был сильнейшим мыслителем-марксистом. Он был безусловно трезв и честен при учете внешних условий. Никогда, ни на что, ни на друга, ни на врага, ни на себя самого не смотрел он сквозь розовые очки. Он был склонен скорей преуменьшать, чем преувеличивать шансы победы. В своем

анализе он по-марксистски доходил всегда до экономической основы, до статистического цифрового учета реального положения общественных сил.

Ленин посчитал бы в высшей степени странным самую возможность предположить существование крупного революционера, который не был бы вместе с тем крупным теоретиком. Серьезная методологическая выучка, значительная сумма знаний, умение честно, остро и точно анализировать — все эти черты необходимы для нового типа революционера и все эти черты в максимальной степени присущи Владимиру Ильичу как революционному теоретику.

Далее Владимир Ильич Ленин является замечательным тактиком.

Как ни высок уровень коммунистической сознательности в коммунистической партии, она иногда отставала от своего вождя. Партия в значительной своей части была ошеломлена призывом Ленина немедленно приступить к революции в Октябре. У многих захватывало дух. Однако Ленин оказался полностью прав. Точно так же занятая Лениным линия во время Брестского мира очень многим коммунистам, в том числе и крупнейшим, казалась неправильной и неприемлемой. Однако именно эта гениальная линия спасла тогда русскую революцию.

Многие элементы партии были потрясены и даже растеряны провозглашением новой экономической политики. Многие только значительно позднее поняли всю неизбежность и огромную плодотворность этого шага. Таких примеров можно привести множество. <…>

Являясь теоретиком и тактиком революционной борьбы, Ленин представляет в то же время изумительного государственного человека.

Оказавшись во главе сложного, неудовлетворительного, молодого, неопытного государственного аппарата, затрачивая неимоверное количество сил, Владимир Ильич контролировал подбор людей и их работу и неизменно, изо дня в день, и с часу в час, как Председатель Совета Народных Комиссаров, строил новый государственный порядок. Даже накануне своей тяжелой болезни дал он еще новые гениальные указания относительно дальнейшей реконструкции государственной машины.

Одной из выдающихся особенностей Ленина как государственного человека является его дипломатический гений. Как никто, умел он, благодаря марксистскому анализу, разъяснять, что таится за всякими фразами и нотами нашего противника. Западноевропейские дипломаты вынуждены были признать эту гениальную проницательность и это

исключительное умение руководить революционной страной в области международных отношений. <…>

В этом перечислении основных свойств и основных идей В. И. Ленина как исторической фигуры упущено еще очень много, много даже важного, но рамки настоящей биографии и характеристики не позволяют мне войти в дальнейшие подробности. <…>

[1924]

Ленин и меньшевизм*

Ленин и меньшевизм — антиподы.

> «…ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не были беспристрастны… Их высшая объективность заключалась как раз в их партийности».
>
> *(«Самгин»)*

Ленин — весь борьба. Прежде всего, конечно, борьба с помещичьим и буржуазным жизненными укладами, с господствующими классами, и, во-вторых, не в меньшей мере, — борьба с меньшевизмом.

Борьба с меньшевизмом одно время казалась борьбою за полновесную и беспощадную классовую войну против господствующих, борьбой против защитников половинчатых и нерешительных форм такой войны.

Чем дальше, однако, тем больше выяснялось, что это не так, что мнимо половинчатая форма борьбы меньшевиков есть на самом деле защита господствующих, при этом в самой тонкой, самой ядовитой форме. Этим самым борьба с меньшевизмом превратилась в одну из главнейших задач общей войны пролетарского класса против капитала.

Ленин столкнулся с меньшевизмом в его колыбели, когда он еще не получил своего нынешнего имени. Дело было так: в девятидесятых годах всем, сколько-нибудь чутким представителям российской интеллигенции, сделалось ясным, что в России развивается мощный капитализм, что родился и растет класс пролетариата, что он является надежной заменой крестьянства, на которое прежде рассчитывала интеллигенция для борьбы своей с самодержавием.

Начался роман интеллигенции с рабочими, заменивший собой роман ее с мужиком.

Роман шел, конечно, под знаком готовности интеллигенции служить интересам пролетариата.

На самом же деле, такие интеллигенты, даже значительное большинство их, преследовали другую цель, а именно: «сорганизовать» пролетарское движение, которое было бы опорой для буржуазно-либеральных сдвигов, для завоевания европейских порядков в России.

Привлечение пролетариата к решению этой задачи можно было, конечно, только связывать с коренными нуждами рабочего

класса, с его экономическим положением, а также с его естественным идеалом — социализмом. Поэтому интеллигенция рядилась экономистами и социалистами.

Однако, судя эту интеллигенцию не по ее словам, а но ее поступкам, не трудно было убедиться в том, что она стремилась придать рабочему движению характер умеренности и аккуратности, чтобы движение это не вышло из роли подголоска буржуазного либерализма.

Самым ловким приемом доменьшевистского меньшевизма, так называемого экономизма, рабочедельства и т. д., была попытка опереться на отсталость рабочего, на его якобы нежелание политически оформиться, на якобы присущий ему интерес исключительно к экономической борьбе.

Это-то и называл Владимир Ильич хвостизмом. Он бурно боролся против отравителей сознания рабочего класса и против стремления предохранить рабочие головы от политической заразы; Владимир Ильич принадлежал к тому меньшинству революционной интеллигенции, которая целиком отдалась пролетариату и которая поставила своей задачей помочь пролетариату создать самостоятельную могучую революционную партию.

Ленину удалось одержать более или менее полную победу над экономистами. Вокруг его газеты «Искра» соединилось подавляющее большинство социал-демократов, но далеко не все они были подлинными революционерами. Сюда опять набилось множество тех же переряженных либералов. Между искровцами произошел раскол. И вот тут-то расколовшиеся половины получили название большевиков и меньшевиков.

Вся история русской социал-демократии после II съезда представляет собою непрерывную борьбу со стороны Ленина и его сподвижников за самостоятельность рабочего класса, за руководящую роль его в грядущей революции, за гегемонию пролетариата, против меньшевизма, продолжавшего, вкось и вкривь толкуя Маркса, защищать теорию чисто буржуазной революции, теорию необходимости для пролетариата сыграть в этой революции роль пристяжки.

В Западной Европе в недрах социал-демократии тоже наметился раскол. Появились, так называемые, ревизионисты марксизма, с Бернштейном и другими во главе. <…> Почти вся русская социал-демократия его осуждала, считая себя приверженцами левого чисто марксистского революционного крыла. Но тут на самом- деле имелось совершенно то же явление, которое вскрылось на II съезде РСДРП, то есть среди так называемых левых или ортодоксов, на самом деле таилось

огромное количество людей, фактически под декорацией революционной фразы давно превратившихся в таких же мирных обновленцев, какими- были и бернштейнианцы. Война вскрыла этот характер большинства социал-демократии. Она до ужаса наглядно показала подлинным революционерам, что так называемый II Интернационал, огромное большинство вождей и аппаратчиков рабочих партий мира являются не только вялыми и нерешительными борцами против буржуазии, но превратились в прямых агентов буржуазии, которая заговаривала зубы пролетариату, якобы ведя борьбу, а на самом деле удерживая его в повиновении господствующим классам. <…>

Тогда Ленин во всеоружии всей своей марксистской аргументации, своего огромного революционного темперамента, своего организаторского гения вступил в борьбу с этим мировым меньшевизмом. Слово меньшевик даже в международном языке стало синонимом этой под социализм загримированной агентуры буржуазного класса, увы, держащей еще в зависимости от себя большое количество рабочих. Большевизм или коммунизм, что одно и то же, в международном масштабе сделался знаменем той части рабочего класса, которая хочет подлинной и полной победы социализма на всем земном шаре.

Тактика беспощадного разоблачения меньшевизма путем всякой публичной полемики, тактика внутренней чистки коммунистической партии от разного рода центристов, умеренных и т. д., тактика единого фронта, направленная к тому, чтобы вырвать массы из-под влияния меньшевизма, вовлекая их в общую практическую работу хотя бы минимальных лозунгов, — вот те приемы, которые были пущены в ход Лениным для того, чтобы излечить рабочий класс от его дурной болезни — меньшевизма.

Буржуазия кое-где пытается ухватиться как за оружие против большевизма — за фашизм. В других странах она предпочитает более тонкое и ядовитое средство — меньшевизм. Черносотенец Муссолини, глава итальянского правительства, и меньшевик Макдональд, глава английского правительства, признали СССР, республику большевиков, республику Ленина. Но на самом деле непримиримая и беспощадная борьба продолжается. Чтобы вести ее, надо учиться у Ленина проникновению в мозг и сердце меньшевизма, умению наносить ему страшные удары перед лицом рабочего класса, решительно и в то же время терпеливо, смело и в то же время осторожно уничтожать власть меньшевизма, последней и хитрой формы опеки буржуазии над рабочим классом.

[1924]

К характеристике Ленина как личности*

Чем более грандиозное движение находится перед нами, и чем более полно охватывает его тот или другой вождь, тем, конечно, более сильной должны мы предположить его мысль и его волю. Владимир Ильич обладал отличительно яркой, граненно четкой, глубоко охватывающей всякий предмет и поэтому почти ясновидящей мыслью. Мы знаем также, что даже в таком стальном аппарате, как выкованная двадцатилетней борьбой коммунистическая партия, Ленин и его воля играли роль своеобразного мотора, который часто давал необходимый толчок и оказывался решающим элементом во всей партийной работе. Ни на минуту не отрываясь от партийного большинства, Ленин являлся в полном смысле слова двигателем партии.

Сам Ленин, конечно, хорошо знал об этой стороне всякого крупного, а тем более великого человека. Он, например, очень любил говорить о «физической силе мозга» Плеханова. Я сам слышал от него несколько раз эту фразу и сначала не совсем понял ее. Для меня теперь ясно, что так же, как возможен физически сильный человек, который попросту может побороть вас, побороть бесспорно, положить на обе лопатки, может быть и физически сильный ум, при столкновении с которым вы чувствуете ту же непреоборимую мощь, которая подчиняет вас себе. Физическая сила мозга Ленина еще превышала огромную физическую силу мозга Плеханова.

Но, так сказать, объем и размах мысли и воли еще не делают личности. Они делают человека выдающимся, влиятельным, они определяют его, как крупнейшую величину в общественной ткани, но они не определяют отнюдь самого характера личности.

Часто думают (и думают не без основания), что личный характер человека большой роли в истории не играет. В самом деле, отнюдь не отрицая роли личности в истории в известных рамках, мы не можем не склоняться к тому положению, что при этом именно сила мысли, напряженность воли, играют первую роль, ведь все остальное исходит от общества… Тот факт, что Маркс или Ленин оказались революционерами, пролетарскими идеологами и вождями, было предопределено временем. Можно сказать, что в аналогичных исторических и общественных условиях и другие стали бы на эту же точку зрения, только они бесконечно более ярко эту точку зрения выразили, именно в силу *объема.* Другие же черты характеристики, хотя и великого лица, могут иметь чрезвычайно большое значение для его биографии, но с точки зрения анализа социальной роли эти черты отходят

как будто бы на задний план.

Однако у Владимира Ильича были некоторые черты, которые глубочайшим образом присущи были именно ему и только ему, и которые, тем не менее, имеют колоссальное социальное значение.

Я хочу остановиться на двух таких чертах, которые особенно бросаются в глаза и которые особенно значительны. Значительны же они потому, что характеризуют Ленина как *коммуниста.* Этим я не хочу сказать, что они присущи вообще всякому коммунисту, нет, но они должны быть присущи законченному коммунисту, такому человеку которого мы строим одновременно с построением нового общества, человеку, каким, может быть, каждый из нас *хотел бы быть, но* каким в подлинно законченной форме *был* Владимир Ильич.

Первая важная черта из тех, о которых я здесь говорю, это отсутствие в Ленине всякого личничества. Явление это очень глубокое и заслуживает внимательной разработки в коммунистической литературе. Я думаю, что это придет со временем, когда вопросы *искусства жить* станут окончательно на подобающий план.

Мы, конечно, знаем немало мелких людей, которые являются отчасти, даже именно в силу мелкоты своей, — необычайными личинками. Лев Толстой сказал где-то, что истинная ценность человека определяется цифрой, которая получается от деления его хороших качеств на степень его самомнения; то есть даже сравнительно талантливый человек, если он обладает большим самомнением, тем самым может оказаться смешным и даже хуже того, ненужным, вредным; и наоборот, скромных дарований человек, при скромном мнении о себе, может быть мил и высоко полезен.

Было бы просто смешно предположить, что скромность Ильича, о которой так часто говорят, граничила с непониманием им самим своей собственной умственной и нравственной силы. Но у человека, так сказать, буржуазного или еще точнее — докоммунистического типа такое выдающееся положение и такое сознание своей огромной силы непременно сопровождается личничеством. Если даже такой тип будет скромен, то вы и в скромности его увидите позу. Он непременно носит себя, как некий драгоценный сосуд, он непременно обращает внимание на себя, он сам, разыгрывая свою роль в истории, является более или менее восхищенным зрителем.

Вот этого-то совершенно не было у Владимира Ильича, и в этом заключается его необычайная коммунистичность. Та необыкновенная простота и естественность, которые ему всегда сопутствовали, отнюдь не были каким-то «серым походным

мундиром», которым Владимир Ильич хотел бы отличаться от золотого шитья других великих и многих малых людей истории. Нет, Владимир Ильич потому внешним образом был чрезвычайно естествен, и как птица летал, и как рыба в воде плавал во всех трудных условиях, что он никогда сам себя не наблюдал, никогда своей оценкой не занимался. Никогда не сравнивал своего положения с положением других и весь, без конца, без края был поглощен работой, которую делал.

Исходя из заданий этой работы, он понимал хорошо, что сам он хороший работник и что ту или иную работу может сделать лучше, чем такой-то товарищ, или что такие-то товарищи могут хорошо сделать эту работу лишь при его помощи и указании. Но это диктовалось, так сказать, организационными задачами, вытекавшими из самой работы.

В высочайшей степени, в некотором глубоком и прекрасном смысле, Владимир Ильич был *человеком дела.* Конечно, такая преданность делу, такое безусловное, лишенное всякого украшения претворение себя в работника этого дела велико и торжественно только потому, что самое дело огромно, или, вернее, является самым огромным делом, какое вообще мыслимо на свете.

Владимир Ильич жил жизнью человечества, прежде всего жизнью угнетенных масс и еще непосредственнее — жизнью пролетариата, в особенности передового и сознательного пролетариата. Вот такою цепью был он связан с человечеством и чувствовал и себя и свою борьбу на лоне этого человечества делом совершенно естественным, целиком наполняющим его жизнь.

Но именно потому, что во Владимире Ильиче не было совершенно никакого желания свою личность выращивать, поливать, украшать, в силу, я бы сказал, полной небрежности к своей личности, потому что он эту личность передал целиком в коммунистическую кузницу, она осталась не только мощной, но и необычайно цельной, необычайно характерной, ни на кого не похожей, но могущей считаться для всех образцом. Да, мы все не могли бы высказать лучшего пожелания относительно наших детей и внуков, как быть в этом отношении как можно более близкими к образцу, данному Лениным.

И вторая черта, на которой нельзя не остановиться. Владимир Ильич был человек необыкновенно веселый. Это не значит, конечно, чтобы сердце его не сжималось, и это не отпечатывалось глубокой грустью на его лице, при вести или зрелище какой-нибудь скорби любимых им трудящихся масс; все земное он принимал очень близко к сердцу, очень серьезно; и все-таки это

был необыкновенно веселый человек.

Почему же такая радость, такая веселость жила в сердце Владимира Ильича? Я полагаю, что она объяснялась тем, что он был до конца практически, жизненно марксистом. Настоящий марксист видит все тенденции и будущее каждой данной общественной формации. Владимир Ильич мог допустить, что коммунисты могут делать ошибки, что вообще обстоятельства сложатся против них, но допустить победу врага не мог, так же, как мы раннею весной, даже шлепая по лужам, под сильным дождем и ветром, не можем не знать, что придет май и тепло, солнце и цветы.

Владимир Ильич разыгрывал труднейшую шахматную партию в мире, но он заранее знал, что даст мат противнику, или, вернее, знал, что та партия, в которой он является огромной важности фигурой, которую ведет пролетариат, непременно будет выиграна.

[1926]

Из речи на московском общегородском собрании профсоюзного актива*

<…> Владимир Ильич был сердечен, Надежда Константиновна сказала правду во всех нас потрясшей речи на заседании съезда Союза,[1] что Владимир Ильич не любил говорить о своей любви, но сердце его было полно любви ко всем угнетенным. Что этим человеком двигало, заставляло всю жизнь самоотверженно отдать служению людям — это любовь, огромная любовь ко всем трудящимся и угнетенным. Он открыл возможность опоры революции на крестьянство, он открыл возможность опоры революции на индусов, на негров, не только потому, что ему это подсказал его марксистский ум, но и потому, что ему это подсказало великое человеческое сердце. Он никогда не был человеком рабочего класса в том смысле, что он хотел защищать интересы группы, он чувствовал себя человеком рабочего класса потому, что рабочий класс должен освободить все человечество. И эта огромная сердечность, которая сказалась в величайшем охвате его любви, вместе с тем сказалась в каждом его отдельном жесте, в каждом его отдельном поступке. <…>

Мы часто наблюдали, что он изменял ту или другую деталь, когда ему указывали его ошибки, мы наблюдали, что он любил работать в коллективе, мы наблюдали, как он, будучи силачом среди нас, работал дружно в коллективе. Но, в конце концов, когда Ильич что-нибудь, бывало, скажет, то среди наших разговоров, как будто бы среди фунтовых гирь упадет пудовая, и нужно сказать, что он с этими фунтовыми гирями всегда считался. Это был человек необыкновенной простоты и равенства. <…>

Это был человек, для которого «я» не существовало. Он его не выпячивал, ни декоративно, ни в смысле чванства своими успехами, от которого он предостерегал даже коммунистов. Иногда он говорил про себя: наделал я глупостей. И если бывали случаи, когда он неохотно передавал кому-нибудь какое-нибудь дело, то это не потому, что он хотел выдвинуться, но он боялся, что другой сделает не так, как следует. Он знал, что у него плечи дюжие и если нести какую-нибудь тяжесть, ему нужно покряхтеть больше других. Это был распорядок сотрудничества.

Владимир Ильич требовал, чтобы ежечасно ему докладывали, как идут дела, он сам звонил по телефону и спрашивал и твердил; мало того, что Вы распорядились, проследите, чтобы дело было доведено до конца, и при этом добавлял какую-нибудь

шутку…

У меня сохранилась бумага, в которой на полях красным карандашом написано и несколько раз подчеркнуто: выработать такую-то программу, если до сих пор не выработана, повесить Луначарского, и подпись — *В. И. Ленин.* Программа не была выработана, повесить меня было за что. Это была шутка, но мы знали, что это есть несомненно важное указание, — здесь, мол, ты ошибаешься. Бывало так, что Владимир Ильич отдаст какое-нибудь распоряжение и оно окажется ошибочным, вследствие того, что он не знал всей обстановки дела. Приходишь к нему и говоришь: «Владимир Ильич, Вы ошиблись, Вам неизвестны все обстоятельства дела», и он сейчас же скажет: «Раз так, надо исправить». Нельзя себе и представить, чтобы Владимир Ильич мог бы когда-нибудь сказать: «Раз я так сказал, извольте делать». Если бы он так сказал, это было бы так же неестественно, как если бы вдруг небо обвалилось обломками. «Правда, я этого не знал, Вы правы». В 999 случаях из 1000, однако, он был прав. <…>

Надежда Константиновна рассказывала, что спать он может часа три и остальные 3–4 часа Ленин еще мог продолжать работать. Он отдавал распоряжения, посылал телеграммы, не мог остановиться ни на одну минуту. Это было страшно, но он выходил с улыбкой, всегда был свеж, всегда делал лучше, чем другие делали. Улыбался, а жил с горящим мозгом. Не видно было, что мозг горит, что сосуды каменеют от колоссального количества крови, которую они несут, чтобы питать эту титаническую мысль, думающую за всех, совершающую огромную работу для человечества.

Не может быть, чтобы он не сознавал, как он устает, но он считал, что не такое время, чтобы поберечь себя, и поэтому оставался человеком, стоящим на посту под пулями. Не щадил себя. На таком посту долго не простоишь, а он стоял до самого конца. <…>

4 февраля 1924 года

Штрихи*

Художник Альтман имел счастливую возможность работать Ленина с натуры. Он сделал, между прочим, довольно большое количество кроки[7], набросков пером, которые схватывали на лету различные выражения подвижного лица нашего учителя.[1]

Среди фотографий и киноснимков Ленина есть некоторые превосходные. Как в литературе мы высоко ценим некоторые записи лиц, в которых намерения и мысли учителя отразились отчасти сквозь призму другой личности, так не можем мы не ценить дополнительный материал, вроде субъективных во многом, но все же чрезвычайно метких набросков Альтмана. Я не претендую на альтмановскую меткость, но мне хочется здесь дать несколько штрихов, глубоко запавших в мою память или возникших в моем представлении позднее, когда приходилось думать над грандиозным явлением — Ленин. Может быть, и они послужат толчком для того или другого художника пера, резца или кисти, для того или другого молодого читателя, которому не довелось счастья дышать одним воздухом с Ильичем.

> «Если такого человека создала наша революция, если такого вождя она имела — это символ и это служит проявлением ее гигантской мощи».
>
> «Соединение великой воли и величайшей скромности с такой определенностью отвечали тому, что нужно было нашей партии, что Ленин оказался во главе ее».
>
> «Партия имеет во Владимире Ильиче, величайшем вожде, всю чистоту, всю сияющую красоту человечности».
>
> *(Из доклада, посвященного 5-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина)*

Его наружность

Я категорически уверен в том, что великий человек не может иметь невзрачную наружность. Надо только уметь на него смотреть, надо уметь видеть. Часто говорят, что Ленин внешним образом был невзрачен и заурядан. В этом есть известная правда, но в общем это вздор, и вот почему. Заурядность Ленина заключалась в том, что в самом организме его, как в смысле

структуры, так и в смысле движений, не было ничего театрального, эффектного, разительного, выскакивающего из ряда, бросающегося в глаза. И как же вы хотите, чтобы в Ленине были такие черты? Ведь Ленин был не то что убежденным, но органическим, стихийным демократом. Он считал до такой степени безвкусным, конфузным, нелепым всякое навязывание своей личности путем внешнего эффекта, чем-то таким смехотворным, мелочным и бесконечно далеким от себя, что, конечно, вся его наружность, равным образом его одежда и его манеры прежде всего были рассчитаны на эту естественную незаметность. Ведь это же все неважно, ведь об этом всем он не думает, ведь это все никак в его сознании не отражается. Отсюда беспредельная простота наружности Ленина.

Особенно прекрасным было его лицо, когда он был серьезен, несколько взволнован, пожалуй, чуточку рассержен. Вот тогда под его крутым лбом глаза начинали сверкать необыкновенным умом, напряженной мыслью. А что может быть прекраснее глаз, говорящих об интенсивной работе мысли! И вместе с тем все лицо его приобретало характер необыкновенной мощи. Мне кажется, что наибольшее сходство можно найти здесь с мощным выражением льва — однако с большой оговоркой, если мы не захотим впасть в банальность. Лев, когда он возбужден чем-нибудь, имеет несколько дикое выражение, которого даже отдаленно никогда не бывало на лице Владимира Ильича; когда же лев спокоен, он прекрасен, но в его глазах есть какая-то восточная флегма, какой-то величественный полусон. А у Владимира Ильича львиное выражение нижней половины его лица соединялось с проницательной живостью играющих разумом глаз и прекрасным лбом мыслителя.

Необычайно увлекателен с чисто эстетической точки зрения был Ильич, когда он смеялся и, в особенности, когда он улыбался. Альтман удачно записал некоторые такие моменты. В смехе Ильича было много беззаветно детского, а беззаветность смеха — это его победоносность, это показывает наличие и в натуре, и в сознании привычки чувствовать себя силою. Недаром Рансом[2] отметил, что смех Ильича — «марксистский смех».

Улыбка Ильича была чрезвычайно тонкой, довольно сильно иронической, лукавой. Кто не помнит этой очаровательной улыбки Ильича? Когда он слушал вас с этой улыбкой, вы понимали, что он лучше, глубже, шире знает то, что вы ему говорите, что он уже сделал выводы, что он как бы смотрит с высокой горы. Но вместе с тем это была улыбка человека, который готов бросить вам веревку и протянуть дружески руку помощи, когда вы подойдете ближе, посмеяться над вашей

ошибкой, но посмеяться мягко, по-товарищески. Тут было что-то такое от старшего брата, почти, я сказал бы, от матери, что всегда вызывало взрыв самой теплой любви к этому хитрому человеку с морщинками возле насмешливых глаз и с полными доброго смеха глазами.

Его движения

Из вышесказанного уже следует, что романтических движений у Владимира Ильича не было. Но так как действительность иногда ставила его на гигантскую высоту, сосредоточенную в одном каком-нибудь моменте, то подчас получалась невольно для него монументальная поза/ Две из них запечатлены: поза с протянутой вперед рукой — настоящая поза трибуна; другая — это когда Владимир Ильич, вынужденный говорить очень громко перед большой толпой, схватился мощно двумя руками за кафедру, весь нагнулся в одну сторону и вещает широко открытым ртом.

Обе эти позы взяты из действительности, но они все же относятся более к легенде. Это не обычный Ильич, какого мы знали, это Ильич, которого мгновением История выхватила на сверхчеловеческую высоту, Ильич, непосредственно выполняющий функции вождя перед лицом громадной толпы.

Все незначительные движения Владимира Ильича были запечатлены печатью необычайной простоты, но это не мешало им быть прекрасными. Прежде всего лицо его было бесконечно подвижно. Мне приходится покаяться в тяжелом грехе. Когда сидишь в Совнаркоме, надо, конечно, заниматься только государственными делами, а не лицом любимого человека; но я в этом отношении грешил, и иногда мне доставляло бесконечное удовольствие, немножко пропуская мимо ушей дело о каких-нибудь рыбных промыслах или ссоре двух губерний по поводу лесов, наслаждаться музыкой выражения лица Ильича. Чрезвычайно редко наступали минуты, когда лицо это оставалось без движения. Все время ирония или ироническое удивление, или подлинное удивление, или насупленные брови, или покачивание головой, или жест отрицания, или выражение особого внимания…

Из движений всей его фигуры я запомнил два порядка движений. Во-первых, движение нетерпения. Внешне, в повседневной своей жизни (политической, конечно, — его семейной, бытовой жизни я совсем не знаю), Ильич был очень нетерпелив. Его жесты всегда были быстры, отчетливы,

устремлены к определенной цели, но никогда не суетливы. (Похожий на него артист в «Октябре» Эйзенштейна местами суетится). У Ильича жесты были короткие, отрывистые, целесообразные. Казалось, что он постоянно хочет сделать все поскорей, но ладно.

В моменты, когда мысль совершенно охватывала его и когда он хотел своею мыслью охватить аудиторию, лицо его сильно менялось, особенно глаза. Они уходили куда-то вглубь и вместе с тем в них проявлялось что-то настойчивое, почти гипнотизирующее, сверкающее. Я часто внимательно наблюдал этот взгляд Ильича-оратора. Он чрезвычайно сильно действовал на аудиторию, действительно околдовывал ее, как бы привинчивал к смыслу речи. Но я убедился, всматриваясь, что это не есть тот проницательный взгляд, которым искусный оратор ловит выражение лиц своей аудитории, чтобы всегда отдавать себе точный отчет, захвачена она или нет, и как она реагирует; и это нисколько не искусственно гипнотизирующий взгляд, ни в малой мере не какое-то факирство над публикой. Этот взгляд получался у Владимира Ильича невольно: просто работа его мысли становилась до такой степени кипучей и интенсивной, что она, вероятно, и видна была большой аудитории. Мысль текла могучей рекой, взор был как бы обращен внутрь, на эти рождающиеся мысли. Но так как рождение мыслей сопровождалось здесь огромным усилием воли, то этот обращенный внутрь взор не приобретал характера задумчивости или некоторой рассеянности, а, наоборот, наливался напряженной волей. Так зарождалось не только в глазах, но и во всем лице Ильича, то стальное, кованое, что было внешностью его ораторского дара. И при этом Владимир Ильич все время ходил по эстраде совершенно монотонными шагами. Два шага вперед, к краю трибуны, несколько слов, и механически два шага назад, опять остановка, несколько слов, и абсолютно такие же два шага вперед. При этом чрезвычайно сдержанная жестикуляция.

Откуда такая монотонность движения? Оттого, что в то время все внимание сознания сосредоточено на слове, для состояния тела нет больше внимания. Вместе с тем, однако, нервы возбуждены, состояние организма напряженное и активное, не позволяющее оставаться неподвижным, поэтому такое предоставленное самому себе автоматизированное, маятникообразное движение. <…>

Даже когда пишешь штрихи об Ильиче, то вдруг оказывается, что твой запас почти неисчерпаем. У меня есть еще немало мыслей и наблюдений относительно некоторых общих психологических и, так сказать, морально-политических сторон

личности Ильича. В общих чертах я об этом как-то писал, надо написать об этом глубже и в большем количестве «штрихов». Но сейчас оставляю эту задачу в стороне и ограничусь теми несколькими внешними наблюдениями, которые я сейчас передал. Надеюсь, читатель поймет, что, хотя они внешни, но от внешнего идут внутрь.

Недавно В. Д. Бонч-Бруевич сказал мне, что непосредственно после своего опасного ранения, в дни выздоровления, Владимир Ильич вызвал его и еще нескольких лиц и сказал им приблизительно следующее: «С большим неудовольствием я замечаю, что мою личность начинают возвеличивать. Это досадно и вредно. Все мы знаем, что не в личности дело. Мне самому было бы неудобно воспретить такого рода явление. В этом тоже было бы что-то смешное, претенциозное. Но вам следует исподволь наложить тормоз на всю эту историю». Я думаю, что Ленин, который терпеть не мог культа личности, всячески его отрицал, в последующие годы понял и простил нас. Тут уж ничего не поделаешь, — мы всей огромной массой любили его горячо, не только чтили его, а именно, были влюблены в его моральный облик, и не только в его великий ум вождя, — все вместе сливалось в обаятельный и гигантский образ.

И теперь, когда его уже нет среди нас, мы все чувствуем, каждый в своем сердце, никогда не прекращающийся источник горячей любви и благодарности к этому человеку. Нам нечего этого стыдиться. Нам нечего стыдиться передавать эту любовь будущим поколениям, потому что Ленин был явлением естественным, при всей почти сверхъестественности самих размеров своих дарований и своей судьбы. Он был порождением великого революционного движения, великого класса в великом народе. Потрясения нашего народа в борьбе с самодержавием, напряженные усилия пролетариата как вождя этого революционного движения, устремившегося потом к непосредственной цели политической свободы, были колоссальным явлением, небывалым в истории. При этом они захватили многомиллионный народ.

Подбор в революционную партию шел исключительно богатый. Романтики без силы объективной мысли отсеивались в ряды эсеров, теоретики-марксисты без силы воли, без революционного движения отходили в мелкобуржуазный меньшевизм. В рядах большевиков оставались те, которые соединили уважение к совершенно точной и трезвой мысли с очень сильной волей, кипучей энергией. Эта партия, нелегальная в течение десятилетий, требовала необыкновенной закалки. Тяжелый и мрачный молот самодержавия поистине дробил,

выбрасывал все хрупкое из нее и ковал характеры. В этой изумительной партии, в этих избранниках мысли и воли стасорокамиллионного народа происходил постоянный процесс — подбор вождей. Партия и сама история пробовали людей и отбрасывали малопригодных. Оставались те, которые были проверены суровой жизнью. Так создавалась наша великая партийная пирамида, и как же мог на вершине ее не оказаться один из величайших вождей, каких видело когда-нибудь человечество!

Вот почему нам нечего стыдиться, что мы так любим и так почитаем Ильича. Мы не становимся при этом плохими коммунистами. В его личности мы чувствуем широкое, социальное, через него мы любим то, что выше всего для текущего века — социалистическую революцию.

Ленин как ученый и публицист*

[Владимир Ильич] был велик во всех проявлениях своей личности. Нам, которым выпало на долю счастье быть более или менее близкими к нему, известно это хорошо. Мы поражались исполинским силам и этого ума, который проявлялся не только в больших произведениях или больших актах его замечательной, полной мирового значения, жизни, но в процессе повседневной работы, при разрешении каждой проблемы, которую жизнь ставила перед ним. Мы поражались также его напряженной железной воле, воле поистине стихийной, не имеющей даже отдаленно ничего общего с той пресловутой расхлябанностью и обломовщиной, в которой обычно упрекают нас, славян. <…>

> «Владимир Ильич… издавал газету «Правду», которая была любимой газетой рабочих, вносившей свежую струю в рабочую партию».
>
> *(«Ленин и РКП»)*
>
> «Владимир Ильич давал формулы яркие и простые во всей их огромной глубине».
>
> *(«Ленин и молодежь». Доклад, 25 января 1924 г.)*

Владимир Ильич терпеть не мог красивых фраз, никогда их не употреблял, никогда не писал красиво, никогда не говорил красиво и даже не любил, чтобы другие красиво писали и говорили, считая, что это отчасти вредит деловой постановке вопроса. Он ужасно не любил сентиментальности, и чрезвычайно редко из его уст не только в порядке официальном и публичном, но даже интимном, замкнутом слышались какие-нибудь фразы, имеющие моральный смысл, говорящие о любви к людям, к их будущему, об эмоциональных стимулах поведения. Не любил об этом говорить Владимир Ильич, но был преисполнен до мозга костей преданностью человечеству, как оно есть, за его страдание, за его бездорожье и темноту, и в этом смысле не только один пролетариат пламенно любил Владимир Ильич, но и крестьянство, трудовую массу вообще. Не проявлялось это в нем внешне, но чувствовалось, как всепылающим огненным очагом в нем было это громадное сердечное величие. Может быть, от него, несмотря на его ласковость и прекрасные товарищеские чувства к близким, может быть, несмотря на это, именно ввиду того, что доброта его была велика по масштабу, от него веяло холодком.

Он был недобродушен, он бы не остановился ни перед какими жертвами, своими или чужими, если эти жертвы казались ему необходимыми для разрешения основной социальной проблемы. Он брал все в необычайно крупном размере и жил в атмосфере вопросов необычайно крупного масштаба, так, как другие живут в своей семейной обстановке. <…>

Если перейти теперь к его работе, к тому, что он сделал, исходя из своей несравненной интеллектуальной мощи и своей целостной морали, то нет тут никакой возможности сколько-нибудь детально, сколько-нибудь углубленно дать очерк этой нечеловеческой продукции в области теории, в области публицистики, в области общественной практики. Как ученый, писатель, публицист, оратор, как организатор какой-нибудь подпольной газеты, а позднее как организатор международного рабочего протеста против предательства социал-патриотов, как организатор величайшей мировой революции и государства небывалого типа и как глава этого государства в течение пяти труднейших лет, преисполненных внутренними и внешними кризисами, — человек этот делал столько изумительного, что, конечно, многие годы и десятилетия пройдут, пока удовлетворительно будут исчерпаны, проанализированы, прокомментированы и использованы все материалы. В богатом мире, в богатой галерее великих представителей рабочего класса, класса, призванного служить самому великому и самому спасительному перевороту, который знала человеческая история, мы все-таки не найдем, кроме самого основоположника великого учения — Карла Маркса, ни одной фигуры, которая могла бы стать рядом с Лениным и по качеству самой природы своей и по величию дела, которое он создал.

Сегодня, здесь, в нашем собрании, мне хотелось бы избрать более специальную тему для беседы о Владимире Ильиче, потому что, хватаясь за характеристику всей работы, всего значения Ленина, рискуешь в условиях короткой речи впасть невольно в общие фразы. Входить в анализ хотя бы крупнейших из сочинений или актов Ленина невозможно в короткое время. Для этого нужно много времени и много сил, нужно вдуматься и подготовиться. Сами собой получаются восторженные фразы и одни попытки дать ощущение объема и размаха этого титана дела жизненного. Я хочу взяться за более узкую тему, хотя тоже с большим смущением. Мне хотелось бы сделать попытку нарисовать Ленина как ученого и публициста, взять эту сторону его деятельности, страшно важную и неразрывно связанную с ним, как революционным тактиком, организатором и государственным человеком.

Владимир Ильич Ленин, как руководитель рабочей революции в России, не мог не быть ученым и публицистом. Конечно, можно было бы себе представить какое-то разделение труда в этом смысле, — ну, если бы у нас был такой вождь, который бы охватывал либо вопросы тактики только, либо теории только, — но это значило бы, может быть, что наша революция не настоящая, не Великая революция. Одной из черт ее величия является то, что, подготовляясь в атмосфере назревавшего кризиса буржуазной революции против самодержавия и в атмосфере завоевания рабочего класса — первой социалистической революции, — она послужила атмосферой, в которой откристаллизовалась единственная в мировой истории партия — партия коммунистическая. Помимо коллективного опыта, который в эти 25 лет был вынесен партией, она пристально присматривалась к своим людям, выбирая из лучших самых лучших и из самых лучших еще лучших. Таким образом, выковывалась на практике иерархия, которая не была аппаратом просто, а была выделившимся в органическом процессе социальным органом сознания и воли. Так что не приходило в голову нам вопроса, как это мы будем подчиняться верхам. Это так же мало приходило нам в голову, как вопрос: «стоит ли мне подчиняться моей голове и не лучше ли советоваться с левой ногой или со средним пальцем правой руки». Все в партии становилось на свое место, коллективная мысль связывалась. Это был колоссальный дисциплинированный человеческий механизм, механизм необычайно целесообразный, который мог развить максимум энергии, раз выбрав известный лозунг. И, конечно, этим объясняется, что мы, при тяжелых условиях коммунистической революции в России и в таком окружении, в каком она была, смогли все-таки победить.

Не единственно, конечно, строением и подготовкой нашей партии объясняется наша победа, но отчасти и ею, и в значительной мере потому, что самая такая подготовка этих черт партии, о которых я вам говорил, вытекает из данных условий и того, что революция должна была принять огромный размах, потому что это была революция против всего обветшалого, внутренне изжившего себя самодержавного строя, и первую дирижерскую палочку должен был держать пролетариат, который мог в передовых своих слоях воспользоваться всем опытом революционного пролетариата и быть во всеоружии самых точных, далеко бьющих выводов. Это — то, что дала подпольная революционная партия, которую «воспитывало» дикое самодержавие своими гонениями и которая в то же время была массовой партией, идущей под знаменем марксизма, научного

социализма. И было бы странно, если бы в великой стране, дававшей свое лучшее в эту партию, при строительстве всей иерархической пирамиды, — если уже вождь оказался, выдвинулся, закрепился, — чтобы этот вождь не был тем универсальным вождем, тем совершенно соответствующим вождем, которого история спрашивала. <…>

Я говорю: естественно, что поскольку в течение 25-летнего подготовительного периода выдвинулся великий вождь и поскольку речь шла о революции марксистской в отсталой стране,[1] постольку ясно, что Ленин, вождь этой революции и организатор ее аппарата, не мог не быть ученым и публицистом. Сама революция стала представляться с точки зрения марксизма, как его понимал Владимир Ильич, революционной наукой, научной проблемой и предполагала две плоскости подхода, две ступени подхода или, лучше, две стороны. Во-первых, громадная теоретическая задача: надо было ориентироваться в важнейших сторонах действительности, сообразить, например, в каком направлении и каким темпом идет развитие капитализма в России, потому что капитализм есть та основная предпосылка, которая определяет собой относительную силу пролетариата. Рост этой силы в обществе и даже то, в какой форме предстанут перед пролетариатом проблемы и во время самой борьбы и после нее, проблемы управления или проблемы экономического определения окружающей среды, — все это зависело от того, что будет из себя представлять Россия ко времени революции и в какой мере созревают предпосылки этой революции. Это зависело от анализа экономических глубин того общественного процесса, который происходил вокруг Ленина, и, во-вторых, от многих, очень важных надстроек, появлявшихся на изменяющейся почве экономики.

Это — первая проблема, которая перед каждым марксистом должна была встать. Она разрешалась коллективно, но этой коллективной работе нужно было придать организованность. Вождю революции надо было самому заняться сводкой наблюдений, выводом из них, созданием подытоживающих работ, которые бы служили одновременно и базой нашей уверенности, определенным фундаментом для последующих подсчетов, и лозунгом, и центром теоретическим, вокруг которого могла сорганизоваться марксистская мысль.

Затем, конечно, отчасти и в связи с этим, но не совершенно совпадая с этим, идет другая аналитическая работа — анализ взаимоотношения классов русского общества, отчасти в их статике, т. е. в их настоящем положении, и главным образом в их динамике, во внутренних изменениях роста и направления сил,

которые действовали в недрах каждого класса.

А затем — научная же, но научно-прикладная работа: как же, ориентировавшись, видя свой путь, видя препятствия и возможности, выполнить роль сотрудника, организатора, вносящего свет, сознание в такое гигантское стихийное явление, как революция? Тут и общетеоретические вопросы сейчас же встали: что такое, собственно, революционер, какова его роль по существу, — только ли просветителя, который бросает луч света на происходящее, причем этот луч света скользит и освещает, может быть, но ничего органически и фатально не меняет в процессе революционных явлений, или революционер сознательный является организатором? (Как выражался в одной из книг Владимир Ильич, революционные бактерии производят определенное брожение, конечно, в подготовленной среде, но брожение, совершенно меняющее результаты. Так что, если бы это брожение не произошло, пожалуй, на десятки лет оказался бы иным путь рабочего класса). Можно ли революции помогать, только учтя действующие силы и в некоторой степени им содействуя, или тут нужно приложить максимум творчества и руководства? Заключается ли настоящая роль марксиста в том, чтобы быть porte-parol-ем[8] и выразителем масс, или он может выступать в качестве руководителя этих масс?

Вот эта проблема возникала, и Владимир Ильич разрешил этот вопрос в положительном смысле. Он отводил колоссальную роль сознательной воле, революционному авангарду. И в последнее время, уже незадолго до своей болезни, Владимир Ильич с необычайным блеском изложил это в своих замечательных речах и статьях о партии и классе.[2] А потом шли уже специальные проблемы. Надо было установить всякие типы капитала, концентрацию его в смысле соотношения капиталистических предприятий, темпа их развития. Учтя все это, надо было сделать выводы относительно возможных взаимоотношений классов, и тут, как вы помните, произошло колоссальное разделение между Лениным и Плехановым, который нашел, что в тогдашнем повороте Ленина к крестьянству слышится эсеровская старина. Этот водораздел наметился к пятому году и стал исходным пунктом для очень многих социальных явлений и различных фаз революции. Владимир Ильич много раз, не сразу, может быть, со всей широтой иг решительностью подходил к вопросу о союзе пролетариата и крестьянства, но в конце концов разрешил его с совершенно гениальной и исчерпывающей полнотой, практические результаты чего очевидны для каждого.

«Великий оратор и публицист, Ленин употреблял сплошь да рядом насмешку, иронию, придавая сатирический характер своей аргументации. Это тоже художественный прием. Он имеет свою чисто художественную убедительность».

(«Художественная литература — политическое оружие»)

Все эти проблемы разрешены с глубочайшим анализом и умением проводить лабораторные опыты социального порядка. Владимир Ильич Ленин обладал всеми данными, необходимыми для научно мыслящего революционера. Как ученый, Владимир Ильич был необыкновенно объективен и холоден, неподкупен, чувство никогда не толкало его к приятным для него, но ложным выводам. Он был настоящим научным исследователем. Для него, конечно, наука никогда не была самоцелью. Она определялась, в последнем счете, практической задачей, но тем сильнее она должна была выступить, чем практические задачи были рискованнее.

Научная деятельности Владимира Ильича довольно многообразна, и его научное образование, не просто образованность, а именно его подготовка для научной работы была очень широка. Насколько могу припомнить из его всем известных трудов и его бесед? из его интересов, проявлявшихся постоянно, я могу перечислить целый ряд наук, интересовавших Владимира Ильича, и наметить некоторое отношение его к ним.

Прежде всего Владимир Ильич был философом и очень интересовался философией. Владимир Ильич не имел времени, чтобы отдаться философии в качестве специалиста, за эти вопросы он брался в сравнительно свободное время, когда получался некоторый невольный отпуск вследствие заминки в темпе развития революции, притом за философские работы со строго-практическими целями: напомнить, исправить, нанести удар кому-то, какому-то наросту, который он считал неправильным, и т. д., — словом, по-хозяйски и с точки зрения здоровья партии. А он считал, что партия, как представительница пролетариата и всей той широкой публики, которая к партии примыкает, должна соблюдать некоторую дисциплину в области философии, не давать заразить себя какими бы то ни было, по мнению Владимира Ильича, буржуазными примесями к той философской доктрине, которую он считал единственно правильной для марксистского социального миросозерцания, стало быть, и для марксистской тактики. Мне трудно было бы сейчас анализировать философские особенности Владимира

Ильича в его идеях, в результатах его философской работы, но на особенности в подходе, в оценке основных философских проблем можно в некоторой степени указать. Для Владимира Ильича, как для Маркса, как для пролетариата вообще, философский вопрос нисколько не кабинетный вопрос. Он потому материалист, что ему неинтересна никакая проблема человека, который возится со своей собственной душой и не знает, бессмертна ли она или не бессмертна и может ли он на нее рассчитывать сколько-нибудь после неприятности с бренным телом; не интересуясь подобными вопросами, Владимир Ильич не может подойти к делу с идеалистической стороны. Человек, который имеет интеллигентскую веру, что идеи представляют собой что-то оторванное, что в них заключается красота жизни, такой человек может держаться в воздухе высокой идеологии и не прикасаться к земле, но для пролетариата и его гениальнейших мыслителей это не проблемы. Они вовсе для них не интересны, для них интересен мир, как он есть. В том виде, как он есть, он во многом не хорош. Непосредственная практическая — с одной стороны, хозяйственно-экономическая, с другой стороны, хозяйственно-политическая проблема. Мир есть вещь, которую нужно переделать и можно переделать. Что каждый пролетарий находит в своем фабрично-заводском акте? Он находит материал и труд и знает, что из этого можно сделать то, что хочешь, рабочий проникнут глубочайшим, в высшей степени здоровым инстинктом, что из этого мира можно сделать что-то в высшей степени приятное, прекрасное, такое, что жить будет громадное удовольствие, и что сам процесс переделки мира является таким удовольствием. Когда вы ощутите эту фигуру, богатую мускулами, которая постоянно соприкасается с природой в борьбе с ней, в преодолении ее, вы поймете, что таким людям не нужен идеализм, он вреден, он им чужд, потому что разбивает силы, рассеивает энергию, а иногда даже подменивает настоящие цели призрачными и делает это в глубокой связи с тем, чего хочет, к чему стремится, как мыслит упадочный класс, оторванный от жизни, класс эксплуататорский, заинтересованный в скрывании истины класс.

Вот так к философским проблемам подходил Владимир Ильич. И эта точка зрения была Владимиру Ильичу присуща со стихийной силой и защищать он ее умел с совершенно непоколебимой твердостью. Чутье у него в этом отношении было очень большое, и всякий, кому приходилось по разным причинам не соглашаться с ним и испытывать на себе его полемические щелчки, подумавши и поближе подойдя к проблеме, должен был неминуемо признать: ведь правда, ведь та точка зрения, которую

неуклонно проводит Владимир Ильич, это такая точка зрения, которая обеспечивает максимальную трезвость и максимальную энергию в разрешении той основной проблемы, которую Маркс высказал в знаменитом изречении, что другие истолковывали мир, а мы призваны его переделать.[3]

Эта центральная проблема переделки мира диктовала Владимиру Ильичу его миросозерцание и его глубокое уважение к науке вообще. К точным наукам он относился с огромным интересом и уважением. Здесь он уже не говорил о кабинетности. Эта работа ему не казалась оторванной от революционной деятельности мира. Какие-нибудь работы Павлова, Тимирязева, дарвинизм или вопросы строения атома захватывающим образом действовали на Владимира Ильича, и он с глубоким сожалением говорил, что нет у него времени углубиться в те работы, которые делаются в направлении такой переработки мира. Владимир Ильич сознавал, что хорошо было бы, если бы мы наши социальные проблемы могли ставить так же четко, как химик ставит свои в лаборатории. В этом отношении его уважение к точной мысли было огромное, и вы знаете, что он в период революции предписывал марксистам заключать, союзы с естественниками, чуждыми идеалистического душка. Он проповедовал союзы, связи с естественниками и, когда создавался марксистский философский журнал «Под знаменем марксизма», прямо и определенно указывал, что тот или другой честный ученый, даже не марксист, проводящий неуклонно-научную индукцию, научно-беспристрастный, должен считаться уже a priori нашим союзником, драгоценнейшим соратником.

Владимир Ильич питал интерес к экономике, страшно интересовался статистикой. Статистические данные, выработанные правильными приемами, имели бесконечную привлекательность для него, и я помню, на заседаниях Совнаркома, когда делались статистические доклады, Владимир Ильич брал карандаш и делал чрезвычайно глубокие и острые замечания по поводу возможных ошибок, по поводу неправильного подхода к тому или другому вопросу и всякой приблизительности.

Юрист по образованию, он сохранил глубочайший интерес к этому делу, конечно, не к абстрактной, оторванной от жизни лженауке юридической, но к поразительной точности формулировок, ею достигнутых.

Когда было у нас сильное поветрие против юристов, которые представлялись нам адвокатами дьявола, присяжными защитниками капитала и обладателями испорченных мозгов, наполненных псевдотрадициями, Владимир Ильич требовал

кодификаторов, специалистов-юристов, требовал юридических формулировок. Мы удивлялись и говорили: «На что нам их красные слова, мы и сами напишем», — его это не удовлетворяло. «Ну, каким языком это написано, это неточно», — говорил он. У него было пристрастие к формулировкам юридического типа, и Владимир Ильич был мастером их. Он относился к той или другой правовой формуле, как к настоящей научной ценности, как к большому приобретению ума.

Затем Владимир Ильич, хотя и не писал в строгом смысле слова исторических работ или писал их очень мало, бегло, мимоходом, был, по-моему, замечательным историком. Это делало его очень чутким к историческим работам. Сам он был историком даже в смысле глубины размышления над той или иной проблемой. Он был историком своих собственных дней и относился к ним не столько с публицистическим волнением, сколько с огромной остротою объективнейшего анализа, хотя бы абсолютно блестящего анализа того, что является причиной распада с.-д. рабочей партии в Европе. Например, вся работа Ильича, которая вскрывает западноевропейский капитал, эксплуатацию Европой колониальных народов, где даже сам пролетарский класс превратился в класс эксплуататоров и этим создал предпосылку для предательства вождей, работа, выяснявшая рядом с этим, что эксплуатируемые народы, проделав свои очередные политические революции, революции созревания своего национального сознания, тем самым втянутся в прямую борьбу с капиталом, — весь этот анализ приводил меня в восхищение, а результаты этого оказались просто гигантские, потому что этим определилось в значительной мере и разрешение Владимиром Ильичем национального вопроса и общего уклона III Интернационала в сторону внеевропейских стран, и определение конечной борьбы за пролетарский фронт в Европе, и лозунг рабоче-крестьянского правительства, приемлемый даже в мировом масштабе. <…> Можно было бы на бесчисленном количестве примеров указать на это умение Владимира Ильича, независимо от того, что дело идет о текущем дне, участником которого является он сам, с ясностью марксиста видеть и излагать события.

Я, например, думаю, что письма Владимира Ильича из Женевы после Февральской революции, написанные за границей, издали, дающие оценку того, что такое Февральская Революция и чем определяются основные черты поведения классов, в ней фигурирующих, представляют собой шедевр исторического анализа.[4]

Строго научных работ, за исключением огромной работы

«Развитие капитализма в России», можно подобрать как будто бы не так много, остальные как будто переходят в публицистику, чему есть причина; идеи, которые тут содержатся, форма, как эти идеи выведены, и тот учет выводов, которые напрашиваются и которые диктуют тактику борьбы в дальнейшем, так богаты, что можно себе представить те основные принципы, которые вытекают из научной работы Ильича.

Не мог он равным образом не быть и публицистом и опять-таки потому, что он был революционером-марксистом. Он никогда не забывал, что коммунист есть человек, который исходит из понимания интересов своего класса во всем объеме, мировом объеме и в объеме, обнимающем десятки стран и сотни лет, Владимир Ильич, который любил пролетариат, потому что чувствовал его, как класс-организатор, чувствовал огромную, исполинскую внутреннюю мощь его, любил его и в каждом отдельном рабочем, с которым он умел необычно говорить. Он совершенно не забывал, что в России пролетарский класс некультурный, дикий, что ему нужно учиться, и много учиться. Никакое преклонение перед блузой, как таковой, и массой, как таковой, ему не было свойственно. Поэтому важно, по мнению Владимира Ильича, было широчайшее распространение политической сознательности в массах, и хотя он знал, что не брошюрами, не статьями, не речами это делается, и учил нас, что это делается путем практического участия в революции и что самая лучшая школа — это сама революция, тем не менее не впадал в недооценку публицистики, как таковой, и поэтому ею занимался в широчайших пределах, страстно желая говорить не только партии, но и за пределами партии. Он предостерегал от обеих ошибок. Он боялся уклона к мужиковству, предупреждал, что партия сломит себе шею, если ударится в мужиковствующий уклон, но боялся и того, что не поймут, что задача пролетариата в настоящее время — помочь крестянскому хозяйству, пойти целиком навстречу крестьянину и ради того, чтобы обрести достаточную хозяйственную базу, и вообще для нашей дальнейшей деятельности получить прочную политическую смычку с крестьянином.

Вопросы просвещения крестьянства волновали Владимира Ильича глубочайшим образом, и вряд ли кто-нибудь в республике так страдал теми страданиями Наркомпроса, к которому мы имеем прямое отношение, его заморенностью, недостаточностью средств, недостаточным размахом его работы, как Владимир Ильич. Он пришел в волнение от идеи возможного устройства публичных чтений по законодательству, по политическим вопросам. Это оказалось утопичным, лишь отчасти прошло, но он

пришел в волнение потому, что ему показалось, что, может быть, помимо ликвидации безграмотности, можно как-то перешагнуть через нее этим методом обращения к крестьянству. Постоянное ощущение того, что нужно разъяснять, разъяснять страшно просто, так, чтобы дошло до «кухарки», ему было в высшей степени присуще.

Это не значит, что он все разменивал на ходячую популярную идею и не понимал, что многие проблемы можно поставить, лишь пользуясь более сложными терминами и предъявляя большие требования слушателю. Он знал, что здесь имеются разные ступени, но тем не менее он был публицистом, учил, не очень переоценивая, между прочим, и способность понимания этих самых наиболее культурных слоев и даже партийных. Он учил нас постоянно, что если у вас есть правильная идея, которая не прошла в жизнь, долбите ее, пережевывайте, повторяйте. Когда увидите, что вашу идею недостаточно усвоили, не гоните вперед, повторяйте и повторяйте. Если для данного времени имеется такой-то лозунг, надо его до дна довести и совершенно пропитать этим лозунгом сознание той среды, к которой вы обращаетесь.

В его публицистике эта черта замечается в высшей степени. Он чрезвычайно прост, как писатель; Ленин грубоват в своем стиле, но эта грубоватость не приводит к тому, чтобы мысль его была не четка. Можно найти самых изящных стилистов, о которых нельзя сказать, что они грубоваты, но мысль у них выражена аляповато, а Ленин дает минимальные возможности для каких бы то ни было кривотолков в своих лозунгах, и я думаю, что впечатление непередаваемого блеска, которое производили многие работы Ильича, например, брошюры о государстве (о болезни «левизны» в коммунизме или о повороте к НЭПу), знакомо каждому. Это такие брошюры, после которых испытываешь какое-то внутреннее эстетическое волнение: такая в них ясность, простота и чистота мысли. Получается это не в силу каких-либо полемических обычных приемов, не в силу образности речи или остроумия, но вам кажется, что мысль так ясна, что даже ум ребенка мог бы ее воспринять, и когда читаешь Ленина, начинаешь понимать, какая социально-педагогическая мощь лежит в публицистике Владимира Ильича Ленина. С этой стороны огромный материал в 18 томах собрания сочинений Ленина является образцом того, как должен работать публицист-революционер, который хочет быть понятным огромному большинству и вместе с тем не быть неправильно истолкованным, не кормить манной кашей, не приноравливаться к общему уровню, а быть вместе с тем захватывающим, подымающим. Толстой говорил, что настоящее искусство, не теряя ничего в

своей тонкости, вместе с тем может быть каким-то образом доступным и детям, и неграмотным простолюдинам. Нечто подобное достигалось и в публицистике Ленина, и потому она производит такое впечатление.

Таково же было и его ораторское искусство. Всякая его речь была не чем иным, как политическим актом, который убеждает или разъясняет. Многие его речи имеют историческое значение, потому что они выражают тот или другой политический вывод огромной важности, а некоторые, может быть, такого мирового значения не имели и представляли собой повторение того, что он выработал, но с чем еще спорят, но всегда он учил, и если спросить, был ли Владимир Ильич великим оратором, то можно ответить: «Конечно, был». Ленин не льстил слушателю и не хотел его заманить той или иной красотой изложения или дать ему отдохнуть на шутках. Он ими пренебрегал и ему было смешно даже об этом думать: его делом было с необычайной простотой изложить свои мысли и, если их не понимали, повторить несколько раз. Поэтому и жесты у него были «вдалбливающие», и приемы были у него дидактические, которые сводились к тому, чтобы произвести впечатление неоспоримое, продуманное, очевидное и ясное. Владимир Ильич никогда не говорил по пустякам. Он говорил тогда, когда нужно было, с неизменной содержательностью, внутренним убеждением и гипнотической силой.

Голос его, преисполненный волевого нажима, как и жест, — все это совершенно зачаровывало слушателей, и можно было слушать его сколько угодно, затаив дыхание, а когда гремели бесконечные, поистине благодарные аплодисменты, то всякий испытывал глубокое сожаление, почему он перестал говорить — такое колоссальное наслаждение доставляла возможность следить за мыслью учителя.

Вот то немногое спешное и в порядке импровизации, что я мог сказать о Владимире Ильиче, как о теоретике и учителе. Если бы Владимир Ильич был только учителем, то он был бы и тогда необъятен. Между тем я не хочу ни одной минуты утверждать, что та специальная тема, которую я избрал, является доминирующей среди других: Ильич как организатор, общественный деятель, революционер-практик — еще более захватывающие темы, о которых говорить не буду, о чем еще много и часто придется говорить, и я хочу хоть эту мою речь, посвященную памяти Ильича, вернуть еще раз к общему обаянию его личности.

Эпоха, которую мы переживаем, страшно горька по отдельным своим моментам и чрезвычайно величественна и празднична во всей своей совокупности. И как бы блистательно

ни развернулись дальнейшие эпохи жизни человечества, я думаю, что часто дальние потомки будут с завистью думать о людях, которые живут в этих самых 20-х годах XX столетия. Эпоха гигантского перелома, небывалая, которую никогда не забудут, и ее плодом, вместе с тем ее двигателем, как это в истории бывает, был Владимир Ильич и в нем персонально все очарование этой изумительной эпохи сказалось. И к галерее мировых деятелей, которым место во всечеловеческом Пантеоне, к этой галерее прибавилась еще одна чарующая личность. Если вы спросите, были ли отрицательные черты во Владимире Ильиче, — не знаю, не вспомню, не могу найти от края до края этого в политике, в товарищеской жизни, личной, в теории. Не знаю, не могу вспомнить ни одного случая; ни одной черты отметить, которую можно было бы назвать отрицательной. Нет такой. Положительный тип с головы до ног, чудо, как человек, и вместе с тем такой живой, такой живой, что и сейчас, когда он лежит в Колонном зале Дома Союзов и когда около него проходит целый народ, пораженный горем, он все-таки самый живой из всех, кто сейчас здесь живет и дышит и в этом городе, и в этой стране…

24 января 1924 года

Раздел II

Наука нам говорит, что часто звезды, которые блистают на небе, давно уже там не существуют. Но нам нет дела, что они не существуют, потому что нам они дают свет по-прежнему. Вот такое же явление есть и в социальной жизни. Энгельс, когда не стало Маркса, сказал, что человечество стало на голову ниже, но марксизм остался жить, помог создаться Ленину и поможет создаться еще и другим. Так и Ленин. Такая общественная сила умереть не может, она является таким средоточием, таким узлом громадного общественного течения, таким устремлением мысли и воли, что если материального носителя этого феномена и нет, то тут нужно поставить на его место коллектив. Как говорил Ленин: один не может, коллектив может. Но этот коллектив должен быть сосредоточен вокруг того же самого стержня. Поэтому когда мы говорим «без Ленина», мы сейчас же говорим: «и с Лениным».

(Из доклада на торжественном траурном заседании, посвященном пятой годовщине со дня смерти В. И. Ленина)

Опять в Женеве*

Мои молодые читатели!

Вам, конечно, еще неизвестно, что такое воспоминание. Я не хочу этим сказать, что вы никогда не вспоминаете ваш вчерашний день или, может быть, ваше детство. Но нужно прожить порядочно десятилетий, для того чтобы полностью понять, что такое воспоминание о прошлом.

Вот когда после очень долгого периода времени, в 10–20 лет, приезжаешь в какой-нибудь город, который был свидетелем крупных переживаний в твоей жизни, тогда появляется в сознании совершенно своеобразный феномен.

Вы можете быть в положении вполне удовлетворительном, вовсе не жалеть об ушедшем прошлом и не находить его лучшим, чем ваше настоящее. И все-таки вдруг, когда вы ходите по площадям, улицам и переулкам такого полузабытого города, когда он воскресает перед вами в действительности, вдруг что-то сдвигается внутри вас, и рядом с теми, кто ходит и ездит сейчас по городу, воскресают перед вами отсутствующие, может быть, уже не живущие на земле, — былое вырастает перед вами на фоне действительности и крепко хватает вас за сердце.

Эти воспоминания всегда сопровождаются каким-то сладостно-горьким чувством. Как будто видишь и самого себя в гораздо более молодом двойнике и как будто почти с полной реальностью переживаешь рядом с действительными переживаниями и те, давно прошедшие. И это неожиданно ярко воскресшее прошлое всегда кажется приятным, родным, всегда кажется каким-то другом, вернувшимся из далекого-далекого путешествия, где друг этот чуть не погиб или чуть не был вовсе забыт. И вместе с тем всегда в таком воспоминании есть своя горечь — не только потому, что человек стареет, а просто вследствие какой-то особенно непосредственной ясности природы времени и его бега.

В такие минуты смерть и жизнь сплетаются в своеобразный черно-красный жгут и опоясывают им ваше сердце.

А ведь то, что было пережито в Женеве мною и некоторыми друзьями, чрезвычайно значительно.

Если моя первая встреча с Ильичем произошла в Париже,[1] то там наше знакомство имело почти беглый характер, а именно в Женеве мне пришлось работать интенсивнейшим образом рука об руку с нашим гениальным вождем. Именно здесь в моем присутствии начинали определяться разошедшиеся между собой линии большевиков и меньшевиков, именно здесь все ярче и

крепче выявлялась физиономия нашей пролетарской, революционной, марксистской политики.

Если и раньше я был социал-демократом левым, большевиком, потому что определил себя еще в ссылке,[2] то все же могу сказать, что к настоящей большой партийной работе и к настоящей творческой партийной мысли я прикоснулся именно в Женеве.[3]

Вот почему несколько лет (1904–1905), прошедших в этом скучном мещанском городе, оставили такой жгучий след в сознании, и вот почему так закружились воспоминания, когда я опять оказался в Женеве. <…>

На Plainpalais (Пленпалэ), огромной площади-луче, расположенной поближе к окраине Женевы, трещала и гудела народная ярмарка с американским фокстротом, головоломными каруселями и т. д.

Как нарочно! Как раз такая ярмарка была в Женеве, когда я приехал сюда впервые, вызванный настойчивым письмом Ильича, для того, чтобы принять участие в редакции газеты «Вперед».[4]

В день моего приезда вечером, если я не ошибаюсь, было первое собрание нашей редакции. Я познакомился тогда с Галеркой-Ольминским, с покойным Воровским, с Бонч-Бруевичем, который был тогда нашим администратором и финансистом, с Мандельштамом-Лядовым, наконец, с Надеждой Константиновной.

Надежда Константиновна, несмотря на то, что она была вряд ли старше остальных членов близкой к Ильичу группы, играла роль нашей партийной мамаши. Она всегда была спокойной, сдержанной и все знала, за всем следила, вовремя давала советы, и все до чрезвычайности с ней считались.

После первого заседания (а может быть, и второго) Ольминский, выйдя со мной из маленькой комнатки, где мы сдавали наши статьи Ильичу, с восхищением сказал: «Мне кажется, что мы всегда будем работать дружно. Мне нравится, что у нас нет самолюбивых людей. А какая прелесть Ильич, как он умеет руководить без ненужного апломба».

Действительно, работа у нас всегда протекала дружно.

Большевиков в Женеве было немного, мы были, в сущности, тесной группой, сдавленной со всех сторон эмиграцией и студенчеством, шедшим большею частью под знаменами меньшевиков или эсеров.

Столовались мы в небольшой столовке, которую содержала жена тов. Лепешинского. Оба супруга принадлежали к самой тесной ленинской компании.

Там играли в шахматы, рассматривали очень хорошо

нарисованные остроумные карикатуры Лепешинского, спорили, делились новостями, учились ценить и любить друг друга. Иногда там же собирались более или менее широкие собрания большевиков. После работы в редакции или какого-нибудь небольшого собрания мы довольно часто ходили с Ильичем гулять к Арве.

Столовка Лепешинского была расположена близ Арвского моста. Мы шли иногда вдоль Арвы, а иногда переходили мост и углублялись в дорогу между пригорками и рощами. Это были самые драгоценные для меня часы. Ильич часто во время этих прогулок, которые мы делали втроем с Воровским или вдвоем, бывал более интимен, чем обыкновенно.

Владимир Ильич обыкновенно терпеть не мог подпускать даже близких людей к своим личным переживаниям. Он был прежде всего политик, такой горячий, такой вдохновенный, такой вдохновляющий. Эту политику он превращал для всякого, кто к нему приближался, в центр жизни. Не любил Ильич говорить об отдельных людях, давать им характеристики, предаваться каким-нибудь воспоминаниям. Он думал о ближайшем будущем, об ударе, который нужно нанести, об обороне, которую нужно организовать, о связи, которую нужно найти и поддержать.

Но в этих беседах-прогулках Владимир Ильич иногда касался более интимных сторон вопроса. С грустью, с горечью, но и, несомненно, с любовью говорил о Мартове, с которым неумолимая политика развела его на разные дороги. Прекрасными и меткими словами характеризовал он Плеханова, к уму которого всегда проявлял величайшее уважение. Смешно и тонко очерчивал политический и человеческий профиль Дана. Говорил о различных приемах публицистики и популяризации.

А лучше всего велась беседа, когда Владимир Ильич переходил к общим вопросам, спорил об основах материализма или делал догадки о сроках и темпе дальнейшего движения революции в различных странах. Я уверен, что если бы я был более догадлив и, придя домой после этих прогулок, сейчас же записывал все, что слышал из уст революционного гения, я мог бы сейчас представить вам, мои молодые читатели-комсомольцы, преинтересную книгу. Но я слишком поздно спохватился, как и многие другие. Когда живешь и борешься рядом с таким человеком, не всегда понимаешь точное значение почти каждого слова, которое им произносится.

Ильич в то время не очень любил выступать публично. Ведь всякого рода митинги и дискуссии происходили в Женеве чуть не каждый день. Там было немало горластых ораторов, популярных среди студенческой молодежи, с которыми не так легко было

справиться ввиду трескучей пустоты их фразеологии, приспособленной, однако, к средней университетской интеллигенции. Владимир Ильич часто считал просто тратой времени выступать на таких собраниях и словопреть с каким-нибудь Даном или Черновым. Однако мои выступления он поощрял; ему казалось, что я как раз приспособлен для этой, в сущности говоря, второстепенной деятельности. Перед моими выступлениями, среди которых бывали удачные и которые немножко расшатали лучшую часть студенчества и придвинули кое-кого к нам, Ильич всегда мне давал напутственные разъяснения.

Дело несколько изменилось после января 1905 года и с приближением первой революции. Тут Владимир Ильич считал, что надо вербовать и вербовать людей даже за границей. Выступления его стали гораздо более частыми. С тех пор мы выступали с ним вдвоем и делили нашу задачу. Помню две-три головомойки, которые сделал мне Ильич за то, что я недостаточно пространно изложил какую-нибудь мысль или вообще сдрейфил в каком-нибудь отношении. Но и сам он всегда после произнесения речи против Мартова или Мартынова, сходя с эстрады, подходил ко мне и спрашивал: «Ну, как, ничего себе прокричал? Зацепил, кажется? Все сказал, что нужно?»

<…> Женева — город скучный, всегда в нем были плохие театры, неважные концерты, разве кто-нибудь приезжал сюда гастролировать. И самый ход жизни женевских мещан похож был на ход изготовляемых ими часов. Что касается нас, мы обыкновенно были веселы. Многие из нас сильно нуждались, почти все пережили порядочно и сознавали прекрасно, что многое придется перенести и в будущем, но в общем в русской колонии, в особенности в ее большевистских кругах, царило повышенное и, я бы сказал, радостное настроение. Думаю, что это настроение для нас, большевиков, по крайней мере, в значительной степени определялось самим Ильичем.

Он был всегда бодр, у него всегда был великолепный жизненный тонус. Прекрасно сознавая все опасности, грозящие беды, недостатки и т. п., он тем не менее всегда оставался верен своему оптимизму, который диктовался, с одной стороны, уверенным марксистским прогнозом, а с другой стороны, изумительным темпераментом вождя.

Я помню в Женеве один вечер или даже ночь настоящего пароксизма веселья. Было это на масленицу. В это время международное студенчество и даже тяжелых на подъем швейцарцев обыкновенно охватывает волна веселья. Так это было и на этот раз. Группа большевиков с Владимиром Ильичем попала

в самый вихрь масленичных танцев и суеты. Я помню, как, положивши друг другу руки на плечи, вереница молодежи в несколько сот человек с песнями и смехом скакала по лестницам и вокруг собора. Отлично помню Владимира Ильича, заломившего назад свою кепку и предававшегося веселью с настоящей непосредственностью ребенка. Он хохотал, и живые огоньки бегали в его лукавых глазах.

Теперь, опершись на перила Арвского моста, я смотрю, как бегут по-прежнему под ним мутные воды Арвы; так же бежали шумной и быстрой струей революционная мысль и революционное дело, когда я приехал в Женеву. Они неслись куда-то навстречу большим историческим рекам, куда-то в огромное историческое море и несли туда свою большую дань. Эта дань была большая не потому, что Женева могла бы считаться исключительно могучим революционным центром — заграничная эмиграция в общем играла лишь подспорную по отношению к рабочему движению роль, — а потому, что для тогдашнего момента Женева оказалась наиболее подходящим местом для создания сначала «Искры»[5], а потом следовавших за ней журналов, руководимых величайшим теоретиком и критиком партии. <…>

[1927]

Лондонский съезд*

К весне 1903 г. позиции обеих частей социал-демократической партии, — большевиков и меньшевиков, — стали определяться все резче.

Все меньше оставалось таких членов партии, которые продолжали предполагать, что раскол произошел по «второстепенным» пунктам, по «малозначащим» разногласиям — относительно первого параграфа устава, распределения мест в редакции и т. д.

Все более становилось очевидным, что чутье отнюдь не обмануло Ленина и что меньшевизм оформлялся в оппортунистическое крыло социал-демократической партии.

Январские события[9], огромный рост рабочего движения, воинственно-революционное настроение, охватившее пролетариат, — все это заставило большевиков ожидать великих событий, стараться изо всех сил придать возможно сознательное оформление стихийно назревающему рабочему движению и помочь ему дорасти до наиболее боевых форм.

Меньшевики же, отнюдь не отрицая, что в России имеется налицо большой политический подъем, предполагали, что рабочий класс сыграет в нем второстепенную роль, что главная роль будет принадлежать либералам, что им предоставлено историей слово и что самым лучшим концом ближайшего политического подъема был бы как раз переход власти к либеральной буржуазии, хотя бы в форме более или менее «приличной» конституционной монархии. Меньшевизм удовлетворился бы тем, что в «приличной, конституционной России» его партия заняла бы приличное место на крайних левых скамьях того или другого парламента.

В их глазах мы были чуть ли не поджигателями. Мы толкали пролетариат на «несбыточные мечты», на «рискованные поступки».

Мы рвали, таким образом, судьбу революции, компрометируя ее буржуазный характер, который, по мнению меньшевиков, нужно было подчеркивать и беречь.

Со своей стороны мы считали всю тактику меньшевиков подрывом веры пролетариата в свои силы, размагничиванием его рядов, побуждением пролетариата к самоотречению, к отказу от той первой роли, которую, по нашему мнению, он непременно будет играть в предстоящей революции.

Нам было удивительно и досадно, что Плеханов, которому принадлежала знаменитая фраза «революция победит в России

как рабочая или не победит вовсе», — оказался в рядах этих ограниченных истолкователей марксизма.

Мы с иронией и некоторой печалью припоминали, что главным теоретиком меньшевизма явился тот самый Мартов, который когда-то написал: «медленным шагом, робким зигзагом» и т. д., — марш, который теперь как нельзя лучше характеризовал его самого и его братию.

Но если становилось все более очевидным, что два фланга недавно единой партии встретятся в скором времени как прямые враги, то принципиально дело оставалось до чрезвычайности неопределенным.

Конечно, у меньшевиков были свои организации и за границей, и в России, у большевиков свои, — но был и общий партийный центральный комитет, выбранный на II съезде и имевший в общем меньшевистский характер.

В этой обстановке решено было собрать съезд в Лондоне в мае месяце для того, чтобы точно определить границы, разделяющие нас.[1]

Ленину было ясно, что ни о каком примирении не может быть и речи.

Надо сказать, что на съезд было выбрано (от 29 комитетов) довольно большое количество делегатов, среди которых были и меньшевики.

Съезду предшествовали переговоры, результат которых, благодаря стараниям Ленина, оказался наиболее благоприятным с точки зрения нашего заграничного большевистского отношения к делу.

Съезд был созван в Лондоне. Я поехал туда в качестве представителя нашего центрального органа, как член его редакции.

Приехали мы в Лондон вместе с тов. Воровским и вместе с ним поселились.

В Лондоне ни я, ни он до тех пор не бывали, и огромный, в высшей степени своеобразный город давал нам всем, — и обстановкой той мелкой чиновничьей семьи, в которую мы попали, и видом улиц в будни и праздники, и своими театрами, кабачками, — огромную пищу для наших наблюдений.

Во все свободное от заседаний съезда время (их, правда, было не так много) мы носились по Лондону, насыщаясь впечатлениями, и даже сейчас то, что я знаю непосредственно, живо, по собственному опыту об Англии, основано главным образом на остроте тех впечатлений.

Ленин тоже очень часто сопутствовал нам.

Мы часто вместе завтракали и обедали, бывали вместе в

музеях и театрах. Насколько я помню, он не только лучше нас говорил по-английски, но и гораздо лучше ориентировался в Лондоне.

Был он все время весел и бодр, смотрел на задачи съезда, как на чрезвычайно важные, вел линию твердую и определенную, знал, куда идет, знал, что идет прямо и решительно к революции.

Как всегда, громадная историческая работа, которую проделывал Владимир Ильич, не мешала ему быть очаровательным, веселым человеком и прекрасным собеседником, милым и внимательным товарищем. Часто по ночам, лежа в постелях в нашей маленькой комнатке на верхнем этаже домишки клерка, у которого мы жили, мы с тов. Воровским подолгу делились нашими лондонскими впечатлениями. Большую часть беседы мы посвящали отзывам о великом человеке, с которым нам довелось вместе работать.

На съезде было принято много важных решений, предопределивших всю физиономию большевизма.

Прежде всего съезд твердо установил, что мы идем навстречу революции, что эта революция будет иметь характер гражданской войны, боев на улицах, что партия обязана не только политически руководить пролетариатом и восставшими солдатами, но и суметь руководить технически, — как я выразился в своем докладе о вооруженном восстании (этот доклад был поручен мне Лениным), партия должна теперь же выработать в своей среде не только учителей революции, но и ее боевых офицеров.

Вторым важным решением был отказ от какого бы то ни было формального кокетничанья с либералами. Вместо лозунга немедленного созыва учредительного собрания мы установили требование создать революционное временное правительство.

Особенно важна была линия, которую твердо проводил Ленин, несмотря на некоторые возражения относительно политики использования массового крестьянского движения.

Уже на III съезде Ленин определенно разграничил в этом отношении нашу тактику и тактику меньшевиков: меньшевики стремились вести линию на союз с буржуазией, на то, чтобы пролетариат оказался хвостом буржуазно-либеральных сил.

Между тем мы держали курс на союз с крестьянством, на то, чтобы пролетариат оказался во главе идущих к решительной победе революционных, трудовых народных сил.

Съездом была дана пророчески верная характеристика меньшевиков; установлено было также отношение к другим мнимо революционным силам — либералам, эсерам и т. д.

Все были поставлены на свое место, все получили свою оценку. По отношению ко всем общественным силам, с которыми

нам приходилось вести великую революционную игру, партия поставлена была в совершенно определенные взаимоотношения.

Большевики вышли из съезда весьма окрепшими, с твердыми принципиальными установками и достаточно мощные организационно.

[1930]

Из воспоминаний о Ленине в 1905 году*

I

Ничто так не способствовало уяснению смысла раскола между большевиками и меньшевиками, как события 9-го января. <…>

Все мы прекрасно знали, что в России неспокойно, что весенние воды набухают, что можно ждать тех или других событий, но и для нас, революционнейшего крыла социал-демократии, январские события были неожиданностью.

Вся эмиграция пришла в неслыханное волнение. С одной стороны, конечно, все сердца затрепетали скорбным гневом, но вместе с тем вся дальнейшая перспектива вырисовалась с отчетливой ясностью. Прежде всего, конечно, сделал все надлежащие выводы сам Владимир Ильич. Его зоркий ум, вооруженный марксистским анализом, позволил нам, можно сказать, в первые дни, если хотите, даже в первые часы, осмыслить всё событие. Под его руководством мы поняли, что это будет не только для петербургского, но для всероссийского пролетариата концом всяких предрассудков относительно самодержавия, межой, за которой начинается история революционной борьбы пролетариата уже не кружками и группами, а всем его массивом.

…Владимир Ильич выдвигал на первый план еще и другую сторону событий, он с особым интересом отмечал ту страстную потребность взяться за оружие, которая охватила петербургский пролетариат, когда царские солдаты встретили его челобитную залпами. «Сюда входят оба момента, — говорил Владимир Ильич, — самовооружение рабочего класса и всякое усиление агитации в рядах войск».

Меньшевики немедленно стали пофыркивать на нас, немедленно начались усиленные разговоры о бланкизме, якобинизме, о поверхностном, «военно-техническом», отношении к революции и т. д. Все эти глубоко штатские разговоры в такой момент, когда история уже подготовляла первые решительные стычки революционного пролетариата и государственной машины, в свою очередь казались нам достойными презрения. <…>

О необходимости выдвигать вопрос о прямой революционной борьбе, о низвержении самодержавия применением всеобщих стачек и вооруженных восстаний мы продолжали размышлять и

говорить, и когда подошло время, на III съезде партии, уже совершенно ясно стало, что большевики выступают как прямые революционеры в собственном и точном смысле этого слова, как сторонники народного восстания, которое должно быть технически подготовляемо, в стихию которого нужно внести максимум сознательности.

[1927]

II

Несомненно, самым крупным работником не только по своей политической подготовленности, по своему авторитету, по своему трудолюбию, журналистской хватке, по количеству работы и по количеству результатов, которые эта работа давала, был Владимир Ильич.[1] «Вперед» и «Пролетарий»[2] — это были органы прежде всего Владимира Ильича. Большинство статей были написаны им. Большинство корреспонденции, обработок, заметок писалось им. <…>

Владимир Ильич кипел политически. Он искал, на что опереться, на какой факт. Он торопил, чтобы были скорее расшифрованы известия из России, и с жадностью набрасывался на них. И сейчас же небольшое известие, суммарные данные того, что делается в стране, давали ему повод к замечательным обобщениям, и он тут же перед нами развертывал, что это значит. <…> За русскими событиями мы следили чрезвычайно усиленно. Мы разделили между собой все газеты, но Владимир Ильич проверял все, и, таким образом, он читал свою порцию, а кроме того, и все наши порции. Точно так же читали мы и европейскую почту и меньшевистскую прессу. Мы старались вычитать и найти у них те определенные черты, которые ждал Ленин, который понимал, куда клонится меньшевистская линия.

Часто статьи обсуждались заранее. Это бывало и со статьями, которые писал сам Владимир Ильич и мы. Часто Владимир Ильич спрашивал, какие предложения мы имеем относительно тем, мы делали свои предложения, он делился своими. Каждое заглавие и кратко обозначенная тема подвергались обсуждению. Тот, кто предлагал тему статьи, развивал основные тезисы, свои основные позиции; другие оспаривали, возражали, Владимир Ильич тоже. Происходила оживленная беседа. В известные моменты Владимир Ильич говорил: ну, идите садитесь и пишите. <…>

Не всегда статья коллективно обсуждалась до того, как писалась, но всегда она коллективно обсуждалась, прежде чем была напечатана. Это было возможно сделать, ибо орган был

еженедельный, материалов было не так много и можно было к ним относиться с чрезвычайной тщательностью. Часто бывало, что при вторичной читке статья в значительной степени менялась. Было немало моментов, когда первоначально статья была написана Орловским или Ольминским, но в конце концов становилась произведением Владимира Ильича. Он ее так сильно изменял, черкал, переделывал, вставлял большие куски, что часто позднее редакторы переизданий становились в тупик, чья же это статья.

И действительно, у него есть своя манера, и потому часто можно было отличать интеллигентско-литературную манеру Орловского или Щедриным попахивавшее ироническое остроумие Ольминского, которые не свойственны Владимиру Ильичу, хотя по другим признакам статья была явно написана Владимиром Ильичем. Его лозунги, крепкие выражения, его манера повторять, обернуть так и эдак известный тезис, чтобы вбить его в голову читателю и нам, были примечательны.

Работа шла коллективно. Какая-нибудь статья, принадлежащая тому или иному автору, всегда выправлялась Владимиром Ильичем, вставлявшим ту или иную фразу, изменявшим конец. Правда, он предлагал это сделать и самому автору, и бывало, что по его указаниям это делал сам автор, но большей частью эта последняя чистка происходила в такой обстановке, когда Владимир Ильич приходил каждые полчаса и спрашивал: что же, вы дадите когда-нибудь материалы или не дадите? А так как было некогда, то в конце концов за дело брался Владимир Ильич. Он писал чрезвычайно быстро своим крупным, размашистым, но очень четким почерком, сию же минуту брал к себе материал и моментально делал нужные поправки. Если было слишком поздно и нельзя было прочесть, то мы с полным доверием передавали статью в набор.

Были и такие случаи, когда статьи Владимира Ильича подвергались переработке. Таких случаев, конечно, было не много…

Владимир Ильич был человеком в этом отношении без всяких внешних аллюров[10] вождя. Вождем он был потому, что он быстрее всех понимал, шире других развертывал идею, крепче умел выразить, быстрее работал, и все эти великолепные качества журналиста делали его вне всякого спора первым. Но какого-либо внешнего честолюбия, обидчивости, желания красоваться на первом месте у него совершенно не было. Он необыкновенно кротко выслушивал замечания Ольминского, что какая-нибудь фраза не по-русски составлена, что синтаксически она неверна, а иногда и политически недостаточно крепко сказана. Он часто сам

переделывал, искал лучшей выразительности, а когда ему указывали удачную форму, он с большим удовольствием ее принимал.

<…> Революционные события и большая стачка[3] застали меня в Италии.[4] Владимир Ильич заставил меня бросить всякие болезни и выезжать в Петербург. Он прислал такую телеграмму, потому что он сам приехал в Петербург[5] после объявления конституции,[6] и там, как вы знаете, помимо того, что он стал во главе большевистской организации, он стал и во главе «Новой жизни».[7] Туда он меня и позвал. <…>

Когда я приехал, происходила не то что борьба, а чувствовалось некоторое смущение в большевистской части редакции. Они конфузились тем, что в газете занимала место странная беллетристика, символические стихотворения, всякого рода романтическая белиберда. Мне тоже, когда я приехал, показалось, что это никоим образом нельзя терпеть, что это большая политическая газета, которую мы рассматриваем как новый наш центральный орган, и вдруг имеется такого рода курьезный обоз из акробатов и клоунов. Но Владимир Ильич церемонился, потому что он знал, что Горький связан с Минским,[8] а Минский — с другими маленькими Минскими. Он говорил, что неловко так делать, влезать, как кукушка, в чужое гнездо и вышвыривать птенцов. Тем не менее мы так и сделали. На первом или втором редакционном собрании был поставлен вопрос в упор, что мы вести газету в такой форме не можем. <…> Газета была нами завоевана, и последние номера велись в ленинском духе; и уже начала складываться наша редакционная жизнь, аналогичная тому, как протекала наша жизнь в Швейцарии.

У нас начали устраиваться редакционные совещания, обсуждались статьи; это была ежедневная газета, она имела большой материал, тщательного просмотра которого нельзя было проводить; и между прочим, Владимир Ильич несколько раз говорил так: черт знает, хорошо ли, что у нас такая большая газета, всю ее за день никак не обнимешь и прочесть ее бывает трудно, не доберешься до всех углов. Если бы мы издавали газету меньшую и для рабочих более подходящую, может быть, было бы лучше… Но эта тоска Владимира Ильича по поводу того, что нельзя так держать газету в руках, как он привык, чтобы каждая строчка была продумана, прощупана и поставлена на свое место, вскоре была разрешена вмешательством полиции, потому что «Новую жизнь» закрыли. Но когда она была уже закрыта, непосредственно после ареста Петербургского Совета, мы стали переходить к другим газетам, меньшего типа.[9] <…>

Когда мы перешли к меньшим газетам, обстановка изменилась. «Новая жизнь» издавалась в хорошее время, когда, в сущности говоря, господствовала более или менее полная свобода слова. А тут как раз дело пошло на убыль. Это было уже после декабрьского вооруженного восстания в Москве, и нам грозила уже явная реакция. В то время издавались небольшие газеты, и задача была — защита своих позиций от меньшевизма. Владимир Ильич крепко держал дело в руках, и каждая строчка тут просматривалась. <…>

К этому времени относится и выработка более существенных вещей, чем статьи, выработка наших партийных резолюций. Обстановка была такая, что нужно было взвешивать очень. С одной стороны, можно было удариться во фразеологию, отстаивающую позиции романтического радикализма, которые не давали почвы для прямых революционных действий, а с другой стороны, меньшевизм шел в то время к ликвидаторству. С той линии, которую вел Владимир Ильич, якобы средней линии, а на самом деле единственно революционной линии, можно было соскакивать то в ту, то в другую сторону. Резолюции, которые мы вырабатывали во время переговоров с меньшевиками перед самым Стокгольмским съездом,[10] на самом съезде и после него, когда в ЦК начался раскол и разногласия, имели большое значение.

Эти резолюции вырабатывались особым методом Владимира Ильича, которым он пользовался и позже, когда я уже не был членом ЦК, а тогда редакция Центрального Органа и ЦК заседали вместе, и я не знаю, насколько уже позднее, после нашей победы, он этим методом пользовался. Но в то время он этот метод любил. И этот метод был в буквальном смысле методом коллективной работы.

Нас собиралось двенадцать-четырнадцать человек. Владимир Ильич говорил: давайте выработаем такую-то резолюцию. Он сам давал свою наметку, предлагал разбить ее на такие-то параграфы, такую-то общую идею, и мы начинали совместно редактировать. Владимир Ильич или кто-нибудь другой предлагал первую формулу. Она обсуждалась с точки зрения, как бы ее лучше повернуть, буквально от слова к слову. Как только формула удавалась, она подвергалась большой критике со стороны Владимира Ильича, — не возможны ли недоразумения, не будет ли каких-нибудь недоумений со стороны других, искали более точной формулы, и когда кто-нибудь находил, Владимир Ильич говорил: это хорошо сказанул, это запишем. И она записывалась. Так шло до конца, еще перечитывала редакция и тут же редактировала, и буквально нельзя было сказать, кому же

принадлежит то или иное слово, то или иное выражение. Каждый выкладывал приходившую ему в голову формулу.

Вообще говоря, должен сказать, что Владимир Ильич предоставлял своим сотрудникам довольно широкую свободу выражения и, так сказать, внешнего оформления. Да и к выбору тем он тоже широко относился.

Но никак этого нельзя сказать относительно политической линии. Там, где он чувствовал отступление от правильной политической линии, он был беспощаден и не соглашался ни на какие уступки.

Товарищи, могу сказать, хотя это и не относится, может быть, к редакционным методам Владимира Ильича, а скорее к методам общего политического руководства: он очень любил, поручая кому-нибудь выступать, вместе с ним давать тезисы. У меня таких тезисов было очень много, но, к величайшему сожалению, все это погибло из-за переездов. Но то, что у меня оставалось, я, конечно, передал в соответствующие хранилища.

Бывало очень часто, что Владимир Ильич брал синий или красный карандаш и на листке бумаги писал несколько тезисов и говорил: сумеете вы их развернуть в виде доклада, согласны или нет? Ему отвечали: хорошо, приму во внимание, так и буду говорить. Он делал это часто и на конференциях и на съездах. Поэтому очень часто его сотрудники и сподвижники выступали со своими докладами, в которых аргументы давались Владимиром Ильичем.

Очень интересная подробность, и если бы можно было найти побольше таких тезисов, они показали бы сейчас, что и такая работа, которая не относится к имени Ильича, носила на себе могучую печать его гения, его прозорливости, его умения сконструировать основные тезисы.

[1931]

III

Всякий раз, когда ко мне обращаются с просьбой сообщить что-нибудь из моих воспоминаний о Ленине, я не могу простить себе, что как-то, в каком-то порядке, хотя бы самом конспиративном (поскольку дело идет о временах, не безопасных для записей), я не вел какого-то дневника, не делал каких-то заметок, которые помогли бы позднее моей памяти. Огромное количество интереснейших личных переговоров, всякого рода заседаний и коллективных работ, при которых я очень близко наблюдал Ленина, всякого рода событий, участниками которых

мы так или иначе являлись вместе, что позволило мне наблюдать свершение им его исторической миссии, — прошли, оставив во мне лишь бледный след, иногда даже не поддающийся хронологическому определению.

Постараюсь вкратце поделиться с читателями тем важнейшим, что сохранилось в моей памяти об участии Ленина в событиях 1905 года, известным не из литературы, а по свидетельству моих собственных глаз и ушей.

Из великих событий 1905 года за границей я пережил в близости к Ленину 9 января. Недавно я уже написал небольшую статью, входящую в серию моих общих воспоминаний о великом 1905 годе, где описываю впечатления, произведенные на редакцию «Вперед» и окружавших ее большевиков известием о 9 января, отклики Ленина на эти грандиозные события.

В личных и живых сношениях моих с Лениным наступил потом довольно длительный перерыв. Вскоре после возвращения нашего из Лондона, где происходил съезд[11], в Женеву я с разрешения редакции поехал в Италию ввиду страшного переутомления от большой политической работы по съезду и по объезду всех эмигрантских колоний со всякого рода докладами и диспутами и в связи с вообще покачнувшимся здоровьем. Поселился я во Флоренции и оттуда вел только переписку с редакцией, иногда получая личные письма или заказы статей от Владимира Ильича.

Уже во Флоренции застали меня бурные события осени. В конце октября или самом начале ноября я получил категорическую телеграмму от Ленина из Петербурга о немедленном выезде моем в Россию, именно в Петербург, где я нужен был в качестве члена редакции большой газеты «Новая жизнь».

Я, конечно, немедленно выехал и в первый же день после приезда в Петербург явился в редакцию.

Первое время мои непосредственные встречи с Лениным происходили почти исключительно на почве интенсивной работы в газете. Владимир Ильич чувствовал себя вообще чрезвычайно возбужденным, бодрым и был в самом боевом настроении. Но от него, конечно, не ускользала опасность положения, значительная шаткость добытых завоеваний.

Владимир Ильич вел, конечно, очень разностороннюю и кипучую работу, так как и Петербург, и Москва, и целый ряд провинциальных городов жили интенсивнейшей жизнью между революционной встряской и грядущей реакцией, часто обливаясь кровью и загораясь пожарами черносотенных погромов и с трепетом прислушиваясь к слухам о судьбе восточной армии,[11]

которую правительство старалось рассосать, чтобы ее откатывающаяся лавина не соединилась с расходившимися волнами рабочей революции и крестьянских бунтов.

У меня лично тоже было очень много работы, и литературной и пропагандистской, но по отношению к огромным граням тогдашней деятельности Ленина моя работа приходила в соприкосновение — первое время, повторяю, — только в газетной работе.

Владимир Ильич придавал «Новой жизни» большое значение. Надо вспомнить, что эта большая легальная газета расходилась более чем в 50 тысячах экземпляров. Такого тиража большевики до тех пор никогда не имели. <…>

Я должен отметить, что Владимир Ильич не только по отношению к Горькому, которого он и тогда — как всегда — любил и высоко ценил, но и по отношению к Минскому и даже всяким относительно мелким интеллигентским сошкам, попавшим в «Новую жизнь», вел себя с чрезвычайным тактом и предупредительностью. Вместе с тем он весело хохотал над разными выходками отдельных наших сотрудников, столь необычайных для нас, и повторял часто:

— Это же действительно исторический курьез!

Впрочем, как раз вскоре после того как мы закончили внутреннюю чистку «Новой жизни», эта газета, приобретшая чрезвычайно большое количество подписчиков и читателей и начавшая играть очень большую роль не только в Петербурге, но и в стране, была закрыта. Тут уже наступили сумерки нашей работы. Впоследствии, отнюдь не желая остаться без органа, мы стали заменять одну газету другой — вернее, одно заглавие другим, причем каждое из них недолго оставалось в заголовке нашего легального центрального органа.

Владимир Ильич все время продолжал оставаться главным редактором и по-прежнему с величайшим вниманием следил за всеми отделами. <…>

Конечно, редакция газеты была вместе с тем пунктом, куда сходилось наибольшее количество самых разнообразных новостей и откуда легче всего было обозревать поле брани.

В течение всего этого времени Ленин был, конечно, животворящей фигурой, мозгом и сердцем этих газет, и как прежде во «Вперед» и «Пролетарии», с большой интенсивностью работая коллективно и дружно, мы испытывали огромное наслаждение от этого всегда живого, находчивого, пламенеющего руководства. Необычайная быстрота сообразительности, умение вдруг сопоставлять несколько фактов, казавшихся очень разнородными, отдельными друг от друга, поразительная

быстрота маневрирования, меткость формулировок — вот что нас поражало в нашем вожде.

Я уже сказал, что в первое время мое соприкосновение с Лениным ограничивалось работой в газетах. Но это было только в первое время. Дальше наступили некоторые события, которые позволили мне соприкоснуться с работой Ленина и в других областях.

По причинам главным образом конспиративного характера Владимир Ильич в продолжение всего 1905 года избегал широких публичных выступлений, что не мешало ему выступать достаточно часто на закрытых собраниях партийного характера, хотя бы довольно многочисленных. Единственным его публичным выступлением перед широкой публикой была энергичная политическая речь, произнесенная им 22 (9) мая 1906 года[12] на митинге в доме графини Паниной под псевдонимом Карпов. Я на этом собрании не был и говорю об этом со слов присутствовавших товарищей. Они рассказывали, что по залу с молниеносной быстротой разнеслось, что этот никому неведомый Карпов не кто иной, как знаменитый Ленин. Поэтому Владимир Ильич был принят несмолкаемой овацией. Его речь беспрестанно прерывалась громкими аплодисментами, и такой же бесконечной овацией его проводили.

Влияние Ленина через тогдашний аппарат большевистской части социал-демократии было, разумеется, очень велико. Оно усиливалось крупным резонатором, каким являлись в его руках легальные газеты.

Однако надо прямо сказать, что рабочий класс не был в это время сколько-нибудь четко организован, несмотря на наличие Петербургского Совета и целого ряда советов провинциальных. Равным образом и партия имела еще весьма хрупкий аппарат. Поэтому события шли в гораздо большей мере самотеком, чем, скажем, при подготовке Октябрьской революции и в особенности после Октября… К этому надо прибавить отсутствие единства в социал-демократической партии, которая, однако, считалась все еще чем-то целым. Это в значительной мере парализовало ее влияние.

Между тем события шли с огромной быстротой. Неоднократно Ленин указывал нам на то, что революция находится в величайшей опасности.

Как всякий знает из публичных его выступлений, статей и т. д., Ленин придавал уже в то время огромное значение вовлечению в революцию крестьянских масс в деревнях и солдат армии, в особенности рассасывающейся в то время восточной армии.

Однако наблюдения над аграрными восстаниями и их характером, срывы таких героических попыток, как Свеаборгское и Севастопольское военные восстания,[13] доказывали Ленину и всему ЦК, что этот наш союзник еще достаточно рыхл. Ни на одну минуту, конечно, это не побуждало большевиков изменить свою линию на прочный союз рабочих и крестьян на осуществление тогдашнего лозунга, который давался Лениным: «Демократическая диктатура рабочих и крестьян».

Меньшевики в своем большинстве (Мартов, Мартынов, Дан) стояли на предельно оппортунистических позициях, стараясь превратить Советы и весь рабочий класс в простую подсобную армию для буржуазии, которая, по их мнению, призвана была самой историей к власти.

В разгар этих споров правительство почувствовало себя достаточно сильным, чтобы 16 (3) декабря арестовать первый состав Петербургского Совета.

Этот арест и выяснившаяся неспособность изнуренного предыдущей борьбой петербургского пролетариата к действительно грозной всеобщей стачке чрезвычайно потрясли всех, в том числе, конечно, и Ленина. Уже тогда я помню глубоко озабоченный вид Ленина, его встревоженные речи. Он напоминал капитана на палубе судна, окруженного громовыми тучами.

Как известно, декабрьское восстание, осуждавшееся многими социал-демократами (Плехановым, например), находило в большевиках и их вожде самое полное сочувствие. Ленин считал вполне правомерной и вполне естественной эту попытку перед лицом наступления правительства перевести движение в более высокую форму. Я помню те бесконечно тревожные и сумрачные дни. Не всегда вовремя приходили вести из Москвы. Положение казалось не совсем ясным. Ленин с жадностью глотал каждую строку приходивших сообщений, каждое слово приезжавших оттуда товарищей.

У меня до сих пор такое впечатление, что собственно большевистский аппарат в Петербурге под руководством Ленина сделал все от него зависящее, чтобы помочь московскому восстанию — по крайней мере, по прекращению сообщения между Петербургом и Москвой. От этого в то время многое зависело.

Я не был непосредственным участником тех выделенных большевиками групп, которые должны были употребить все усилия для забастовки на Николаевской железной дороге или, во всяком случае, для разбора пути. Волнения на дороге были огромные, путь разбирался, но силы наши оказались недостаточными. Семеновцы прикатили в Москву и предрешили

разгром героических рабочих Красной Пресни.

Если бы мы в Петербурге имели больше организаторских сил, больше влияния пролетариата, то, конечно, можно было бы создать более яркие предпосылки для дальнейшего хода движения, чем какие были созданы несколькими днями московских уличных боев.

В этой обстановке большие сдвиги произошли также и в настроении меньшевиков.

Во всяком случае, это обстоятельство давало возможность соглашения, которое диктовалось общим для всех положением, грозившим революции.

После закрытия «Новой жизни» и «Начала»[14] была сделана попытка создания единой газеты, которую назвали «Северным голосом». Одновременно с этим начались длительные переговоры между большевистским и меньшевистским центром для того, чтобы прийти к какому-либо соглашению.

Вот тут-то я часто стал встречать Ленина и наблюдал его в этой фазе развития нашей партии как тактика и стратега внутрипартийных боев.

На большинстве этих собраний председательствовал я, но линию нашей партии вел почти исключительно Ленин. Он только время от времени поручал кому-нибудь отдельные выступления или заявления. Главным же образом борьбу с меньшевиками вел он, а главной целью этой борьбы было заставить меньшевиков занять действительно революционную позицию, принять некоторый, впрочем, весьма значительный, минимум действий решительного характера.

Некоторые из нас, считая очень важным как можно скорее прийти к соглашению, готовы были идти на некоторые уступки. Но Ленин заранее поставленных рамок возможного соглашения ни за что не хотел изменить ни на иоту. <…>

На этих собраниях к определенному заключению мы не пришли. Подготовлен был только материал для соглашения. Потом создавшийся таким образом материал подвергался обсуждению на раздельных конференциях: на конференции большевиков в Таммерфорсе и на меньшевистской конференции, не помню уже где имевшей место.

В результате, как известно, возник объединенный Центральный Комитет и объединенная редакция Центрального Органа.

Почти непосредственно вслед за этим неудача декабрьского восстания опять изменила политическую ситуацию. Сперва большевистский центр (и в первую очередь сам Ленин) не считал московскую победу правительства за факт столь решительный,

чтобы менять основную революционную тактику партии и пролетариата. Наоборот, Ленин стоял на точке зрения необходимости перестроить чисто боевой характер нашей борьбы. Если не ошибаюсь, на Васильевском острове произошло то большое партийное большевистское собрание, на котором Ленин впервые выступил с речью о необходимости партизанской войны против правительства, об организации троек и пятерок, которые, в виде героических групп, дезорганизовали бы жизнь государства и давали бы, таким образом, разрозненным строем гигантский арьергардный бой, перебрасывая его, как мост, к новому подъему революции. Этой речью он произвел на собравшихся огромное впечатление. <…>

В дальнейшем бывали моменты, когда раздосадованные необходимостью отступления, полные революционного пыла рабочие и старые революционеры на различных собраниях и конференциях делились чуть не пополам между тактикой, недавно еще провозглашенной самим Лениным, и новым курсом, который он стал постепенно брать, — курсом на сохранение нелегальной партии во всей ее неприкосновенности, на известное сбережение сил, на необходимость использовать все легальные возможности, остатки свободы думской трибуны и т. д.

Мы, продолжавшие находиться под впечатлением революционных событий и действительно не сумевшие вовремя понять радикального изменения тактики, к которому обязывали события, пошли тем ложным путем, который некоторых из нас вывел потом за пределы нашей партии, а других заставил вернуться в нее с повинной головой и признать всю мудрость ленинской тактики.

Что касается меньшевиков, то они линяли, каялись в своих революционных увлечениях, теряли веру в революционные возможности. Среди них уже начали чумными пятнами выступать те самые цвета предательства, в которые потоп оделось их ликвидаторское крыло.

Но инерция продолжавшихся переговоров о соглашении, некоторая завуалированность тех процессов, которые происходили, с одной стороны, в нашей партии, с другой стороны — среди меньшевиков, были еще достаточно сильны, чтобы среди этих описываемых мною споров продолжались попытки объединения партии. Главной из них был Стокгольмский съезд.

Четвертый, так называемый объединительный съезд партии не входит в рамки этой статьи, так как попадает за хронологические рамки 1905 года, но переходом к нему явилась избирательная кампания, которая по самому духу своему тесно смыкается с типом работы, которую мы вели в 1905 году.

Во время избирательной кампании мне приходилось очень часто сопутствовать Ленину. Я думаю, не менее чем на десяти собраниях выступали мы с ним вместе. В большинстве случаев по заранее установленному плану я излагал основную нашу платформу. С меньшевиками мы резались люто. Хотя съезд должен был быть объединенным, но каждый понимал, что в зависимости от количества голосов на этом съезде объединенная партия получит ту или другую физиономию.

Ленин говорил мне тогда: «Если в ЦК или в Центральном Органе мы будем иметь большинство, мы будем требовать крепчайшей дисциплины. Мы будем настаивать на всяческом подчинении меньшевиков партийному единству. Тем хуже, если их мелкобуржуазная сущность не позволит им идти вместе с нами. Пускай берут на себя одиум разрыва единства партии[12], доставшегося такой дорогой ценой. Конечно, из этой объединенной партии они при этих условиях уведут гораздо меньше рабочих, чем сколько туда их привели».

Я спрашивал Владимира Ильича: «Ну, а что, если мы все-таки в конце концов будем в меньшинстве? Пойдем ли мы на объединение?» — «Зависит от обстоятельств. Во всяком случае мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке».

Отсюда видно, с какой трудностью велись дебаты. Каждый лишний голос в самом Петербурге, которому суждено было позднее стать Ленинградом, был очень важен. Та же борьба, конечно, велась всюду.

Я и сейчас еще с величайшим восхищением вспоминаю тогдашние бои в разгоряченной революционной обстановке. Даже общее чувство того, что волна революции начинает ниспадать, не заслоняло счастливого обладания подлинной революционной, подлинной марксистской тактикой.

[1930]

Стокгольмский съезд*

Я прошу читателя не отнестись к этой небольшой статье как к этюду о Стокгольмском съезде. Для этого нужны были бы большие предварительные работы. Статья, которую я пишу по просьбе редакции журнала, представляет собою только личные впечатления одного из участников этого съезда, притом постольку, поскольку они удержались в его памяти.

* * *

Идея о необходимости сближения в сущности окончательно разорвавшейся на две партии РСДРП возникла совершенно естественно. Правда, ко времени, когда переговоры между обеими фракциями усилились, уже наблюдалось два подводных течения в партии. Одно продолжало не только говорить, но и думать, что революция идет поступательно. Ведь и на самом съезде, даже после декабрьского поражения, вера в немедленную новую революционную волну была еще крепка. В то время она владела еще и самим Владимиром Ильичем.

Что же касается меньшевиков, часть которых позднее, как известно, допрыгалась до ликвидаторства, то они еще перед декабрем, осенью 1905 года, склонялись к мысли, что революция идет на убыль.

Однако и те, которые думали, будто нам предстоят новые победы, и те, кто полагал, что началось отступление, одинаково понимали, как важно сплотить и для продвижения вперед и для организованной самообороны все рабочие ряды. Отсюда длинный ряд переговоров, в которых искали путей к объединению. <…>

Такого рода соображения я лично слышал из уст Плеханова. Может быть, отчасти под его влиянием так же думали руководящие меньшевики.

При этом надо, однако, сказать, что и у той, и у другой фракции была надежда на большинство на Стокгольмском съезде. Предполагалось, что съезд получит соответственную окраску, и тогда дело объединения сделается проще. <…>

Важнейшими вопросами, стоявшими на порядке дня, были, как известно, пересмотр аграрной программы, вопрос о думе и о вооруженном восстании. На этих трех китах стояло все проблематическое здание объединения.

Первым вопросом поставлен был аграрный вопрос. Фигурировало несколько аграрных программ. Ленин и группа

большевиков, его поддерживавших, считали необходимым объявить в случае победы революции всю землю национализированной. На этой национализированной земле, разумеется, должно было развертываться в своем естественном развитии крестьянское хозяйство. Ленин не боялся усиления государственности, потому что твердо верил, что вышедшее из недр революции рабоче-крестьянское правительство сможет не допустить реакции. Национализация же земли была, по его мнению, естественным концом буржуазной революции как таковой, ибо частная собственность на землю считалась им остатком феодальных порядков.

Меньшевики же в то время плохо верили в окончательную победу революции. Поэтому они сразу же, в так называемой программе муниципализации, стали на какую-то половинчатую точку зрения. Это не была ни прямая передача земли крестьянам, как это произошло во время французской революции, ни национализация земли. Запутанная программа эта была потом, в ходе работы съезда, еще более запутана. <…>

Докладчиков выступало по аграрному вопросу много, но, в сущности говоря, центр тяжести сводился к борьбе Плеханова и Ленина. Ленин излагал свои идеи первым. Главная мысль его доклада заключалась в том, что в деревне надо, во-первых, уничтожить все следы помещичьего режима, для чего стремиться создать там революционные крестьянские комитеты, и этим он хотел втянуть как можно глубже крестьянство в революционную борьбу и творчество. Борясь, таким образом, реально за землю, крестьянин легче всего мог покинуть все свои монархические предрассудки и стойко стать за окончательную политическую революцию, за наиболее демократическую форму республики. Для всякого было ясно, что Ленин держит курс своей речи на весьма последовательное революционное правительство, в котором будут преобладать фактически или иметь огромное влияние социалисты.

Доклад Ленина был ярок, горяч и убедителен, как всегда, полон веры в революцию. Когда я вспоминаю его теперь и сравниваю его с гораздо более решительными позициями, занятыми Лениным после 1917 г., я вижу, что они органически сплетаются между собою. Только одиннадцатью годами позднее Ленин, уже при свете революции, сумел не только пойти вообще дальше, но и с необычайной классической ясностью осветить условия рабоче-крестьянской революции с ее проблемами завершителя аграрной революции мелкого крестьянства и зачинателя коммунистического строительства. При свете этих дальнейших событий становится ясно, какая огромная зоркость

прогноза заключалась в позиции Ленина на Стокгольмском съезде.

Полной противоположностью, даже в самой манере говорить, по всему стилю, как и по сущности, являлся тов. Джон, он же Маслов.

Какой-то помятый, потертый, нерешительный и вялый взошел он на трибуну и стал буквально мямлить свою речь. При криках «громче» он чуть повышал свой голос, а потом опять впадал в бормотанье. От времени до времени он останавливался, словно у него завода не хватило, и довольно долго беспомощно висел на трибуне. Его речь, как она была произнесена, казалась мне не ответом Ленину, а инцидентом для ясного показания разницы самих темпераментов борющихся партий.

Вслед за этим явился во всем обаянии своего художественного слова и во всем блеске своего авторитета Г. В. Плеханов. Говорил он слегка по-актерски и нашу провинциальную публику даже несколько разочаровал. <…> Плеханов в своей речи на Стокгольмском съезде, насколько я помню, доказывал, что крестьянин бунтарь, поскольку жжет помещичьи усадьбы, но затем сейчас же готов упасть на колени перед царем батюшкой, что он раб и государственник, что мы ни за что об руку с ним не дойдем до действительно последовательно революционного правительства, что еще меньше можно надеяться на какие-то просветы в сторону социализма, если мы будем за национализацию, и только по существу говоря, послужим на усиление государственности, которая ни в коем случае не будет нашей, может быть, даже будет прямо реакционной.

Я не буду останавливаться на дальнейших перипетиях речей об аграрной программе, менее яркие выступления к тому же улетучились из моей памяти. <…>

Помню хорошо ту идею Ленина, которую я потом развил в своей речи в ответ Плеханову. Плеханову все рисовалось, будто Ленин под захватом власти разумеет чуть не личную диктатуру. Ленин с негодованием отвечал на это представление и ясно отмежевывался от всякого бланкизма. Он наставительно поучал Плеханова, что говорит о захвате власти широкими массами рабочих и крестьян. Но, по-видимому, для Плеханова это была какая-то незнакомая музыка. Он видел только две перспективы: если захват власти, то захват власти заговорщиками, если революция — то какое-нибудь учредительное собрание, из которого выплывает разношерстная фигура, в лучшем случае, буржуазно-демократического правительства.

В результате меньшевики провели свою резолюцию, но

внесли в нее разные поправки и поправочки.

Затем съезд перешел к оценке общего состояния революции и в связи с этим к той тактике, которая предписывалась революционной партии моментом. <…> Выяснилось то, что мы, впрочем, и раньше знали, что меньшевики уже успели благодаря декабрьскому поражению в Москве отшатнуться к самому исходному пункту своих полулиберальных ересей. Они вновь выдвинули лозунг поддержки оппозиционной буржуазии и даже стали подчеркивать, что-де либеральная буржуазия, хотя она и буржуазия, но все же либеральная, западническая, цивилизованная. Крестьянство же, с его неумытым рылом, может ежеминутно оказаться оплотом самодержавия. <…>

Резолюцию по текущему моменту составлял Ленин, привлекший к этой работе меня и еще 2–3 товарищей. Под нашими именами она и была подана. Но она собрала одни только большевистские голоса.

Бой продолжался и по другой резолюции, которая должна была специально осветить вопрос вооруженного восстания. Докладчиком по этому вопросу выступил Красин. Принимая во внимание обостренные отношения к вопросу вооруженного восстания со стороны меньшевиков, Красин весьма осторожно и тщательно указывал на отличие нашего взгляда на вооруженное восстание от всякого путчизма. Помню, что на речь Череванина, ссылавшегося на то, что мы не созрели к революции, и требовавшего чисто политической и даже психологической подготовки, блестяще отвечал Ярославский. Говорил он, как человек, нюхавший подлинный порох, действительно близко стоящий к настоящей практике так называемого технического подготовления к восстанию, как и к подготовительной работе в армии. Мне пришлось именно по этому пункту выступить с моей основной речью на съезде. Я высмеивал навязанную нам Плехановым идею захвата власти. Говорил, что для нашего времени такого рода захват власти можно видеть только в оперетках и что с опереточными перспективами заговорщической авантюры мы, большевики, ничего общего не имеем. <…>

Съезд окончился ярким определением двух непримиримых позиций, и все же была попытка организационного примирения. Владимир Ильич, Сталин, Красин и другие руководители нашей фракции после чрезвычайно мучительных дебатов настояли все-таки на необходимости объединенного ЦК партии, хотя прекрасно понимали, что единой работы у нас не выйдет. Тем не менее настроение партии было такое, что брать на себя ответственность за разрыв было нельзя. Решено было на деле, в самой практике, показать, что меньшевики в своих стараниях как

можно скорее изжить большевизм толкают нас неизбежно к объявлению собственной самостоятельности.

Свою сплоченность и ясность своих идей мы сознавали великолепно и знали, что меньшевизм не проглотит нас и переварить не сможет.

Стокгольмский съезд уже выдвинул со стороны большевиков большую фалангу таких крепких, таких ясно мыслящих людей, что, несмотря на весь культурный блеск плехановской аргументации, никакое большинство меньшевиков не могло, думается мне, заслонить от глаз внимательного наблюдателя бесконечно больший удельный вес революционеров-большевиков.

Со съезда мы уехали не разочарованные, не разбитые, а торжествующие.

[1926]

Свержение самодержавия*

Несколько воспоминаний

Свержение самодержавия не застало нас врасплох. Общий ход войны и то, что доносилось до нас в сравнительно свободную и открытую всем ветрам нейтральную Швейцарию из России, сильно укрепляло в нас, эмигрантах социал-демократах, надежду на скорый взрыв революции. <…>

> «Когда покачнулось русское самодержавие и когда произошла февральская революция, Владимир Ильич стал стремиться в Россию… Владимир Ильич понимал, как обкрадена революция, что революцию сделали, конечно, рабочие, опираясь на солдат, а власть получила буржуазия».
>
> *(«Ленин и РКП»)*

Тем не менее падение самодержавия случилось так легко, гнилой плод так быстро отвалился от ветки, что, конечно, радостная внезапность этого события не может быть отрицаема. Для нас, эмигрантов, это, разумеется, был светлый праздник. Все поздравляли друг друга, все были безмерно счастливы и старались заразить этим счастьем французских и немецких швейцарцев. Мне самому пришлось выступить несколько раз с докладами на русском и французском языках, где я, совершенно одержимый буйной революционной радостью, пел настоящие гимны в честь красавицы Революции, пришедшей в нашу страну не только для того, чтобы изменить в корне всю ее судьбу, но и чтобы бросить ее революционную энергию на служение революции мировой.

На другой или на третий день после революции мы, тогдашняя группа впередовцев, постановили подчинить себя руководству Центрального Комитета большевиков, и я специально поехал к Ленину с этим заявлением.

Все маленькие разногласия, и особенно разная эмигрантская накипь, вспыхнули и сгорели в один миг в взорвавшемся пламени революции, и следующей мыслью был страстный вопрос: как же нам быть, как же нам попасть туда, на родину? А попасть нужно было во что бы то ни стало не только потому, что хотелось жить или умереть там, где происходили великие революционные

события, но и потому, что зоркое око Владимира Ильича издалека заметило и в его публичных «Письмах на родину»[13] отразило возможность извращения революции. Не позволить ей застыть на социал-патриотических и, в сущности, глубоко буржуазных позициях, все силы бросить на то, чтобы пламя ее было неугасаемо и чтобы власть перешла в руки пролетариата! Это желание превращалось в какую-то бешеную тоску. Мы не находили себе места, мы рвались во все щели, через которые, казалось нам, могли покинуть мирную Швейцарию и добраться до места революционных битв.

Были испытаны все средства, но страны Антанты сгрудились непроницаемой стеной. Ни одного эмигранта, настроенного по камертону Кинталя или Циммервальда, и тем более еще более левых, в революционную Россию не пропускать! Тут Владимир Ильич объявил нам о возможности через посредство социал-демократов немецкой Швейцарии добиться пропуска в Россию через Германию.

> «…Ленин — грандиозен, Какой-то тоскующий лев, отправляющийся на отчаянный бой».
>
> *(Из письма к А. А. Луначарской)*

Поднялась туча споров. Одни, наивные моралисты, толковали о том, что вообще не этично воспользоваться таким разрешением, и с головой выдавали тот социал-патриотический и мещанский душок, который в них жил. Другие заявляли, что хотя само по себе это допустимо, но враги наши сумеют истолковать это вкривь и вкось и беспросветно скомпрометировать нас в глазах рабочих масс.

Владимир Ильич, весь какой-то упругий и словно пылающий внутренним огнем, торопливо, силою стихийного инстинкта, как железо к магниту стремившийся к революции, отвечал с какой-то беззаботной усмешкой по этому поводу: «Да что вы воображаете, что я не мог бы объяснить рабочим допустимость перешагнуть через какие угодно препятствия и запутанные обстоятельства, чтобы прибыть к ним и вместе с ними бороться, вместе с ними победить или умереть?».

И когда мы слушали эти слова вождя, мы понимали, что наш класс нас не осудит. <…>

Я приехал не вместе с Ильичем, а в следующем поезде[1] и не присутствовал при той великой картине, которая запечатлена теперь в художественно сильном памятнике Ильичу в Ленинграде: Ильич на броневике, бросающий в толпу почти яростный призыв: «Не думайте, что вы сделали революцию,

революция еще не сделана. Мы приехали доделать ее вместе с вами!»

[1927]

Приезд Ленина*

Несколько воспоминаний

Известия о перевороте[1] застали меня около Женевы. Я немедленно выехал в Цюрих, чтобы переговорить с Владимиром Ильичем и, отбросив все мелкие разногласия, которые еще оставались между ленинцами и группой «Вперед», просто, без оговорок, предложить ему все мои силы.

> «Октябрьская пролетарская революция оказалась возможной, ибо в России пролетариат, работавший в сконцентрированной индустрии, имел опору в крестьянстве, которое толкали к революции беднота и бесправие. Она оказалась возможной потому, что у нас была выкованная историей партия РКП».
>
> *(«К характеристике Октябрьской революции»)*

И немедленно главной заботой для всех нас стало — обеспечить за собой возможность проехать в Россию.

Конечно, самым решительным в этом отношении выступал Владимир Ильич. Я был только на одном собрании в Цюрихе, на котором велся соответственный спор. В это время уже выяснилось, что надежды оптимистов на пропуск через страны Антанты оказались праздными. Один из вождей швейцарской социал-демократии Гримм,[2] принимавший большое участие во всем этом деле, гарантировал возможность проезда через Германию. Но нашлось довольно большое количество промежуточных типов. Они боялись, что окажутся скомпрометированными в глазах масс, если воспользуются таким скользким путем для возвращения домой.

На собрании, о котором я говорю, Владимир Ильич разрешил как раз эти соображения. С усмешкой на лице, уверенной, спокойной и холодной, он заявил: «Вы хотите уверить меня, что рабочие не поймут моих доводов о необходимости использовать какую угодно дорогу для того, чтобы попасть в Россию и принять участие в революции. Вы хотите уверить меня, что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, будто мы, старые, испытанные революционеры, действуем в угоду германскому империализму. Да это — курам на смех».

Этот короткий клич, проникнутый гранитной верой в свое

единство с рабочим классом, я помню, успокоил очень многих. С большой быстротой велись переговоры и закончились без всяких прелиминарии. Я очень сожалею, что мои семейные обстоятельства не позволили мне поехать с первым же поездом, с которым ехал Ленин. Мы торжественно проводили этот первый эшелон эмигрантов-большевиков, направлявшихся для выполнения своей всемирной исторической роли в страну, охваченную полуреволюцией. Мы все горели нетерпением, в духе знаменитых «Писем из далека» Ленина, толкнуть эту нерешительную революцию вперед. Ленин ехал спокойный и радостный.

Когда я смотрел на него, улыбающегося на площадке отходящего поезда, я чувствовал, что он внутренне полон такой мысли: «Наконец, наконец-то пришло, для чего я создан, к чему я готовился, к чему готовилась вся партия, без чего вся наша жизнь была только подготовительной и незаконченной».

Когда мы вторым поездом приехали в Ленинград, мы уже встретили Ленина там на работе. Казалось, что он приехал не 10 или 12 дней тому назад, а много месяцев. Он уже, так сказать, врос в работу. Нам рассказывали с восхищением и удивлением о первом его появлении в городе, который потом получил его имя. Колоссальная масса рабочих выступила встречать его. А ведь большевики еще не были большинством даже в Совете. Но инстинкт масс подсказывал им, кто приехал. Никого, никогда не встречал так народ. <…> Когда Ленин на первом собрании заявил, что нужно прервать всякое единство с соглашателями, когда он развернул всю ту гениальную тактику, которую позднее его партия выполнила, как по нотам, — не только элементы колеблющиеся среди социал-демократов, но даже люди из очень старой большевистской среды дрогнули. Я думаю, что лишь немногие из тогдашних руководителей «Правды» и из членов Центрального Комитета сразу поняли единственную правильность предложения Ильича.

Мы, второй эмигрантский поезд, влились в эту работу. Счастливы были те, революционный инстинкт которых повел их сразу по стезям Ленина!

[1926]

Ленин и Октябрь*

Я не имею возможности сколько-нибудь обстоятельно писать здесь на эту тему. Я могу только набросать несколько отдельных штрихов.

Все знают, что Ленин, пролетарские и солдатские массы — вот кто были создателями Октября. Редко в такой исторический момент в такой огромной мере выявилось все величие и вся мощь личности, когда она являлась действительной выразительницей масс. У самых опытных революционеров, у самых ревностных последователей Ильича и до объявления восстания, и во время драматических событий в Москве, и при наступлении керенщины на Петроград кружилась голова и прерывалось дыхание. Но Владимир Ильич был совершенно спокоен. Политическая буря, неслыханный риск, превосходящий всякие человеческие силы, казалось, были той атмосферой, в которой предназначено было ему дышать. Каждое его письмо, каждая его статья в то время, когда он звал к революции, торопил с наступлением, дышали и мужеством, и отвагой. Его появление среди питерских революционеров из изгнания было встречено бурным восторгом, который вызывался и огромным доверием к нему, и тем излучением спокойствия силы, которым веяло от его крепкой фигуры и от его улыбающегося лица в эти незабвенные часы.

Это зрелище вселяло спокойствие в других, и если кто робел, если кому-либо казалось, что линия, взятая Ильичем, слишком крута, то не только Ильич подтягивал такого ослабевшего, но немедля какая-либо делегация той или другой части рабочих являлась с заверениями о своей готовности идти за партией до конца, с призывом — не ослабевать.

Когда я оглядываюсь назад на эти дни, то передо мною прежде всего всплывает этот своеобразный аккорд: абсолютно стойкие, идущие на практике к самым радикальным целям вожди и полные единения с ними и не менее великие, конечно, петербургские массы.

Вожди и массы были на высоте взятой ими на себя задачи, и великой исторической справедливостью является то, что Петербург теперь называется Ленинград.

Из этих, до высшего напряжения заряженных волей и энергией, дней развернулась потом семилетняя лента великих событий, сперва с Лениным, потом без Ленина, но под его же несниженным знаменем, и эта ало золотая лента событий протянется и дальше до окончательной победы.

[1924]

Смольный в великую ночь*

Весь Смольный ярко освещен. Возбужденные толпы народа снуют по всем его коридорам. Жизнь бьет ключом во всех комнатах, но наибольший человеческий прилив, настоящий страстный буран — в углу верхнего коридора: там, в самой задней комнате, заседал Военно-революционный комитет.

Когда попадаешь в этот водоворот, то со всех сторон видишь разгоряченные лица и руки, тянущиеся за той или другой директивой или за тем или другим мандатом.

Громадной важности поручения и назначения делаются тут же, тут же диктуются на трещащих без умолку машинках, подписываются карандашом на коленях, и какой-нибудь молодой товарищ, счастливый поручением, уже летит в темную ночь на бешеном автомобиле. А в самой задней комнате, не отходя от стола, несколько товарищей посылают, словно электрические токи, во все стороны, восставшим городам России свои приказы.

Я до сих пор не могу без изумления вспомнить эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в красные Октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающим, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает к усилию громовой голос революции.

Заседание Второго съезда Советов началось в Белом зале Смольного поздно.[1] Есть у коммунистов эта особенная черта: вы не часто встретите среди них людей, клокочущих страстью, напоминающей порою исступление и даже истерику; при огромной энергии и внутреннем горении они обыкновенно внешне спокойны, и это спокойствие выступает на первый план как раз в самые рискованные и яркие дни.

Настроение собравшихся праздничное и торжественное. Возбуждение огромное, но ни малейшей паники, несмотря на то, что еще идет бой вокруг Зимнего дворца и то и дело приносят известия самого тревожного свойства.

Речи коммунистов принимаются с бурным восторгом. Какой несмолкаемой бурей аплодисментов встречено долгожданное сообщение, что Советская власть проникла наконец в Зимний дворец и министры-капиталисты арестованы. <…>

Владимир Ильич чувствует себя, словно рыба в воде: веселый, не покладая рук работающий и уже успевший написать где-то в углу те декреты о новой власти, которые когда-то сделаются — это мы уже теперь знаем — знаменательнейшими страницами

истории нашего века.

Прибавлю к этим беглым штрихам еще мои воспоминания о первом назначении Совета Народных Комиссаров. Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были забросаны пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола. Мы выбирали руководителей обновленной России. Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбираемыми людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне еще не подготовленными для той или другой специальности. Ленин досадливо отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока… там посмотрим, нужны ответственные люди на все посты; если не пригодятся — сумеем переменить.

Как он был прав! Иные, конечно, сменились, иные остались на местах. Сколько было таких, которые не без робости приступили к поручаемому делу, а потом оказались вполне на высоте его. У иного, конечно, — не только из зрителей, но и из участников переворота — кружилась голова перед грандиозными перспективами и трудностями, казавшимися непобедимыми. Больше всех других Ленин с изумительным равновесием душевным всматривался в исполинские задачи и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта-парохода.

Вспоминаешь, как какую-то особенную музыку, как какой-то особенный психологический запах, эту тогдашнюю взрывчатую атмосферу. Кто пережил это, тот никогда этого не забудет, для того Смольный останется центром его жизни. Я уверен, что когда-нибудь Смольный будет считаться храмом нашего духа, и с благоговением войдут в него толпы наших потомков, для которых каждая кроха воспоминаний о днях, годовщину которых мы празднуем, будет казаться драгоценностью.

[1918]

Из октябрьских воспоминаний*

Всегда бывает очень страшно припомнить что-нибудь из бесед с Владимиром Ильичем не для себя лично, а для опубликования. Все-таки не обладаешь такой живой памятью, чтобы каждое слово, которому, может быть, в то время не придавал максимального значения, запечатлелось в мозгу, как врезанная в камень надпись, на десятки лет, а между тем ссылаться на то, что оно сказано великим умом, допуская возможность какого-нибудь искажения, очень жутко.

Однако мне хотелось бы в одиннадцатую годовщину Октября, роясь в воспоминаниях, которые кружатся вокруг этой яркой точки жизни каждого революционера-большевика, отыскать и по возможности уточнить то, что приходилось слышать в те гигантские дни от великого вождя.

Это было в день составления первого Совнаркома. Мне сказали, что ЦК партии, подбирая состав правительства, решил доверить мне Народный комиссариат по просвещению. Новость была волнующая, даже пугающая той громадной ответственностью, которая возлагалась, таким образом, на мои плечи.

Значительно позднее я совершенно случайно (все мы были в то время завалены всяческой работой), опять таки в коридорах Смольного, встретил самого Владимира Ильича. Он с очень серьезным лицом поманил меня к себе:

> «Надо мне вам сказать два слова, Анатолий Васильевич. Ну, давать вам всякого рода инструкции по части ваших новых обязанностей я сейчас не имею времени, да и не могу сказать, чтобы у меня была какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просвещенском деле. Ясно, что очень много придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям. Я думаю, вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет вам помогать. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию… Что касается высшей школы, то здесь должен большую помощь оказать Михаил Николаевич Покровский. Но со всеми реформами нужно быть, по-моему, очень осторожным. Дело крайне сложное. Ясно одно: всемерно надо позаботиться о расширении доступа в высшие учебные

заведения широким массам, прежде всего пролетарской молодежи. По видимому, с известной осторожностью, конечно, надо будет использовать научные силы для того, что англичане называют «University extension»[14].

Большое значение я придаю библиотекам. Вы должны над этим делом поработать сами. Созовите библиотековедов. В Америке делается очень много хорошего по этой части. Книга — огромная сила. Тяга к ней в результате революции очень увеличится. Надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя. Придется использовать для этого и почту, устроить всякого рода формы передвижки. На всю громаду нашего народа, в котором количество грамотных станет расти, у нас, вероятно, станет не хватать книг, и если не сделать книгу летучей и не увеличить во много раз ее обращение; то у нас будет книжный голод.

Я надеюсь, что в скором времени найду момент, чтобы с вами еще об этом поговорить и чтобы вас спросить о том, какие перед вами определяются планы работы и каких вы можете привлечь людей. Сейчас вы сами знаете, какое время: даже для самого важного дела можно найти, да и то с трудом, какой-нибудь десяток минут. Желаю вам успеха. Первая победа одержана, но если мы не одержим еще вслед за этим целого ряда побед, то худо будет. Борьба, конечно, не окончилась, а только еще находится в самом, самом начале».

Владимир Ильич крепко пожал мне руку и своей уверенной, быстрой походкой пошел в какой-то из многочисленных тогда кабинетов, где роились и строились новые мысли и новая воля только что родившегося пролетарского государства.

Я передал первую мою беседу с Владимиром Ильичем о народном просвещении в форме прямой речи из его уст. Это не значит, повторяю, что в моей памяти все это было отпечатано и что я передаю слова Владимира Ильича, как хороший граммофон. Нет, к великому моему сожалению, но я старался воссоздать эти слова с предельной для моей памяти точностью. Насколько я представляю себе, я ни одного сколько-нибудь существенного слова не упустил и, уж конечно, не прибавил.

[1928]

Из воспоминаний о фронте*

В течение почти всей гражданской войны я почти непрерывно отрывался от своего наркомата и в качестве представителя Реввоенсовета Республики ездил на разные фронты. Моей обязанностью было освещение различным красноармейским частям общей политической ситуации. Само собой разумеется, что за это время у меня накопилось очень много воспоминаний, которые, может быть, и будут когда-нибудь мною напечатаны.

Были грозные дни деникинщины в ее самом большом расцвете. Деникинская армия взяла Орел. В Москве было чрезвычайно неспокойно. Даже очень стойкие военные-коммунисты допускали возможность дальнейших успехов наших врагов, хотя латвийская дивизия уже совершала свои маневры, которые и явились одной из причин последующего отката, в общем, несомненно подтаявшей в своих частях деникинской армии.

Объезжая фронты, я побывал в Тульском укрепленном районе. <…>

Когда я вернулся из Тулы, я сейчас же, по обыкновению, отправился к Владимиру Ильичу, чтобы рассказать ему о всех моих впечатлениях. Я рассказал ему о Тульском укрепленном районе и о напряженной деятельности товарищей, которым поручено блюсти за ним. Владимир Ильич, разумеется, великолепно понимал чрезвычайную тяжесть нашего тогдашнего положения. Выслушав все, он как-то слегка потемнел, нахмурил брови и, не глядя на меня, сказал:

«Да, Тульский укрепленный район — это серьезно, там нужно отстоять подступы к Москве. Очень важно не уронить настроение самого населения. Необходим не только серьезный контроль, чтобы внутрь района не заползла измена, необходимо также вовремя поддержать бодрость. Не думаете ли вы, Анатолий Васильевич, что вам лучше всего вернуться в Тулу? Знаете ли, чтобы они не чувствовали себя заброшенными. Говорите им, и военным, и рабочим, и горожанам, об общей политической ситуации, внушайте им побольше бодрости. И я бы попросил вас вернуться оттуда только в том случае, если деникинцы откатятся».

Такого рода поручение надо было истолковать, разумеется, так: вернитесь в случае, если Тулу отстоите, а если не отстоите, то уж не представляется особенно интересным, сможете ли вы вернуться, так как необходимо отстаивать эту позицию в полном смысле слова до последней капли крови. Так я и понял

Владимира Ильича и в тот же день выехал назад, в Тульский укрепленный район. <…>

[1928]

Ленин в совнаркоме*

При Ленине в Совнаркоме было дельно и весело. Я должен оговориться, что дух строгого распорядка и веселости, свидетельствующий о силе и уверенности, внедрился в Совнарком очень прочно. Но, конечно, Ленин остается Лениным.

«Огромное счастье — вспоминать, как в одной комнате, за одним столом, за одним общим делом доводилось сидеть с этим изумительным человеком…»

(«Ленин как ученый и публицист») «Когда придет время, самая личность Владимира Ильича, Ленин-человек, сделается предметом внимательного и любовного изучения. Биографическое в нем, интимное в нем тоже имеет огромную общечеловеческую ценность».

(Предисловие к книге «Ленин и искусство. Литература, музыка, театр, кино, изо»)

Уже при нем утвердились внешние приемы рассмотрения дел: чрезвычайная строгость в определении времени ораторов, будь то свои докладчики или докладчики со стороны, будь то участники в дискуссии. Уже при нем требовалась чрезвычайная сжатость и деловитость от каждого высказывающегося. В Совнаркоме царило какое-то сгущенное настроение, казалось, что само время сделалось более плотным, так много фактов, мыслей и решений вмещалось в каждую данную минуту. Но, вместе с тем, не было заметно ни самомалейшего запаха бюрократизма, игры в высокопоставленность или хотя бы напряжения людей, производящих непосильную работу. Больше, чем когда-нибудь, при Ленине казалась эта работа, при всей своей ответственности — легкой.

И это «ленинское» распространялось на всех членов Совнаркома. Работали споро, работали бодро, работали с шутками.

Ленин добродушно принимался хохотать, когда ловил кого-нибудь на курьезном противоречии, а за ним смеялся и весь длинный стол крупнейших революционеров и новых людей нашего времени — над шутками самого ли председателя, который очень любил сострить, или кого-либо из докладчиков. Но сейчас же после этого бурного смеха наступала вновь та же бодрая серьезность и так же быстро, быстро текла река докладов, обмена мнений, решений.

Надо было видеть, как слушает Ленин. Я не знаю лица прекраснее, чем лицо Ильича. На лице его покоилась печать необычайной силы, что-то львиное ложилось на это лицо и на эти

глаза, когда он, задумчиво смотря на докладчика, буквально впитывал в себя каждое слово, когда подвергал быстрому, меткому дополнительному допросу того же докладчика.

Хотя в Совнаркоме было много первоклассных светлых голов, но Ленин обыкновенно быстрее других прорабатывал все вопросы и приходил к законченному решению. Однако в этом не было ни малейшего стремления, так сказать, искусственно проявить свое первенство. Если кто-либо предлагал подходящее решение, Ленин быстро схватывал его целесообразность и говорил: «Ну, диктуйте, это у вас хорошо сказанулось».

Сердился Ленин, особенно в Совнаркоме, чрезвычайно редко. Но сердился крепко. Выражений он при этом не выбирал. С его уст слетали слова, вроде: «советские сановники, у которых ум за разум зашел», «ротозейство», «головотяпство» и другие неприятные определения, которые попадаются иногда в его бумагах, телеграммах, телефонограммах и т. д.

Но никто никогда не обижался за «проборку» от Ленина. Коммунист или вообще крепкий советский человек, обижающийся на Ленина, — это какая-то безвкусица и даже просто невероятная фигура. <…>

[1927]

Прощание*

Я узнал о смерти Владимира Ильича со значительным опозданием. В день 9-го января[15] я должен был утром сделать доклад на съезде Советов РСФСР о ликвидации неграмотности и в 7 часов выступить на большом собрании студентов вузов в Зиминском театре с характеристикой значения событий 9-го января 1905 года. Я приехал в Большой театр в начале 12-го часа для доклада и с удивлением констатировал, что навстречу мне в то время как я поднимался по лестнице густо повалила толпа товарищей со сцены театра. Лица у всех были расстроены и некоторые плакали. У меня сразу сжалось сердце, и я понял, что случилось что-то тяжелое. Я подошел к т. Лепешинской, глаза которой были полны слез, и спросил ее, в чем дело. От нее-то я и узнал, что накануне вечером скончался Владимир Ильич. Потрясенный этим известием, я отправился домой и не знал даже, за что мне приняться, так как в первую минуту на меня прежде всего нахлынула какая-то своеобразная апатия. Между тем оказывается, что меня вызванивали в Наркомпросе и в Кремле и в конце концов прислали даже за мной автомобиль. <…>

Я отправился в МК. Там товарищи только начали собираться. Я получил поручение выступить вместо 7 часов в 4 1/2 втом же Зиминском театре с тем, чтобы речь посвятить главным образом потрясшему всех событию. <…>

Товарищи предложили мне приехать вечером на Павелецкий вокзал для того, чтобы вместе с ними провести ночь у гроба учителя и сопровождать его тело в Москву. <…> Я направился прямо в театр Зимина. Народ собирался медленно, не потому, конечно, чтобы не было охотников пройти в зал, а потому, что их было слишком много, и, как обыкновенно, дело затянулось с пропуском масс внутрь театра. В 57 г часов кто-то в зале стал громко читать вышедший за несколько минут перед тем бюллетень о смерти Владимира Ильича. До начала заседания Президиум ВЦИК позвонил мне, чтобы я озаботился организацией тщательной фотографической и кинематографической засъемки всех обстоятельств, относящихся к смерти и погребению Владимира Ильича. Я немедленно снесся с заведующим Госкино т. Кадомцевым и выяснил, что различные киноорганизации сговорились создать единый комитет на создание соответственного исторического фильма и все средства от эксплуатации его сдать в особый фонд имени Ильича. Я сказал Кадомцеву, что кинематографисты, которых он пошлет в Горки,

могут обращаться ко мне в случае каких-либо недоразумений, так как я пробуду там всю ночь.

Началось собрание. Говорить о Владимире Ильиче было трудно, как всегда в момент слишком больших потрясений. То, что я говорил, записано стенографически и, кажется, невольно вылилось в речь достаточного воодушевления, так как В. В. Маяковский, с которым я встретился сейчас же по окончании моего выступления, крепко пожав мне руку, сказал: «Хорошо говорили». Настроение собравшегося студенчества было чрезвычайно торжественное и глубоко омраченное.

На Павелецкий вокзал я приехал, как было условлено, к 9 часам. Заведующий поездом сказал мне, что специальный поезд пойдет только в 10, но что он уже подан. Я вошел в почти пустой вагон, там сидел только т. Нариманов, один из председателей ЦИК Союза, и какой-то его ближайший сотрудник. Но очень скоро после меня пришли товарищи из ЦКК — Гусев, Шкирятов, Киселев, с ними пришел и поэт Демьян Бедный. Поезд отправился на самом деле в 11 часов и шел полчаса, так что мы имели больше двух часов для разговора.

Разговор вертелся, конечно, вокруг Владимира Ильича и был полон воспоминаниями о нем. <…>

Когда мы приехали на станцию, то оказалось, что нас довольно много. Кроме делегации от [Центрального Комитета] партии, в которую входил и я, была еще делегация от Московской ее организации, от ВЦСПС, все наличные в Москве члены ЦКК, делегации обоих съездов Советов,[1] всего человек, я думаю, 40, если не 50. Были и некоторые наркомы, приехавшие по собственному почину, в том числе т. Красин. На станцию было послано 3 или 4 подводы, приблизительно человек на 16. Я понадеялся на свои силы и пошел вместе с большинством пешком.

Уже давно я освободился от приступов сердечной боли, которые прежде не давали мне возможности ходить далеко, и поэтому рассчитывал и сейчас благополучно пройти 4 версты. Но, по-видимому, впечатление от смерти учителя было слишком сильно, и, пройдя несколько сот шагов, я почувствовал сильную боль в аорте. Пришлось, не говоря ни слова ни одному из товарищей, пропустить их всех вперед себя и очень медленно и осторожно пуститься в дальнейший путь. Я вынужден был останавливаться каждые сто-пятьдесят шагов. Ввиду этого я пришел в Горки с опозданием, но зато пережил несколько торжественных минут, которые слились для меня как-то со всеми впечатлениями этой ночи. Ночь была очень морозная, но безветренная. Идти было совсем не холодно. Светила

необыкновенно яркая луна, так что вся громадная равнина расстилалась синевато-серебряной пеленой, куда глаз хватит. Дорога была укатана и разметена. Несколько раз я встречал крестьян, которые расширяли и утрамбовывали эту дорогу для пронесения гроба на другой день. Идешь, и еще долго сзади раздается шуршание лопат и сдержанные, словно в церкви, речи рабочих. Так один, среди необъятного поля, под этой спокойной холодной луной, я мог хорошенько вспомнить, обдумать и приспособиться как-то к огромному горю, на всех нас обрушившемуся.

Дорога в Горки идет большими зигзагами. Когда я вышел на шоссе, то не знал, куда повернуть. Встретился маленький мальчик, и я спросил его без большой надежды на точный ответ: «Ты не знаешь, куда идти к даче Ленина?» Но мальчик сейчас же очень точно и подробно рассказал мне, как туда пройти. Недалеко от дачи входишь в лес. Сначала он имеет вид обыкновенного, довольно запущенного леса, потом превращается в очень длинную, с версту, пожалуй, аллею елей. По дороге есть какие-то дачи. Над ними ярко горело электричество. Я несколько раз думал, что это и есть дача, в которой лежит великий покойник, но оказывалось, что я ошибался. Наконец дошел я до Горок. Ленин жил в центральном доме целой группы зданий. Здесь, очевидно, жил какой-то большой помещик и жил с большой роскошью. Центральный дом представлялся настоящим дворцом с величественной колоннадой. Его немножко тяжеловатая, но все же ампирно-стройная громада под бледно-синим светом луны казалась достойным мавзолеем. По широкой лестнице входишь внутрь дома. Так как я опоздал сильно, то все товарищи уже повидали к этому времени Владимира Ильича и сидели кто где может, на стульях, диванах, просто на полу. Были тут и крестьяне, из числа представителей съездов, были и некоторые делегаты восточных народов. Царила абсолютная тишина. Кто говорил, говорил шепотом. Распоряжался т. Беленький из ГПУ, который во все последние месяцы был, так сказать, заведующим охраной Владимира Ильича. Тов. Беленький показал мне, куда пройти к телу. Это на втором этаже, куда входят по довольно большой лестнице, сперва в комнату, такую же ампирно-нарядную, как и зала нижнего этажа, увешанную старыми картинами, все главным образом во вкусе тридцатых годов, потом в комнату, где покоится Владимир Ильич. Эта не очень большая овальная комната была к этому времени уже убрана вечнозелеными растениями, хвойными, пальмами и лаврами. Владимир Ильич лежал в коричневом френче, необыкновенно спокойный и лицо его сразу меня поразило. <…

> Я бессознательно боялся, что увижу его каким-то чужим, а вместо этого на столе лежал наш Ленин, наш Ильич, абсолютно такой, каким он был до своей болезни, только не улыбающийся. А ему была присуща живая лукавая и ласковая улыбка. Но, конечно, приходилось нам видеть его и серьезным. Вот таким лежал он тут на столе. Лицо величественное, властное, сильное, с той же бородкой и подстриженными усами, закрытыми глазами, но такими, которые, казалось, вот-вот откроются. И руки положены на груди, одна сжатая в кулак, другая естественно и спокойно, слегка согнутая в пальцах, казались тоже совершенно живыми. <…>

Был организован почетный караул, каждые десять минут сменяющийся. Мне пришлось быть в карауле одним из первых, и я имел возможность долго всматриваться в это незабвенное лицо. Когда я кончил караул, вышла из своей комнаты Надежда Константиновна. Она стала рассказывать о Владимире Ильиче вещи очень любопытные и существенные. Некоторые из них я хочу передать здесь.

Надежда Константиновна говорила: «Я не думаю, чтобы даже в эти тяжелые последние месяцы Владимир Ильич чувствовал себя несчастным. С тех пор, как он получил возможность читать, он с большим интересом читал газеты, выбирал то, что для него особенно важно. Особенно любил все фактическое и… статьи, имеющие агитационное значение. В последнее время стал читать беллетристику. Ему принесли большую груду книг, и он отобрал себе исключительно вещи Джека Лондона, которые и просил читать ему вслух. Политический интерес преобладал все время над всеми остальными. С глубоким интересом относился Владимир Ильич к крестьянской конференции.[2] Читал все, что сюда относилось. Взволнован был по поводу дискуссии.[3] <…> Интересовался тем, что писали о нем, читал приветствия, пожелания о выздоровлении. Ему, видимо, доставляло большое удовольствие сознавать связь-любовь между собой и массами. Жизнь давала ему некоторые несомненные радости. Очень любил природу, любил ездить на охоту. Ездил с каким-то товарищем Михайловым и получал большое удовольствие, хотя иногда и переутомлялся. <…> Очень любил детей. Когда приходили к нему дети, то радовался. А дети, не понимая его тяжелой болезни, относились к нему просто, без всяких опасений и неловкостей».

Для развлечения Владимира Ильича был устроен комнатный кинематограф. Он охотно соглашался после обеда вместе с Надеждой Константиновной и сестрой смотреть это кино, но большого удовольствия оно ему не доставляло. Он иронически

смеялся и махал рукой. Действительно, программа этих киновечеров в Горках была, по словам Надежды Константиновны, ниже всякой критики. Редко-редко какой-нибудь кусочек хроники или более или менее революционная постановка вызывали некоторое одобрение Ильича, но, полагая, что все его домашние очень интересуются этим кино, он сам с поспешной любезностью всегда соглашался посидеть и посмотреть. Физических страданий он до последнего времени после второго удара не испытывал. Поправка шла несомненная, в особенности в отношении ног. В первый раз, когда Владимир Ильич решился пройтись сам, он выгнал из комнаты решительно всех, а потом показал со сконфуженной и счастливой улыбкой Надежде Константиновне, что он может ходить. <…>

Ночь мы провели кое-как. <…> Рано утром все поднялись, и начали разговоры о том, как и кому выносить гроб… Всякий добивался чести пройти хоть одну очередь с гробом Владимира Ильича.

В начале десятого часа Шествие тронулось. Вышло так, что я большую часть дороги шел с крестьянами и крестьянками соседних сел. <…> Ясно, что приходили, привлеченные великим словом Ленин, и совсем темные люди. На этот раз 4 персты сделаны были великолепно, и мы скоро пришли на вокзал. <…>

От Павелецкого вокзала до Дома Союзов приблизительно 6 верст. Я удивлялся Надежде Константиновне, которая оба больших куска — от Горок до железной дороги и от вокзала до центра города прошла пешком. По бокам с ней шли Мария Ильинична и Анна Ильинична.

Как в Горках, так и во время пути даже с аэропланов производили кинематографические и фотографические съемки. Они были произведены немедленно по установлении] роба посреди пылающей покрытыми флером люстрами залы. Опять установлен почетный караул, и потянулось нескончаемое, все более густое шествие, можно сказать, целого народа. <…>

Раздел III

Такой вождь, как Ленин, не может не быть просвещенцем. Он был учителем народных масс в мировом масштабе, был в то же время и нашим общим учителем. Нет такого коммуниста, от мала до велика, который с гордостью не назвал бы себя его учеником. И кроме коммунистов сотни тысяч и миллионы причисляют себя к ним же. Дело Ленина было делом просвещения в самой огромной мере, за просвещением следовала, из него вытекала практика.

Наше просвещение, во всех своих областях, есть часть ленинской работы, ленинскими принципами должно быть оно проникнуто. Ленин не забывал повторять о важности задач просвещения, сознавая, что ни меч, ни машина не могут сами по себе обеспечить строительство социализма, что для этого необходим огромный культурный подъем масс. Поэтому и мы, просвещенцы, считаем его своим патриотом. И мы говорим, что он является первым и самым великим в нашем отряде строителей социализма.

(Из статьи: «Просвещение масс — завет Ленина») [1927]

Ленин и вопросы просвещения*

«Культура народных масс и Октябрьская революция — явления, связанные друг с другом теснейшим образом. Для выяснения их лучше всего исходить из двух положений Ленина.

Во-первых, Ленин твердо заявил, что мирный культурный, происходящий в длительных формах, подъем в настоящее время является самой главной задачей, стоящей перед советским правительством и обществом. Развивая эти мысли, Ленин упоминает, что либералы любили утверждать, будто бы только предварительное культурное развитие народа дает ему право взять в свои руки власть. Этим либеральным россказням Ленин противопоставляет идею, что никогда народные массы не получили бы действительно правдивого, действительно широкого образования, если бы они не взяли власть в свои руки.

Второе положение Ленина, касающееся революции и культуры, не менее знаменательно. Он говорит: никакое меньшинство, никакая партия не могут построить коммунизма. Он будет создан лишь десятками миллионов рук, после того, как они начнут все делать сами. Таким образом, условием планомерного строительства социализма в нашей стране является именно это «умение» «десятков миллионов рук». Народное образование является той силой, которая может позволить нам индустриализировать нашу страну. Оно является главным путем к превращению нашей страны не только юридически, но и фактически в подлинную демократию, — демократию, которая является преддверием к коммунизму».

(«Октябрьская революция и народное образование»)

Просвещению Владимир Ильич придавал совершенно исключительное значение.

Но для того, чтобы русский пролетариат мог выполнить эту огромную роль, ему нужно осознать свои интересы, ему нужно понять связавшие его отношения с царизмом, с капитализмом, мелкой буржуазией и крестьянством. Подходя к революционным задачам в России, Ленин, с одной стороны, как объективный

экономист, констатировал с точностью, что Россия превращается в капиталистическую страну, что в ней неуклонно растет пролетариат, что ему суждено сыграть роль застрельщика в Великой российской революции, великим носителем которой рядом с ним будет российское крестьянство. Вместе с тем он сознавал, что при этих крайне благоприятных обстоятельствах, когда нарождающаяся революция может возникнуть и пройти под руководством пролетарского класса, Россия "отличается чрезвычайно тяжелым, невыгодным свойством — именно крайним невежеством. Из этого нетрудно было сделать вывод, что специальные условия создают стихийно в России предпосылку великой, может быть, никогда еще небывалой революции. В России есть 8-10 миллионов пролетариата, большая часть которого сконцентрирована в крупных производственных предприятиях, который один может выдвинуть авангард революции — активную революционную партию — и, с другой стороны, найти опору в многомиллионном крестьянстве, разрешить задачу политического освобождения, завершить революцию и возможно больше продвинуться к социализму.

Для выполнения чисто политических задач, для того чтобы создать гегемонию в революции, чтобы суметь низвергнуть самодержавие и заместить его правительством действительно революционным, — для всего этого необходима огромная степень просвещения пролетариата. Владимир Ильич это прекрасно понимал, и вся жизнь его есть неуклонная работа в этом направлении.

И задачу партийного строительства Владимир Ильич понимал как задачу просветительную. <…>

Вся первая часть истории нашей партии есть работа по организации просветительного политико-социалистического аппарата. Партия занималась главным образом агитацией, просвещением рабочих масс. Когда наступила пора революции, многим из учителей революции пришлось заменить оружие пропаганды оружием огнестрельным для боя с врагами и превратиться в командиров. Это не значит, что учительская роль отошла на задний план. Для того, чтобы доказать правильность взятого (коммунистической партией. — *Ред.)* метода, ей неуклонно пришлось продолжать политпросветительную работу в пролетариате. Это важно было потому, что ей надо было закрепить смычку между пролетариатом и крестьянством, надо было просветить деревню. Задача столь огромная, что Владимир Ильич ее подчеркивал.

Мы сейчас победили, государство окрепло, иностранные державы вынуждены нас признать. Значит ли это, что

просветительная работа должна стираться и сколько-нибудь отступить на задний план? Владимир Ильич отвечал: конечно, никогда, потому что здесь сейчас выступает «третий фронт». Если первый фронт сводился к тому, чтобы создать партию, создать власть, организовать армию, построить государство, закрепить коммунистические идеи в рабочих массах, перекинуть мосты в крестьянскую массу, т. е. к вопросам укрепления нашей мощи, то можно сказать, что на три четверти эти задачи были просвещенскими в широком смысле слова, задачами распространения определенных истин…

Выступает на первый план хозяйственный фронт…. Можно сказать, что для разрешения хозяйственных задач просвещение является второстепенным? Этого сказать нельзя. Владимир Ильич много раз указывал на сущность коммунистических задач, указывал на то, что наибольшей задачей является поднятие крестьянского хозяйства.

Перейдем в область промышленности. Нам надо постараться, чтобы рабочий наш был технически более образован. Без этого наша промышленность при конкуренции с европейской будет падать. Это относится не только к рабочему, но и к технику и к инженеру. Нужны поколения новых инженеров, нам нужно создать высокую гигиену труда, мы должны сократить его время, мы должны научить рабочего пользоваться своими инструментами, нервами и мускулами так, чтобы сам он не уставал, а вырабатывал как можно больше. Это ставит перед нашей промышленностью новые, огромной важности технические проблемы. Кто же нам даст это? Это должен дать Наркомпрос и другие органы просвещения. <…>

Владимир Ильич прекрасно понимал, что нам предстоит огромная задача просветительного характера. По его схеме хозяйственное развитие в такой стране, как Россия, может встать на правильные рельсы только путем электрификации. Мы только этим путем можем поднять наше хозяйство, использовать энергию для транспорта и дать в помощь человеческому труду гигантскую рабочую силу, движимую электрической энергией! Но для этого нужно иметь целую армию электротехников. Если мы спросим, что нужно, чтобы электрификация могла быть осуществлена, то мы должны сказать, что в первую очередь нужно широчайшее техническое образование. Как для разрешения проблем первого фронта, т. е. для достижения политической свободы, так и для разрешения проблем второго фронта, т. е. для экономического возрождения страны, необходимой предпосылкой является грамотность. Для того, чтобы в России все люди до 35 лет были грамотны, нам нужно научить грамоте 17 миллионов. Это наш

план на ближайшие годы. И одним из последних заветов Владимира Ильича было во что бы то ни стало борьбу с невежеством этой части населения довести до конца к десятилетнему юбилею нашей революции.[1]

> «…совсем не беда, если всецело отдаваясь делу строительства, люди будут организовывать свой индивидуальный, а в особенности свой коллективный быт действительно по-человечески, организовывать свой досуг, делать само существование свое более радостным. Разве великий учитель Ленин не учил нас, что жизнерадостность есть нечто желанное и естественное в коммунизме…»
>
> *(«Наши поэты»)*
>
> "Великий вождь коммунизма был вместе с тем самым мощным основоположником советской педагогики.»
>
> *(Ленин и народное образование)*

Поскольку мы даем грамотность для взрослых и детей, поле и среди взрослого населения на предметах обществоведения через наших политпросветработников, постольку мы выполняем главную долю всей вообще политической работы. Поскольку мы имеем через профобры[2] — наши органы поднятия квалификации труда — сознательных, новых, технически образованных работников, постольку мы даем работников второго фронта. К этому нужно прибавить, что для первого и второго фронтов мы должны создать новых спецов высокого образца. Работа вузов и рабфаков, черпающих из недр рабочих масс, является также разрешением проблем этих двух фронтов.

На первых порах власть берется для того, чтобы создать переход от несправедливого людоедского хозяйства к подлинно человеческому хозяйству, имеющему в виду пользу всего человечества.

Допустим, что все это разрешено, так что каждый человек имеет вдоволь пищи, одежды, рабочий имеет много свободного времени. Но не для одного этого живет человек, он живет не для того, чтобы удовлетворить минимум потребностей. Он живет для того, чтобы всесторонне, вширь и вглубь, развиваться. Карл Маркс говорит, что критерием, или меркой, по которой мы можем осознать большую или меньшую высоту того или другого общественного идеала, является то, насколько этот идеал или

строй позволяет всемерное развитие всех заложенных в человеке потребностей. Вот задача хозяйства. Социалистическое хозяйство есть такое, которое дает наибольшую степень развития человека. Свободно развивающийся человек ищет возможно большего по объему и разнообразию счастья, которое находилось бы в гармоническом сочетании со счастьем других. Не нужно перехода к социализму, если люди не сделаются от этого мудрее, красивее. А эти вопросы больше всего разрешаются в области человеческого миросозерцания, в области художественного творчества, в умении наслаждаться природой и в умении придать ей законченные изящные формы, в области перевоспитания человека из этого уродца, из этого эгоиста в настоящего человека, о котором мы мечтаем и который является конечной целью каждого социалиста. <…>

Но Ленин не ограничился общими истинами. Он дал целую массу конкретных и очень для нас важных формулировок, которые я привожу с некоторыми комментариями, чтобы был ясен их смысл.

В программе нашей партии, принятой в марте 1919 года, имеется раздел о народном образовании. Все эти страницы были написаны Владимиром Ильичем.[3]

> «В области народного просвещения РКП ставит своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие полного уничтожения деления общества на классы, в орудие коммунистического перерождения общества.
>
> В период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного, воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм».[16]

Разберемся в этих необычайной важности словах. Во-первых, здесь признается, что всякая школа была порабощением одних классов другими. Классовое общество создало школу по образу и подобию своему. Факт тот, что школа, разбитая на несколько этажей, давала низам такое образование, что оставляла их в рабстве, держала во тьме, давая им некоторые знания. Высшая школа производила командный состав — чиновничество, которое

умело бы править большим рабоче-крестьянским стадом. Что же пролетариат должен сделать? Ему тоже хочется сделать школу классовой. Но какая цель этого? Класс пролетариата стремится не утвердить свое господство, а создать предпосылку полного уничтожения какого бы то ни было господства человека над человеком. Мы сейчас находимся в периоде диктатуры пролетариата и подготовки условий, делающих возможным осуществление коммунизма. Что же в это время должна делать школа? Она не только должна быть проникнута коммунистическими началами, но должна служить проводником идейного воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся, чтобы способствовать усвоению коммунизма.

Это есть не только школа для детей пролетариата. Она захватывает шире, чем класс. Она является огромным, важным аппаратом, дающим идеи марксизма, воспитывающим в духе этих идей, т. е. влияющим на чувства и волю молодых поколений. <…>

Никакое разрешение политических задач и хозяйственных не закрепляется, если не проделана большая работа над развитием самосознания наших поколений. Только тогда можно сказать, что победа закреплена, когда новая школа начнет пропитывать новыми началами все фибры существа нового поколения. Кто не завоевал будущее, тот ничего не завоевал… А его мы завоевываем в школе.<….>

Владимир Ильич считал, что коммунисты не только могут, но и должны привлечь к себе массовое учительство, ибо это есть единственный способ выполнить те гигантские задачи, которые предвидел он, которые являются осью всей революционной работы.[4] <…>

Обращаясь к Наркомпросу, Владимир Ильич пишет:

> «Работа, которая ведется теперь в области народного образования, вообще говоря, не может быть названа слишком узкой. Делается очень немало для того, чтобы сдвинуть с места старое учительство, чтобы привлечь его к новым задачам, заинтересовать его новой постановкой вопросов педагогики, заинтересовать в таких вопросах, как вопрос религиозный.
>
> Но мы не делаем главного. Мы не заботимся или далеко недостаточно заботимся о том, чтобы поставить народного учителя на ту высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре…
>
> У нас делается еще слишком мало, безмерно мало

для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребностей первоначального народного образования». [17]

Как видите, здесь сказано достаточно определенно, как смотрел Владимир Ильич на необходимость повысить положение учителя. <…>

Владимир Ильич был величайшим просветителем в нашей стране, он высоко ставил звание народного учителя, он гордился тем, что его отец был народным учителем. Я думаю, что лучшей памятью ему будет, если на его памятнике мы напишем слова: «Владимиру Ильичу Ленину — великому народному учителю»…

Владимир Ильич вопросам просвещения и культуры отводил самое большое место. Всем ведущим просветительную работу должно быть ясно, что революция, поскольку она есть дело человеческого сознания, есть гигантская просветительная работа, что она воздвигает здание социализма и ведет к дальнейшему просвещению человечество.

[1924]

Ленин и молодежь*

> <…> Молодежь и образование — это два понятия, неотделимые друг от друга. Говоря о взглядах Владимира Ильича на молодежь, мне придется постоянно обращаться к его взглядам на народное образование. С этого я и должен начать.
>
> «Как Ленин, так и наша молодежь являются продуктами одной и той же эпохи. Ленин был средоточием этой эпохи, в его идеях и личности отразилась ее главная суть».
>
> *(«Ленин и молодежь». Доклад)*
>
> «Отдавая всего себя и всю свою энергию повседневному разрешению революционных задач, Ленин прекрасно понимал, что сразу их не разрешить, что сейчас, в данный момент, можно заложить только первые камни фундамента, а доделать придет молодежь. Вот откуда его огромное внимание к молодежи, откуда те заветы, которые он дал молодежи».
>
> *(«X лет ВЛКСМ». Доклад)*

Владимир Ильич, разумеется, не принадлежал к числу тех либералов-идеалистов, которые полагали, что степень культурного развития народа определяет близость его к революции. Вы помните, конечно, эти вульгарные положения, которыми богат был русский либерализм: сначала необходимо, чтобы массы достигли известного культурного уровня, а потом уже можно думать о свободах, хотя бы и вырванных путем протеста народных масс. Владимир Ильич стоял на совершенно обратной точке зрения. Он считал, что образования массам эксплуататорское правительство не даст. И он нисколько не видел противоречия в том, что буржуазные демократии, будучи обществами эксплуататорскими, тем не менее дают известное образование массам: он понимал, что это образование — по объему своему недостаточное, по составу своему отравленное такими специфическими примесями, которые должны были задержать развитие критической мысли в народе, и вовсе не имеет своею целью превратить ложную демократию, дающую возможность удерживать власть в руках десятков тысяч эксплуататоров, в подлинную, т. е. в действительную власть

огромного большинства, в действительное творчество политических, хозяйственных и культурных линий судьбы всего народа, определяемой всем массивом этого народа. Ленин прекрасно понимал, что народное образование в буржуазных странах служит для того, чтобы, пуская в глаза массам пыль внешней, декоративной демократичности, задерживать их на уровне довольства своей конституцией.

В особенности же, когда дело шло о такой стране, как Россия, было ясно для Владимира Ильича, что не через двери народного образования можно было продвигаться вперед. <…>

Но как же быть? Если требуется известное самосознание для народа вообще и в частности для пролетариата, чтобы поставить революционные проблемы и найти правильные пути к их решению, а этого просвещения никак не добьешься без революции, — не есть ли это змея, кусающая свой хвост? Не есть ли это неразрешимая проблема: без сознания нет революции, без революции нет самосознания?

Этот вопрос разрешался в некоторой степени «аристократически», т. е. путем постановки проблемы в такую плоскость: народные массы выдвигают — хотя бы туго, хотя бы через страдания, хотя бы путем жертв, — известный авангард, конечно, главным образом из пролетариата, из наиболее передовой части своей. Вся масса не может еще стоять на высоте этого самосознания; поэтому предоставленная сама себе, она неизбежно наделает ошибок. Этот авангард, обладающий всей полнотой сознания, — это коммунистическая партия. И масса сможет действовать, потому что никакой авангард за нее действовать не может — и будет действовать правильно как масса, ибо революция есть действие массовое, — в том случае, если будет питать достаточное доверие к своей передовой партии и если передовая партия будет достаточно крепка и последовательна, чтобы руководить массой. Вот это и было предварительное, первое разрешение проблемы: выдвигается авангард, революционное меньшинство, совершается революция. <…>

Но вот революция происходит. Что же дальше? Первое положение Владимира Ильича: нужно быть ребенком, чтобы думать, что коммунисты своими руками могут построить коммунизм. Коммунисты — капля в море. Исходя из этого тезиса, Владимир Ильич формулирует и другие: необходимо опираться на силы вне партии, привлечь их к работе государственной, хозяйственной, культурной; по образцу Красной Армии, где мы подчиняли себе и использовали офицерство, надо привлечь административное, техническое, торговое, просветительское,

врачебное и т. д. «офицерство» — то самое, которое служило буржуазии. И Владимир Ильич говорит: тот коммунист является действительно заслуженным в области вверенного ему дела, кто сумел высмотреть, приблизить и как следует использовать возможно большее количество некоммунистических «спецов». <…>

[Владимир Ильич] создал Коллегию ВСНХ, в которую входит целый ряд профессоров, он создал Госплан. Он боролся, иногда с крайней степенью ожесточенности, против политики коммунистических ячеек в вузах, которые вели свою борьбу с профессорами. Он говорил: если мы не сумеем этих людей использовать, чтобы у них выучиться и чтобы дать им возможность приложить свои силы к строительству по нашему плану, то мы никуда не годимся, ибо мы без них никак не можем продвинуться вперед. <…>

Но это не мешало Владимиру Ильичу сознавать, что мы ведем нашу строительную борьбу плохим оружием. Конечно, среди этих спецов есть блестящие умы, блестящие таланты, есть и такие, которые целиком переходят на нашу сторону. Но в общем-то и целом, в особенности если вы к ним прибавите всех этих бесчисленных мелких спецов, техников канцелярского труда, которые составляют толщу, так сказать, естественно выдвинувшуюся между; административными верхами и народными массами, — тогда вы, конечно, поймете, что это в значительной степени негодный материал.

Если к этому прибавить то, что Владимир Ильич постоянно подчеркивал известную неопытность самих коммунистов во многих отраслях их работы, подчеркивал наличие того факта, что слишком часто коммунист может быть комиссаром, но не может быть специалистом того дела, около которого стоит, — то вы поймете, в какой огромной мере вновь построенный нами государственный аппарат должен был отдавать старой отрыжкой, какое внутреннее трение этот механизм развивал. Все винты и гайки нашей государственной машины представляли из себя набор, который фигурировал прежде в совершенно другом механизме и который пришлось коммунистическому молотку пригнать друг к другу. Это Владимир Ильич с полной ясностью видел.

Две задачи рисовал Владимир Ильич. Во-первых, необходимо как можно скорее поднять культурный уровень масс, и не только масс пролетарских, но и масс крестьянских. Путем к этому подъему является грамотность. Владимир Ильич часто ожесточенно высказывался против введения «пролетарской культуры» в высших формах образования. Он сравнивал

защитников такой точки зрения с людьми, стремящимися построить четвертый этаж в то время, как не готов еще фундамент. Он с удивительной трезвостью мысли обращал нас, часто довольно жестко, к тому, чтобы мы смотрели на землю, и говорил: первейшей задачей является грамотность. Читать, писать, считать — вот этому нужно научить необъятное количество людей. <…>

Голод [в 1921 году] шарахнул по всей нашей борьбе с неграмотностью и разрушил почти по всему лицу нашей страны все ликпункты. Но когда голод прошел, Владимир Ильич поторопился написать статью, в которой сказано, что наша прямая обязанность — ликвидировать неграмотность населения до 35-летнего возраста к 10-летнему юбилею.[1] Владимир Ильич прекрасно знал, что это* трудно, он был большой реалист, и эти трудности чувствовал лучше, чем кто-либо другой из нас, знал и количество неграмотных и сколько приблизительно это будет стоить, и сказал, что сделать это можно.

Точно так же интересовали Владимира Ильича и вопросы школы и вопросы массовых библиотек. И понятно почему. Потому что он, будучи в полной мере демократом в самом святом и светлом значении этого слова, хотел всячески приблизить сроки, когда народные массы, не только рабочие, но и крестьянские, будут во всей полноте осознавать свои нужды и пути к своему избавлению не только в плоскости политики, но и в плоскости всего своего повседневного хозяйствования и быта.

В момент, когда нам грозил катастрофический отрыв от крестьянской массы,[2] Владимир Ильич дал многознаменательный клич. Задержимся, сказал он, в нашем порыве и даже отступим назад, если это необходимо для смычки с крестьянской массой. Зацепим эту крестьянскую массу покрепче и пойдем с нею вместе вперед, может быть, гораздо медленнее, чем шли бы без нее. Но зато верней! Мы пойдем вместе с нею, неразрывно с нею. Только тогда это движение вперед будет непобедимым.

Это так. Но из этого не следует, что мы можем целиком уйти в низшее образование, что к этому-то и сводится вся основная задача: школы для ликвидации безграмотности, массовые библиотеки.

Владимир Ильич прекрасно понимал, что мы школы как следует не поставим, и массовой библиотеки не поставим, и неграмотности не ликвидируем, если у нас не будет развиваться хозяйство, если государственная администрация будет той вечно дающей перебои машиной, какую он перед собою видел. Ведь он говорил прямо: у нас, за исключением, может быть, Наркоминдела, который еще на что-нибудь похож, ни один

комиссариат ни на что не похож, все из рук вон плохо работают. Он это заявлял со всей суровостью. Построили мы государственный механизм, который выдержал бой, который оказался жизнеспособным, — но смотрите, какие он перебои дает. Надо его перестроить, надо научить людей управлять, и управлять хорошо, в удобных формах, ясных, четких и простых.

Надо научиться хозяйствовать — торговать в том числе. Надо научиться просвещать — просвещать так, чтобы все три стороны — общее образование, начиная с грамоты, техническое образование и политическое просвещение — были бы перевиты в один жгут, превращены были бы в один железный канат единой системы образования. Но для всего этого надо, чтобы были налицо сами просветители — чтобы были хозяйственники, чтобы были администраторы. А их мало.

Ждать, пока маленькие дети, после того как мы построим для них удовлетворительную школу, вырастут и превратятся в хороших хозяйственников? Но мы не можем организовать удовлетворительной школы, потому что мало учителей.

Ждать, пока неграмотный крестьянин и рабочий, получивший только сейчас первый букварь, дорастет до марксизма, также нельзя. Это бы значило стараться капля по капле поднимать уровень целого моря. <…>

Какой из этого выход? Выход один: апеллировать к молодежи. К какой молодежи? К нашей молодежи, конечно, не к молодежи буржуазной. <…>

Мы апеллируем к рабоче-крестьянской молодежи. Она невежественна? Да. Надо ее образовать — дать ей то образование, которое и ей и нам нужно.

Высоких специалистов можно получить через высшие учебные заведения; но наша молодежь еще неспособна в них учиться. Первым жестом Владимира Ильича был приказ отворить двери университета для всех, кто жаждет образования. Хлынули эти люди в университет, заполнили его. Пока были только лекции — ничего: отдавят друг другу бока, но слушают. Но когда дошло до лабораторий, до анатомического театра, дело пошло хуже. Пришлось отбирать, потому что само-то лукошко российского высшего образования довольно мелкое, и в него не насыпешь сразу всех желающих получить это образование. Стало быть, нужно было выбирать тех, кто сейчас нужнее, кто способнее. А для тех, кто представляет из себя прекрасный материал, но еще неподготовленный, — для тех надо было создать формы подготовки. Так выросли идея рабфака и классовый принцип приема в высшие учебные заведения.

Сейчас же после этого встали новые проблемы, которые

Владимир Ильич превосходно знал, о разрешении которых очень заботился, о которых беспрестанно с нами беседовал, хотя, может быть, в его трудах особенно обильных следов его размышлений в этой области мы не найдем.

Прежде всего — принципиальный вопрос. Ясно, что рабоче-крестьянская молодежь существовать за свой счет не может, что надо придумать какое-то соединение учения и заработка, — а это очень трудно при незначительном количестве оплачиваемого труда у нас[3] или же давать учащимся государственные стипендии. Конечно, наиболее рационально было бы содержать эту молодежь за счет государства. Потребность в образовании в стране огромная, наплыв желающих гигантский и потребность страны в людях уже образованных не меньшая, а трубочка, через которую приходится пропускать эту волну жаждущих знания в резервуар, который должен быть наполненным, узенькая, средств мало, и эта трубочка всегда будет недостаточной, вплоть до того счастливого момента, когда у нас будет такое время, что мы скажем: мы можем содержать столько-то сотен тысяч студентов за государственный счет. Это будет означать, что мы государственную и хозяйственную задачу на три четверти разрешили.

Я не хочу этим сказать, чтобы все доступные нам методы были исчерпаны. Мы еще и еще раз обдумываем со всех сторон вопрос о государственных ассигнованиях. Может быть, придется подумать и о сужении приема студентов с будущего года, об уменьшении количества стипендий при их укрупнении, о всякого рода хозяйственных улучшениях, о привлечении студенчества к работам, которые были бы одновременно и более или менее педагогическими и более или менее хлебными. Я не говорю, чтобы все эти проблемы перед нами не стояли, но говорю, что если даже мы их разрешим удачно, они облегчат положение, но полностью устранить материальный кризис не смогут. Мы бьемся именно за такое государство, которое сделалось бы в полной мере способным проводить культурную политику, и пока мы его еще не добились, должны будем в точном смысле слова биться.

Второй вопрос — чему учить и как учить. Вы знаете, что Владимир Ильич посвятил именно этому вопросу свою блестящую и глубокую речь к комсомольцам.[4] В общих, принципиальных контурах он на этот вопрос с исчерпывающей ясностью ответил.

Коммунист часто останавливается перед той наукой, в которую он собирается нырнуть, перед тем кубком знаний, который ему своею рукой протягивает «господин профессор», ибо он не знает, не ныряет ли он в омут, и не знает, не протягивают ли ему яду? Он говорит: я марксист, и я знаю, что каждая

идеология есть отражение классового бытия. А наука — идеология? Да. Какой класс ее создал? Буржуазно-помещичий. Значит, эта наука мне не нужна, она мне даже враждебна… Какая же мне наука нужна? Та, которая выражает мое бытие, пролетарское. Значит, мне нужна пролетарская наука! Где она? Нет ее, за исключением марксизма. В остальных областях ее нет. Как же быть? Надо ее придумать. Тогда, значит, надо не учиться, а сразу учить, надо не искать науку, которую нужно одолеть, а создать свою собственную. Но пока ведь мы ровным счетом ничего не знаем, откуда же мы приобретем знания? Из бытия нашего, из нутра нашего, от себя самих. И когда нам самим покажется, что жидковата наша пролетарская наука, то стоит только поэнергичнее поплевать на эти ученые лысины и говорить: ну, вы там, буржуи, со всеми вашими сокровищами, чего вы стоите перед одним росчерком моего пролетарского пера? Раззудись, плечо, размахнись, рука! Я такую пролетарскую науку выведу, что в одной брошюре в 33 страницы дам разрешение всех вопросов бытия.

Вот такая возможность страшно пугала Владимира Ильича. Я несколько юмористически изложил ее. Но какое из этих положений можно игнорировать? Что идеология отражает бытие — это всякий марксист знает, и усомнившемуся в этом лучше свой партийный билет отдать. А что же идеология, которая до сих пор существовала, разве она не отражала буржуазного бытия? Как же можно в этом сомневаться… Так зачем же она нам нужна? Вот как ставится вопрос.

В чем тут ошибка? В чем заблуждение? В том, что идеология отражает не только отрицательные стороны бытия данного класса, а отражает бытие во всем его объеме, т. е. и в его прогрессивных сторонах.

Буржуазия, капитализм имели в себе прогрессивные стороны? Конечно, имели. В чем заключалась эта главная прогрессивная сторона? В том, что буржуазия, например, была организатором прогресса машинной техники. Машинная техника — это основа новейшего буржуазного общества. Для того, чтобы придумать машину, которая работала бы правильно, необходимой предпосылкой является знание математики, физики, химии, ботаники, зоологии и т. д. Для миллионов задач, связанных с торговлей, с мореплаванием, строительством, обработкой металлов, горных пород, земли и т. д., для всего этого нужна масса положительных знаний. <…>

Когда мы подходим к [буржуазной] культуре, мы, несмотря на все ее пороки, должны понять, что в ней накоплено изумительное богатство подлинного опыта — ведь буржуазия

хотела получить барыш-то реальный и реальными путями. Буржуазный НОТ — не то, что наш НОТ, буржуазная фабрика — не то, что наша фабрика. Но следует ли из этого, чтобы мы сказали: к черту все локомотивы — они буржуазные, и пока не выдумаем своих, по своему фасону, пусть не будет железных дорог? Нет, мы этого не хотим. Владимир Ильич высказывал свою мысль со всею резкостью: печален будет тот коммунист, который воспитывается только на коммунистических брошюрах и книгах; если мы не усвоим себе всей культуры прошлого, мы вперед не двинемся никоим образом.

Если вы перечитаете его речь на съезде комсомола, то увидите, что Владимир Ильич бесстрашно доводит эту мысль до конца. Он говорит: учись всему, всю буржуазную культуру усвой, а после этого разберись, что тебе ко двору, а что нет. К полученным знаниям прибавляй свой пролетарский инстинкт, прибавляй свою пролетарскую философию, свою марксистскую школу, и они тебе осветят весь материал по-новому. Но помни, что учить строить ты сможешь только тогда, когда в течение длительного времени будешь учиться. <…>

Владимир Ильич прекрасно риал, что опасность того, чтобы буржуазная наука отравила бы и сбила бы с толку рабоче-крестьянскую молодежь, при существовании пролетарского контроля, не очень велика, хотя борьбу по этому фронту вести нужно неуклонно. А вот обратная опасность: оттолкнуть от себя буржуазную науку и ввергнуться целиком в ересь комчванства, — эта опасность огромна. А это создало бы ту атмосферу верхоглядства, дилетантства, всяких фантасмагорических, легковесных выдумок, которые могли бы в корне испортить все дело. Вот почему Владимир Ильич говорил комсомольцам: учись без страха! Тут ты получишь огромный и нужный для тебя материал и не бойся, что при этом ты «оторвешься от марксизма». Нутро у тебя здоровое, и ты прекрасно разберешься потом, где тебе нужное, а где ненужное. Черпай из того, что тебе удалось зачерпнуть, из моря так называемого всечеловеческого знания, которое в значительной мере было детерминировано до сих пор буржуазным миром. И когда ты это сделаешь, тогда ты детерминируешь науку своей пролетарской мыслью и придашь ей совершенно новое направление и небывалый размах.

Как учить? Этот вопрос Владимир Ильич ставил так. Он говорил: учиться нам нужно для того, чтобы сломить класс буржуазии и чтобы добиться коммунизма, и эта задача должна быть незыблемой полярной звездой, которая указывает путь. Поэтому нужно учить в непосредственной связи с жизнью. Школа — даже низшая, а тем более высшая, — не должна быть

замкнутой в себе. Она должна быть волнуема всеми великими бурями социальной жизни, она должна на них откликаться, принимать в них живейшее участие. <…>

Надо позаботиться, говорит Владимир Ильич, о том, чтобы по возможности всякое знание усваивалось в порядке реальной трудовой проблемы. <…>

Эта сторона мыслей Владимира Ильича о молодежи может быть резюмирована так. Не покладая рук надо работать над общим подъемом уровня масс как в школьном, так и во внешкольном порядке, но в то же время надо выдвигать из массы — или, вернее, выпускать оттуда — десятки, по возможности сотни тысяч молодых людей, которых мы должны в ускоренном порядке, с помощью рабфаков, вести ко всеоружию знаний через усвоение старой культуры — причем усвоение этой культуры должно происходить трудовым порядком в связи с общественной практикой и при постоянном освещении каждого приобретаемого данного общей идеей коммунистической революции.

Чего же мы можем ждать, если эта программа будет выполнена? Не возвращаясь к уже сказанному, мы скажем так: победит «нэпман» или мы — это зависит от того, создаст ли рабочий класс свою собственную интеллигенцию. <…>

Какие перспективы у нас в этом отношении? Если мы пойдем по пути, указанному Лениным, если мы будем брать молодежь, преимущественно рабочую и во вторую очередь крестьянскую, если ее будем учить тому, чему сказал Ленин, и так, как он сказал, то мы, несомненно, интеллигенцию получим, несмотря на нашу бедность, на узость той «трубочки», о которой я вам говорил, — трубочки, через которую сейчас в резервуар нашей будущей интеллигенции напирает волна жаждущей знания молодежи. <…> Вы сейчас находитесь в центре борьбы двух сил — растущего социализма и огромной крестьянско-мещанской, мелкобуржуазной стихии, в которой говорит голос эгоизма, голос честолюбия, которая находит подкупающие, льстивые ноты для того, чтобы прокрасться в ваше сердце. Поэтому, кроме той тяжелой материальной борьбы, которую вы ведете, и борьбы за специальные знания, вы должны будете вести также борьбу за свою душу и за душу своего соседа по койке, по столу, за которым вы учитесь, — вести борьбу за скорейший подъем к свету законченного коммунистического сознания, внедренного в плоть и кровь вашу до самых костей и мозга костей.

Борьба за молодежь есть одна из важнейших именно потому, что поскольку молодежь будет завоевана и не выпадет из рук у рабочего класса, постольку она будет мощным оружием в предстоящей борьбе. И она гарантирует нам победу, поскольку

мы с нею вместе сможем развернуть несравнимую с нынешним масштабом борьбу за просвещение масс.

Вот тогда, когда на ваши молодые рабоче-крестьянские плечи, на десятки и сотни тысяч молодых плечей перенесется в значительной своей мере тяжесть по решению наших социальных вопросов, — вот тогда мы сможем сказать, что мы могучи по-настоящему, тогда мы сможем сказать, что задача наша нам по плечу. Сейчас же она обременяет плечи уже редеющей старой гвардии коммунизма и плечи часто неприспособленных и сравнительно редкой сетью разбросанных понимающих наши задачи работников, партийных и внепартийных. Она, эта задача, тяжела сейчас, но она будет облегчаться и становиться все более радостной по мере того, как вы, пройдя ваш путь образования, будете вставать в ряды деятелей нового государства и нового общества.

Я лично целиком разделяю тот титанический оптимизм, которым проникнут марксизм вообще. В частности, Владимир Ильич в смысле оптимизма идет много дальше, чем большинство марксистов его поколения. Марксисты эти исходили априорно из того, что социалистическую революцию могут сделать страны с многочисленным пролетариатом. Когда Владимир Ильич говорил, что мы сделаем марксистскую революцию в России, что отвечали на это меньшевики? — У тебя слишком много оптимизма, Ленин, — говорили они. — Ты забыл, что Россия страна отсталая, ты забыл, что пролетариата в ней мало, что он не сорганизован и не образован, что рабочий класс, как муха в молоке, плавает в огромном крестьянстве. При таких условиях и сам Маркс, — так говорили меньшевики, — никогда не посмел бы помыслить о марксистской революции: хорошо, если будет более или менее приличная буржуазная революция, а остальное мы отложим до тех пор, пока пролетариат созреет… А Владимир Ильич думал, что не только в России, но и в Персии, на Индостане и на Яве возможны руководимые марксистским учением революции. Они не выльются, конечно, сразу в коммунистические формы, но, несомненно, что революции в мелкобуржуазных странах, революции мужицкие, революции бедняцкие могут получить закваску, фермент, окраску от своего пролетариата и через свой пролетариат, как бы он ни был малочислен сравнительно с пролетариатом Западной Европы и Америки.

Смычка с крестьянством — это центральная идея Ленина. Пролетариат заражает своими идеями и настроением мелкую буржуазию, притягивает ее к себе, двигает ее за собой. На этом базируется Владимир Ильич. Вот почему он не боялся того, что коммунисты — капля в море. Он знал, что эта все притягивающая

сила, вот эти пролетарские дрожжи так мощны, что могут заставить взойти очень большую опару. Это позволяло ему предполагать, что все бесчисленное море крестьянское может быть поднято пролетариатом.

Мог ли Владимир Ильич испугаться того, что наша молодежь, если она не будет исключительно пролетарской по своему составу, свихнется в другую сторону, что эта молодежь пойдет не по тому пути, на который зовет ее голос мировой истории и на который направляет ее своею верной рукой наша испытанная коммунистическая партия? Он этого бояться не мог.

«Ленин и молодежь» — так назван мой сегодняшний доклад. Вот эта отвага Ильича — она была молода. Он был молод в свои 53 года и остался бы молод, сколько бы ни прожил на свете. Молод и ленинизм — от него веет мировой молодостью, веет колоссальным будущим впереди и безудержной молодой отвагой.

И если Ильич молод, то и молодежь должна быть «ильичевой» молодежью. Она должна проникнуться не только этой его заразительной и родной для нее молодостью, но и мудростью Ленина, и осмотрительностью, и умением делать выводы из седой культуры, приобретенной столетиями. И когда это все в ней соединится, тогда она станет достойной Ильича. <…>

25 января 1924 года

Ленин в его отношении к науке и искусству*

Начиная говорить или писать на ту или другую тему, связанную с освещением ее Владимиром Ильичем, приходится признать, что всякие попытки рассказать его мысли своими словами, в сущности говоря, не ведут к желанной цели. Владимир Ильич как публицист, как писатель говорил необыкновенно сжато, точно построенными и в то же время полными внутреннего содержания формулировками, которые не хочется излагать своими словами. Я поэтому совершенно не считаю неправильным, что настоящий реферат почти весь составлен из цитат. Я только попытаюсь связать эти цитаты между собой, дать им комментарий и сделать из них некоторые выводы, которые, может быть, не сразу бросаются в глаза. Пусть Владимир Ильич говорит о науке и искусстве сам.

При этом, конечно, я должен отметить, что внимание Владимира Ильича в области культурных задач в особенности было привлечено к проблеме массовой культурной работы. Поэтому о народном образовании как таковом он говорил много. Так как эта тема связана тоже с вопросом о науке и искусстве, в особенности с первой — то в некоторой степени мне придется коснуться и этого материала, но, конечно, специально я буду сегодня цитировать те страницы из наследия Владимира Ильича, в которых говорится о науке непосредственно.

Гораздо меньше, чем о науке, говорил Владимир Ильич об искусстве; выражения и фразы, которыми Владимир Ильич освещал вопросы культурного значения искусства, все же создают, так сказать, детерминанты, из которых не так трудно вывести общее учение Владимира Ильича о месте искусства в жизни человеческого общества и в России в частности.

Владимир Ильич полагал, что культура в самом широком смысле этого слова двояко связана с коммунистической революцией.

Во-первых, она служит ей естественной предпосылкой, — правда, не во времени, а, так сказать, в общей структуре. Во-вторых, она является целью коммунистической революции.

Владимир Ильич прекрасно сознавал и с особым блеском высказывал в своей речи на VIII съезде, что коммунистическая революция в России происходит вообще в обстановке несколько парадоксальной. Бухарин, критиковавший проект программы, указал на некоторое внутреннее противоречие нашей революции,

вытекающее из того, что она развертывается в рамках страны, чрезвычайно отсталой экономически. Владимир Ильич с большой убедительностью доказал в своей речи, что в этом ничего социологически неожиданного, невероятного или осуждающего нашу революцию на непрочность нет, что ничто не заставляет думать, будто цепь стран, следующих друг за другом по степени капиталистического развития и капиталистической зрелости, в этом именно порядке и войдет в коммунистическое будущее, что тут могут быть самые значительные перебои, и одна страна может обогнать другую, так как не только капиталистическая зрелость в той или другой стране определяет общую зрелость ее для революции, но и целый ряд других обстоятельств, других сложных условий и причин.

Но тотчас же после этого Владимир Ильич отмечал, что, само собой разумеется, такая отсталость капиталистическая, предполагающая, естественно, и отсталость культурную, является огромным тормозом в деле коммунистического строительства. Владимир Ильич много раз развивал мысль, что нам легче было сделать революцию политическую и труднее строить коммунизм, чем это будет на Западе. Трудность в построении коммунизма заключается у нас в отсталости хозяйственной и культурной; никогда Владимир Ильич этих двух явлений не разграничивал, потому что непосредственный прогресс хозяйства недостижим без культуры, и самый практический подход к развитию хозяйства у нас в России — это поднятие нашей культуры.

Я беру прежде всего цитату из известной речи на II съезде политпросветов,[1] где с особой выпуклостью Ленин указывает место культуры и просвещения в общей совокупности наших задач, в развитии нашей страны и тем самым в развитии базы для коммунистического переустройства. Вот что говорил Владимир Ильич:

> «Относительно… безграмотности — я могу сказать, что, пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить… Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке».
>
> «Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные. Нужно понять, что условия движения вперед теперь не те. Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более

длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность. Без этих качеств даже и приступать к политическому просвещению нельзя. А результаты политического просвещения можно измерить только улучшением хозяйства».[18]

Я уже сказал, что низовые задачи просвещения интересовали Владимира Ильича в особенности, и здесь мы находим основную мысль: мы овладели властью, перед нами колоссальная программа осуществления коммунизма, его осуществить без политического просвещения масс нельзя. Политическое же просвещение требует известного уровня культуры. Уже с самого начала это просвещение должно идти вслед за сохой ликвидации неграмотности, а поэтому последняя задача есть первейшая задача. Но это не значит, чтобы Владимир Ильич хотя бы на минуту забывал ту естественную связь, которая существует между всеми элементами культуры, между грамотностью и культурой высшего порядка.

В программу партии Владимиром Ильичем была внесена такая очень своеобразная фраза:

> «Советская власть уже приняла целый ряд мер, направленных к развитию науки и ее сближению с производством: создание целой сети новых научно-прикладных институтов, лабораторий, испытательных станций, опытных производств по проверке новых технических методов, усовершенствований и изобретений, учет и организация всех научных сил и средств и т. д. РКП, поддерживая все эти меры, стремится к дальнейшему их развитию и созданию наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны».[19]

…Очень не любил обыкновенно Владимир Ильич такого рода утверждений, тем более, что сейчас мы успели сделать очень мало в этой области, а к тому времени, когда собрался VIII съезд партии, было сделано еще меньше, и это перечисление может показаться преувеличением по сравнению с тем, что на самом деле было сделано, прочно сделано. Но чрезвычайно характерно, что в программу была внесена самая эта мысль в чрезвычайно конкретной форме: вот целый ряд мероприятий, которые мы уже проводим и обязуемся проводить дальше. Для чего? А для того, чтобы наше хозяйство могло подняться на необходимый уровень,

на котором коммунистические планы наши перестают быть историческим всплеском, а приобретают достаточный фундамент, чтобы строиться планомерно: снизу — забота об элементарной культуре, сверху — забота о науке.

> «На VIII съезде партии я лично был председателем крестьянской секции. Я набросал проект резолюции, касавшейся культурной работы в деревне. Остальные резолюции, насколько я помню, были составлены Владимиром Ильичем с товарищами из Наркомзема. Мою резолюцию Владимир Ильич, вызвав меня специально в кабинет, прочитал самым внимательным образом и потом начал вместе со мною перерабатывать ее. Основную идею о том, что культурная работа в деревне должна идти путем слияния и переплета трех основных линий — общеобразовательной, политической и сельскохозяйственной, что они будут сильны, именно опираясь одна на другую, Владимир Ильич полностью одобрил. Это была, конечно, и его идея. В дальнейшем резолюция была им настолько переработана, что я, конечно, должен отказаться всячески от авторского права и считать эту резолюцию целиком выражением не только воли РКП, как она вылилась на VIII съезде, но и мыслей ее вождя. Думаю, что в настоящее время, когда мы вновь с особой энергией говорим о смычке деревни, о культурном шефстве над нею, уместно напомнить некоторые положения этой программы: «Общее образование — школьное и внешкольное (включая сюда и художественное: театры, концерты, кинематографы, выставки, картины и пр.), стремясь не только пролить свет разнообразных знаний в темную деревню, но главным образом, способствовать выработке самосознания и ясного миросозерцания, должно тесно примыкать к коммунистической пропаганде. Нет таких форм науки и искусства, которые не были бы связаны с великими идеями коммунизма и бесконечно разнообразной работой по созиданию хозяйства».
>
> *(«Ленин и народное образование»)*

И в другом месте Владимир Ильич говорит: без новейшей техники, без новейших научных открытий мы коммунизма не построим.[2]

Таким образом, самое построение коммунизма, самое достижение нашей цели — в связи с новейшей техникой; попутно,

еще до того, как мы сможем серьезно говорить об осуществлении коммунизма, мы должны обновить технику, поднять до той высоты и совершенства, какие требуются в пределах нашего строительства. Да мало того, без новых открытий мы коммунизма не построим.

Владимиру Ильичу кажется, что есть время и необходимость к дальнейшему развитию техники, которая бы облегчала переход к коммунизму.

При таких условиях ясно, что практическая наука, да и вся наука вообще, с самыми абстрактными ее методами, подходами, дисциплинами и идеями необходимо привлекается как величайшей важности элемент строительства. Ведь вне атмосферы обостренной научной мысли, вне глубины научной жизни никакие научные открытия как нечто систематическое, а не как случайные проблески или догадки того или другого гения, конечно, немыслимы.

Я уже отметил, что Владимир Ильич, говоря о науке, всегда очень детально подчеркивал ее практические задачи, то, к чему кульминировали обыкновенно все тенденции Владимира Ильича, т. е. поднятие хозяйства. Владимир Ильич знал, что переходу к коммунизму соответствует высшее развитие техники…

У нас этого нет, но у нас есть другая база для нашего коммунистического строительства. У нас оказалась особая комбинация назревшей крестьянской революции и натиска рабочего класса. Общий уровень хозяйства у нас низок, и мы имеем такие противоречия, как чрезвычайно быстрый рост городской промышленности в некоторых областях и необычайная отсталость крестьянства. Это дало возможность обосновать гегемонию пролетариата и ввести взрыв чисто крестьянской революции в русло революции коммунистической. Но все это нормальной базой для подлинного коммунистического строительства не служит. Отсюда вопрос о культуре. Нам нужна, во-первых, грамотность и все, что отсюда вытекает, во-вторых, наука, новейшая техника, изобретения. С этих двух концов нужно взяться за жизнь. Отсюда жизненный и естественный подход ко всем вопросам о культуре у Владимира Ильича.

Уже в 1923 году, незадолго до смерти, Владимир Ильич пишет:

> «Нам надо во что бы то ни стало поставить себе задачей для обновления нашего госаппарата: во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха

> таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом». [20]

Ставит ли Владимир Ильич задачу такого рода, чтобы вдалбливать в головы утонченные познания, чтобы приумножить количество флюгеров на нашем здании, чтобы мы могли прихвастнуть тем или другим изысканным научным достижением, может быть, филиграннейшего характера? Этот снобизм, аристократическое хвастовство утонченностью мысли, все это для него не имеет значения. Наука как мертвая буква или модная фраза не нужна, заботиться нужно о такой науке, которая входила бы в быт как составной элемент вполне и настоящим образом.

Это мысль вовсе не такая простая, как может показаться на первый раз, и может служить превосходнейшей темой для большого сочинения, если поставить себе такой вопрос: что нужно сделать для того, чтобы наука по возможности вся и целиком как можно скорее превратилась вполне и настоящим образом в составной элемент быта? Через хозяйство, через гигиену, через целый ряд другого рода путей. Это широчайшая и интереснейшая тема, если ее взять под конкретным углом зрения наших условий. Пока к этой теме, поскольку я знаю, никто не подошел. <…>

Если бы я цитировал не Ленина и не по такой громадной важности вопросу, то мне нужно было бы извиниться перед читателями за то, что придется привести много цитат из гениальнейшей речи Владимира Ильича на III съезде комсомола. Но эти слова так мудры, так поучительны, они еще так не полно вошли в жизнь, что их, конечно, нужно не уставать повторять вновь и вновь.

> …На вопрос, чему учиться и как учиться, Владимир Ильич дает такой ответ: «учиться коммунизму. Но этот ответ: «учиться коммунизму» является слишком общим». И дальше: «Тут нам угрожает целый ряд опасностей…»[21]

Когда молодой коммунист или старый говорит: я хочу учиться коммунизму, то это в высшей степени почтенная задача. Но Владимир Ильич считает, что такому коммунисту угрожает ряд опасностей, и он старается из этих опасностей вывести его следующим образом:

«Естественно, что на первый взгляд приходят в голову мысли о том, что учиться коммунизму — это значит усвоить ту сумму знаний, которая изложена в коммунистических учебниках, брошюрах и трудах. Но такое определение изучения коммунизма было бы слишком грубо и недостаточно. Если бы только изучение коммунизма заключалось в усвоении того, что изложено в коммунистических трудах, книжках и брошюрах, то тогда слишком легко мы могли бы получить коммунистических начетчиков или хвастунов, а это сплошь и рядом приносило бы нам вред и ущерб, так как эти люди, научившись и начитавшись того, что изложено в коммунистических книгах и брошюрах, оказались бы неумеющими соединить все эти знания и не сумели бы действовать так, как того действительно коммунизм требует.

Одно из самых больших зол и бедствий, которые остались нам от старого капиталистического общества, это полный разрыв книги с практикой жизни, ибо мы имели книги, где все было расписано в самом лучшем виде, и эти книги, в большинстве случаев, являлись самой отвратительной лицемерной ложью, которая лживо рисовала нам капиталистическое общество.

Поэтому простое книжное усвоение того, что говорится в книгах о коммунизме, было бы в высшей степени неправильным… Без работы, без борьбы книжное знание коммунизма из коммунистических брошюр и произведений ровно ничего не стоит…»[22]

Значит, первое предостережение — от начетчиков; коммунизму нужно учиться у жизни, нужно учиться в работе, нужно учиться в борьбе. Книга не есть путь к познанию коммунизма, это есть только пособие хотя и важное, но даже второстепенное по сравнению с уроками жизни…

Дальше:

«Еще более опасным было бы, если бы мы начали усваивать только коммунистические лозунги. Если бы мы вовремя эту опасность не поняли и если бы мы всю нашу работу не направили на то, чтобы эту опасность устранить, тогда наличие полумиллиона или миллиона людей, молодых юношей и девушек, которые после такого обучения коммунизму будут называть себя коммунистами, принесло бы только великий ущерб для дела коммунизма.

Тут перед нами встает вопрос о том, как же нам нужно сочетать все это для обучения коммунизму? Что нам нужно взять из старой школы, из старой науки?»[23]

Это, конечно, коренной вопрос.

«Старая школа заявляла, что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо все общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплуататоров и угнетенных. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пропитана классовым духом, давала знания только детям буржуазии. Каждое слово ее было подделано в интересах буржуазии. В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создавать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из нее лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического образования.

Здесь я подхожу к тем нареканиям, к тем обвинениям старой школы, которые постоянно приходится слышать и которые ведут нередко к совершенно неправильному толкованию. Говорят, что старая школа была школой учебы, школой муштры, школой зубрежки. Это верно, но надо уметь различать, что было в старой школе плохого и полезного нам, и надо уметь выбрать из нее то, что необходимо для коммунизма.

Старая школа была школой учебы, она заставляла людей усваивать массу ненужных, лишних, мертвых знаний, которые забивали голову и превращали молодое поколение в подогнанных под общий ранжир чиновников. Но вы сделали бы огромную ошибку, если бы попробовали сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Образцом того, как появился коммунизм из

суммы человеческих знаний, является марксизм.

…Если бы вы выдвинули такой вопрос: почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса — вы сможете получить один ответ: это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме…»[24]

Это в высшей степени важное положение, на котором я бы хотел остановиться. Мы почти всегда понимаем, что естествознание и технические науки мы должны взять такими, какими передает их нам буржуазное наследие, и в этом отношении мы почти целиком можем принять их выводы. Не то с социологией. Владимир Ильич достаточно подчеркнул здесь, что социологические науки больше всех других отражали эту тенденцию натаскивать на угодный для буржуазии дух растущую молодежь своего класса и чужого. Отсюда, конечно, можно сделать такой вывод: буржуазная социальная наука вредна и ненужна. Конечно, она вредна и ненужна постольку, поскольку ненужна и вредна старая школа. Но есть ли в ней что-либо полезное? Да как же иначе. Из нее вырос марксизм. Марксизм сделался учением миллионов рабочих, между тем вырос он из буржуазной социальной науки. Тут никаких сомнений быть не может. Опираясь на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме, изучивши законы развития человеческого общества, марксизм мог сделаться учением миллионов рабочих.

Но может быть одно дело до Маркса, а другое дело после Маркса? Марксу пришлось построить свою социологическую систему на основе полуфабрикатов, созданных буржуазной наукой. Он брал из этой науки только те элементы, которые были здоровыми и прогрессивными, но если бы кто-нибудь сказал, что социологическое здание Маркса достроено, он вызвал бы протест со стороны каждого коммуниста. Целый ряд проблем еще не разрешен. Предстоит огромная работа марксистской мысли по довершению здания Маркса не в смысле пересмотра его принципов, а в смысле рассмотрения при его свете огромного количества материала. Куда можно было бы двинуться сейчас с нашими проблемами о Западе и Востоке, если бы мы не изучали и новых фаз развития капитализма и того, что делается на этом Востоке. Ведь теоретическое величие Ленина в том и состоит, что он учитывал новые фазы развития капитализма и новые условия, в которые стал этот капитализм.

Если только мы поставим перед собой эту проблему, то увидим, какая масса глубочайшей работы тут должна быть проделана. Если мы в дальнейшем будем строить марксизм только на базе исследований, которые произвели ученые-марксисты, если бы мы сказали, что сейчас мы склонны отказаться от всяких социологических работ, статистических, этнографических, экономических, географических, исторических и т. д., которые могла делать буржуазная наука вне России и в России, мы, конечно, лишили бы себя необходимейших элементов нашего культурного строительства, <…>

> «Все то, что было создано человеческим обществом, он (Маркс. — *А. Л.)* переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли.
>
> Это надо иметь в виду, когда мы, например, ведем разговоры о пролетарской культуре. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знаний, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества».[25]

Итак, наука капиталистическая и культура помещичья, которые носят на себе клеймо чиновничества, являются корнями пролетарской культуры, и никаких других корней пролетарской культуры нет, из этих самых корней должно вырасти все растение. Теперь культура принимает новый характер, проходит через какую-то прививку, через какой-то новый глазок, благодаря которому изменяется весь ее характер. Но питается она из тех же корней, и если, понадеявшись на глазок, вы подрежете под ним растение, лишите его корней, то, кроме увядания, высыхания, ровно ничего не получите.

Вот чрезвычайно важная истина, которую мы должны знать и

помнить.

…Теперь я прибавлю небольшую цитату из статьи «Успехи и трудности Советской власти», которая послужит для меня переходом от изложения мыслей Владимира Ильича о науке к изложению его мыслей об искусстве… Цитата, о которой я сказал, гласит следующее:

> «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство».[26]

Помимо того что Ленин сознавал всю огромную роль просвещения и науки в обществе и в нашем коммунистическом строительстве, помимо того что он без иллюзий подходил к этому, зная, что мы имеем дело с буржуазной, чиновничьей, помещичьей наукой и искусством, и помимо того что он прекрасно понимал, что из этого материала, из самых блестящих сторон и из негодных шлаков приходится строить, подвергнув все это нашей критике, нашу новую культуру, — помимо этого, нужно сказать, что Ленин был сам великим ученым.

…Ленин выступал в своих произведениях как ученый в собственном смысле слова, такой труд, как «Развитие капитализма в России», есть, конечно, ученый труд в самом точном и лучшем значении этого слова. Большой философский труд Владимира Ильича[3] также является ученым трудом, хотя и популярным, как он всегда старался писать и писал. Но совсем не только в этом выступал Владимир Ильич как ученый, он выступал как ученый и во всей своей коммунистической тактике; в обосновании этой тактики лежит огромное напряжение мысли, знакомящейся всестороннейшим образом со всеми фактами, составляющими сущность нашей нынешней общественной ткани. Для того, чтобы сделать выводы о сущности империализма, о сущности колониальной политики, о сущности национального вопроса, а отсюда о сущности взаимоотношений большевистских и меньшевистских течений в рабочем движении, с одной стороны, о крестьянских массах, их положении, настроениях и устремлениях — с другой, чтобы делать эти блистательные выводы, которыми он пополнил и осовременил марксизм, для этого нужна была огромная научная работа.

Трудно себе представить, когда находил время этот человек, даже уже будучи главой Совнаркома, чтобы прочитывать такую массу газет, брошюр, заметок, чтобы с таким удивительным умением суметь выхватить, выловить цифры, данные, которые как раз нужны для глубокого диагноза происходящих явлений. Владимир Ильич не упускал ни одного важного момента в

многообразной и сложной действительности, который был важен для ускорения темпа движения истории вперед.

Кроме того огромного материала, который Владимир Ильич всегда вкладывал в свои выводы, ученым его делает необычайная строгость его методов. Это действительно безошибочное применение марксистской мысли. Этот строжайший научный метод до такой степени усвоил себе Владимир Ильич, что мне кажется — самая фигура Ленина-ученого, его логика являются доказательством глубокой естественности марксизма. <…>

И, будучи ученым как в сфере индукции, так и в сфере научной диалектической мысли, Владимир Ильич с огромным уважением относился к науке, — как к работе по накоплению материалов, так и к выработке из этих материалов ясных выводов. Я приведу предисловие т. Павловича к его книге о Ленине,[4] вернее, одну цитату из его предисловия, которая ярко характеризует Владимира Ильича в этом отношении.

> «В «Правде» и в «Известиях» появилось сообщение о подготовляемом Госиздатом издании Всемирного Географического Атласа имени Ленина… Заметка в «Правде» и в «Известиях»… заключает в себе между прочим следующие строки: «Методически атлас подготовлен по новейшим данным с исторически марксистским освещением. Работы по изданию атласа ведутся с 1922 г. Идею по изданию атласа дал В. И. Ленин».
>
> В качестве лица, с которым Ленин уже в мае 1921 г. (т. е. в разгар гражданской войны, во время голода. — *А. Л.)* вел переговоры об издании упомянутого атласа, должен сказать, что Владимир Ильич дал не только идею атласа, но что он дал и схему самого атласа, принимал живейшее участие в выработке программы последнего и интересовался привлечением к работе по составлению атласа выдающихся специалистов… Не поразительно ли, что Владимир Ильич, стоя во главе огромнейшей страны, руководя всей внешней и внутренней политикой в эпоху коренного переустройства последней и титанической борьбы с окружающим миром, находил время, чтобы подумать об учебном атласе для наших школ? Я отметил, что Владимир Ильич интересовался не только программой атласа, но и тем, кто будет работать над осуществлением этой программы. Владимир Ильич лучше, чем многие наши выдающиеся члены Цекубу[5] знал имена всех выдающихся наших ученых этнографов,

географов, геологов, ботаников, инженеров, литераторов, их научные заслуги, труды и т. д. Помню, как в 1919 г., во время моего посещения Ленина, меня и сопровождавшего меня инженера Тартаковского поразила эта разносторонность Ильича. Не было ни одного крупного инженера, имя и деятельность которого не были бы известны Ильичу, не было ни одного крупного проекта, над которым он не задумался бы. Та же черта проявилась и при составлении географического атласа. Владимир Ильич указывал на необходимость привлечения к работе по атласу целого ряда специалистов…

Комиссия была сформирована 26 апреля 1921 г., по инициативе Ильича, из выдающихся специалистов. Основанием к сформированию такой комиссии послужила неудовлетворительность самостоятельной работы 1-го Государственного картографического заведения по изданию подобного атласа. Владимир Ильич потребовал присылки ему на просмотр пробного экземпляра этого издания и забраковал его, найдя его совершенно неудовлетворительным и не соответствующим тем требованиям, которые следует предъявлять к подобным изданиям с марксистской точки зрения».

Тогда-то и была организована новая комиссия, и Владимир Ильич дал подробный план для работы этой новой комиссии.

Вот отношение к вещам, в которых Владимир Ильич не был специалистом. Это маленький образчик того, чего он ждал от науки, чего он от нее добивался. <…>

Мой анализ отношения Ленина к науке был бы неполон, если бы я не привел хоть маленькой цитаты, характеризующей отношение Ленина к религии. Владимир Ильич считал, что наука, подлинная, настоящая, революционная наука, противоположна религии. И потому, уважая науку, он ненавидел религию как ее антипода. Вот что писал Владимир Ильич:

«Наша программа вся построена на научном и, притом, именно материалистическом мировоззрении. Разъяснение нашей программы необходимо включает поэтому и разъяснение истинных исторических и экономических корней религиозного тумана. Наша пропаганда необходимо включает и пропаганду атеизма; издание соответственной научной литературы, которую строго запрещала и преследовала до сих пор

самодержавно-крепостническая государственная власть, должно составить теперь одну из отраслей нашей партийной работы».[27]

В письме относительно журнала «Под знаменем марксизма» Ленин писал:

> «…Журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных лакеев, поповщины», все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно-социалистическими» публицистами.
>
> Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма».[28]

Владимир Ильич указывает на то, каких союзников могут найти марксисты-коммунисты в борьбе против религиозного дурмана. Он прямо говорил, что в этой области должен быть заключен самый прочный союз с учеными-естественниками, придерживающимися строго реалистического подхода к миру.

По вопросу об искусстве, к сожалению, в литературном наследстве Владимира Ильича имеется гораздо меньше данных о его мыслях, чем по вопросу о науке. Тем не менее и здесь мы имеем, как я упомянул, весьма определенные указания.

Прежде всего в одной из цитат, которые я уже приводил, Владимир Ильич ставит искусство на одну доску с наукой и техникой и говорит, что мы не можем построить новой культуры, не овладев всей старой культурой, т. е. всей техникой, наукой и искусством. Владимир Ильич считал необходимым упомянуть в программе партии о наших задачах в области искусства. В программе сказано о так называемом академическом искусстве, которое у нас весьма сильно порой заклевывают.

В программе говорится: «…необходимо открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров».[29] Вот что сказано с марксистской беспощадностью определения: искусство возникло на почве эксплуатации труда рабочих, оно служило эксплуататорам, а стало быть, приспособлялось, чтобы служить им. Таково было дореволюционное, помещичье, капиталистическое искусство. Что же нужно с ним сделать? Его

нужно сделать достоянием народа. Это может показаться противоречием, но это не противоречие, это самая глубина мысли Владимира Ильича. Она вытекает из того, что он считается с искусством, которое у нас есть. Теперь у нас есть уже и кое-какое пролетарское искусство, оно, может быть, не вышло еще из стадии кустарничества, находится в процессе роста, и мы не могли говорить о нем определенно во времена составления программы. Тогда у нас было так называемое левое, богемное искусство, которое самым стремительным и решительным образом заявило, что оно и есть пролетарское искусство. Владимир Ильич считал это искусство неосновательным, шатким, лишенным особой ценности, сам его не любил, не чувствовал. Нужно было считаться с искусством, каково оно есть. А это искусство существовало. Громадные хранилища этого искусства и выдающиеся учреждения, которые это искусство практиковали, остались налицо. Как же нужно было к нему подходить? Отбросить как ненужное? Владимир Ильич считал, что оно нужно.

> «Можно написать превосходную книгу о роли искусства в революции, комментируя исключительно эту необычайно яркую и глубокую формулировку».
>
> *(«Ленин и народное образование»)*

> «…всякий настоящий строитель и борец любит радость, любит жажду жизни, любит поэтому прекрасное. Недаром великий вождь наш — Ленин прямо так и сказал, что красота нужна».
>
> *(«И. А. Римский-Корсаков»)*

> «Прослушав одну из фортепианных сонат Бетховена, Владимир Ильич сказал: гордишься, что ты человек, когда слышишь, что мог создать человеческий гений. Вот какая огромная, я бы сказал, поэтическая оценка дана действительно гениальнейшим политиком Владимиром Ильичем гениальнейшему музыканту Бетховену. Значит, великому сердцу и великому уму Ильича Бетховен мог сказать новое и важное, раз Ильич почувствовал новый прилив гордости носить лицо человеческое, прослушав его произведения».
>
> *(«Почему нам дорог Бетховен»)*

Таким образом, он, быть может, не доверял новому искусству, не имел еще образчика пролетарского искусства, как такового, боялся, чтобы оно не оказалось результатом работы тех «специалистов» от пролетарского искусства, о которых он не раз упоминает.

Он боялся, как бы это искусство не выскочило «неизвестно откуда», как он выражается о пролетарской культуре, и он хотел, чтобы оно выросло из органического роста основного искусства, того, которое было прежде. И потому он подчеркнул в программе партии, что это искусство должно сделаться достоянием масс, полагая, что массы сделают из него, конечно, не то, что делали эксплуататоры.

Владимир Ильич прекрасно понимал, что искусство должно служить именно массам, и в своем знаменитом, много раз цитированном разговоре с Кларой Цеткин говорил: искусство должно служить народу, вести к развитию и подъему масс.

Может ли это сделать «помещичье» и т. д. искусство? Отчасти может, но лишь отчасти, а отчасти его надо и отвергнуть. То же самое, что с буржуазной наукой, буржуазной школой. Всюду Владимир Ильич как будто боялся, как бы из-за того, что в этом меду есть ложка дегтя, не отказались от самого меда. Не будем проявлять непонимания, чванства, надо уметь различать полезное от вредного.

Верно, что, кроме анализа готового материала, нам нужно приступить к какому-то строительству, более прямому и важному. Но лозунг Владимира Ильича остается в силе. <…>

Владимир Ильич прекрасно понимал лозунг дня после победы, но он понимал и то, что день борьбы диктует другие совсем задачи и методы. Он знал, что в пути мы должны иметь другие цели, другие формы, другие принципы поведения, чем те, которые станут естественными при торжествующем коммунизме. К этому иначе и не мечтает подходить материалист-диалектик. Знал он и то, что искусство нам нужно и как пропаганда образами, и как отдохновение, потому что иногда трудно бороться и работать и не испытывать хоть немного счастья, за которое борешься, а в конце концов искусство может его дать. Знал он, что искусство дает глубокое и высокое наслаждение, глубокий и хороший отдых. Но он знал, что сейчас это менее своевременно и насущно, чем учебник, чем карта, менее важно, чем букварь. И политическая борьба, и хозяйственное строительство — все это для человеческого счастья, а человеческое счастье есть прекрасная организованная жизнь; это есть предмет искусства, такого, которое, подобно науке, не должно быть модой или мертвой буквой, а входить в быт

действительно и всемерно. Сейчас ввести в быт искусство необычайно трудно, это можно сделать только отчасти, это задача завтрашнего дня, но этим не отрицается совершенно его значение. Пускай кто может и как может работает над этим и сегодня. Так думал Ильич.

Это нисколько не принижает искусства. Мы имеем второй, третий фронт. Может быть, искусство будет отнесено к четвертому фронту. Но в общем Ленин не предполагал, что фронты эти следуют один за другим. Он считал, что они цепь, и переплетаются политическая, хозяйственная и культурная работа, что все составляет одну неразрывную ткань. Только, может быть, золотые нити искусства должны быть отнесены к несколько более позднему времени.

Мне незачем даже пытаться резюмировать весь тот материал, который я изложил. Мое дело было взять эти цитаты и расположить их последовательно так, чтобы из их совокупности получилось целостное учение Владимира Ильича о науке и искусстве. Мне кажется, что из приведенных мною цитат получается ясная и поучительная картина. Уметь проводить ее в жизнь — это одна из огромнейших задач в осуществлении ленинизма, о котором мы столько говорим и не зря говорим. И совершенно так же, как отступление от ленинизма во всякой области чревато огромными опасностями и само по себе a priori должно вызывать чрезвычайные опасения, точно так же невозможны и отступления от этих ясных, в высшей степени недвусмысленных, не подлежащих кривотолкам директив Владимира Ильича в области культуры. И мы, работники культуры, благоговея перед всем незабываемым величием Владимира Ильича, даже беря только эту грань его личности, только его отношение к науке и искусству, преклоняемся перед ясностью, практичностью его взглядов, перед его необычайной дальнозоркостью и не можем представить себе более высокой цели, не можем считать себя достойными более высокого назначения, к которому мы должны стремиться всем сердцем и всеми помыслами, как быть и в этой области учениками Ленина.

[1926]

К 200-летию Всесоюзной Академии наук*

Мы знаем, что научный мир в общем и целом отнесся к новой революции как к неожиданному и нелепому происшествию. Подобная небывалая буря, обрушившая к тому же на голову каждого ученого и в области частного быта, и в научной колоссальное количество неудобств, вызвала недовольство и ропот в самых широких научных кругах. Многие надеялись, что это наваждение пройдет быстро.

Иные ученые становились жертвою политической близорукости либеральных партий, к которым они принадлежали, и надежд на западноевропейскую буржуазию, которую они привыкли уважать. Глубочайшая оторванность от общественной жизни, в которой существовала ученая каста, делала для многих из них совершенно непонятным то, что происходило вокруг, и болезненно било по нервам. Я недостаточно знаком с внутренней жизнью академии, чтобы сказать, чьей заслугой было то, что Академия наук, в общем и целом как учреждение, как большинство ее состава, сумела поставить себя иначе.

В начале 1918 года, только что оглядевшись в стенах недавно занятого нами Министерства просвещения в Чернышевском переулке, я решил выяснить отношение к нам академии среди всеобщих бушевавших волн злобного бойкота. Я запросил академию, какое участие она собирается принять в нашей культурно-просветительной работе и что может она дать в связи с мобилизацией науки для нужд государственного строительства, которую считает необходимой произвести новое правительство.

Российская Академия наук, за подписью своего президента Карпинского и своего непременного секретаря Ольденбурга, ответила мне буквально, что «она всегда готова по требованию жизни и государства на посильную научную теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром». <…>

В то же время академия, говорят некоторые ее противники, забронировалась за своим старым уставом, подаренным ей царскими временами, и за своим новым уставом, который она стала вырабатывать, и всемерно отсиживалась в автономии, что попытались сделать и другие ученые и высшие учебные заведения. Наркомпрос РСФСР также получил свою долю реприманд[30]. Вот-де автономии высших учебных заведений вы не допустили и хорошо сделали, но ученые общества, в

особенности же Российская Академия, сохранили свою автономию. Это государство в государстве.

Но я спрашиваю, могла ли быть у академии и у нас более разумная политика? Чего могли мы требовать от академии? Чтобы она внезапно всем скопом превратилась в коммунистическую конференцию, чтобы она вдруг перекрестклась марксистски и, положив руку на «Капитал», поклялась, что она ортодоксальнейшая большевичка? Я думаю, что вряд ли мы пережили бы такое событие без известного чувства гадливости. Ведь искренним подобное превращение быть не могло. Быть может, оно и придет со временем и путем постепенной замены прежнего поколения новым и путем замечаемого нами процесса оживленного проникновения сквозь мнимую броню академии соков новой общественности. Но при каких условиях этот процесс может благополучно завершиться?

Только при условиях доброго соседства. Академия выразила такое пожелание. Отсиживалась ли академия? Была ли она для нас бесплодной?

Это я решительно отрицаю. Мы взяли у академии новое правописание; мы использовали результаты работ ее комиссии по реформе календаря; мы получили много интереснейших сведений от ее КЕПСа[31]; мы опирались на нее в переговорах с соседними державами о мире; она создала по нашему заказу точнейшие этнографические карты Белоруссии и Бессарабии. Мы получили мощную поддержку ее при введении грамотности на материнском языке для национальностей, не имевших письменности или имевших письменность зародышевую. И было бы трудно перечислить все те мелкие услуги, которые академия оказала Наркомпросу, ВСНХ, Госплану и т. п.

Конечно, полного соответствия между работами академии и между характером работ государства еще нет, но ведь для этого нужно время. Или Наркомпрос должен был, видя, что академия мешкает креститься в новую веру, крестить ее, как Добрыня, огнем и мечом? Но я повторяю слова В. И. Ленина: «Не надо давать некоторым коммунистам-фанатикам съесть Академию».

Да, В. И. Ленин не только не расходился в этом вопросе с Наркомпросом, но очень часто заходил дальше, и я прекрасно помню две-три беседы, в которых он буквально предостерегал меня, чтобы кто-нибудь не «озорничал» вокруг академии. Один очень уважаемый молодой коммунист и астроном[32] придумал чудесный план реорганизации академии.

На бумаге выходило очень красиво. Предварительным условием являлось, конечно, сломать существующее здание на предмет сооружения образцового академического града. В. И.

Ленин очень обеспокоился, вызвал меня и спросил: «Вы хотите реформировать Академию? У вас там какие-то планы на этот счет пишут?»

Я ответил: «Академию необходимо приспособить к общегосударственной и общественной жизни, нельзя оставить ее каким-то государством в государстве. Мы должны ее ближе подтянуть к себе, знать, что она делает, и давать ей некоторые директивы. Но, конечно, планы коренной реформы несвоевременны и серьезного значения мы им не придаем».

Несколько успокоенный, Ильич ответил: «Нам сейчас вплотную Академией заняться некогда, а это важный общегосударственный вопрос. Тут нужна осторожность, такт и большие знания, а пока мы заняты более проклятыми вопросами. Найдется у вас какой-нибудь смельчак, наскочит на Академию и перебьет там столько посуды, что потом с вас придется строго взыскать».

Этот наказ Владимира Ильича я запомнил в обеих его частях — ив части угрозы взыскать с тех, кто перебьет академическую посуду, и в той части, что придет время, когда этот «важный государственный вопрос» будет урегулирован со всей силой мысли нашей великой партии.

Я не думаю, чтобы пришли уже сроки и что в связи с вступлением академии в третье столетие можно было бы ребром ставить вопрос о какой-нибудь коренной советизации ее. Но вопрос этот не за горами, решен он будет, конечно, дружелюбно, считаясь со всеми хорошими традициями академии, с сохранением этого уважения, которое мы питаем к ней не только за ее блестящее научное прошлое, но которое завоевали у нас многие ее представители, постоянно сносящиеся с нами и сделавшиеся в наших глазах крупными, достоуважаемыми фигурами в нашей культурной кампании.

[1925]

Ленин о монументальной пропаганде*

Мне хочется напомнить о замечательной инициативе Ленина, относящейся, если не ошибаюсь, к зиме 1918/19 года и имевшей довольно широкие последствия в то время, но потом оставшейся, к сожалению, в стороне.

Я с тем большим удовольствием делаю это, потому что мы подходим к времени и условиям, при которых данная тогда Лениным идея может быть воплощена гораздо более широко и удачно, чем в те первые военные, голодные, холодные годы гражданской войны. Не помню уже, в какой точно день (по архивным материалам это, вероятно, не трудно установить) Владимир Ильич призвал меня к себе.[1] Я позволю себе передать здесь нашу беседу в живом диалоге, не ручаясь, конечно, за точность каждого слова, об этом и речи не может быть, но беря полную ответственность за общий ход разговора и смысл его.

— Анатолий Васильевич, — сказал мне Ленин, — у вас имеется, вероятно, не малое количество художников, которые могут кое-что дать и которые, должно быть, сильно бедствуют.

— Конечно, — сказал я, — и в Москве, и в Ленинграде имеется немало таких художников.

— Дело идет, — продолжал Владимир Ильич, — о скульпторах и отчасти, может быть, также о поэтах и писателях. Давно уже передо мною носилась эта идея, которую я вам сейчас изложу. Вы помните, что Кампанелла в своем «Солнечном государстве» говорит о том, что на стенах его фантастического социалистического города нарисованы фрески, которые служат для молод ежи наглядным уроком по естествознанию, истории, возбуждают гражданское чувство — словом, участвуют в деле образования, воспитания новых поколений. Мне кажется, что это далеко не наивно и с известным изменением могло бы быть нами усвоено и осуществлено теперь же.

По правде сказать, я страшно заинтересовался этим введением Владимира Ильича. Во-первых, действительно вопрос о социалистическом заказе художникам остро меня интересовал. Средств для этого не было, и мои обещания художникам о том, как много они выиграют, перейдя от службы частного рынка на службу государства, естественно, повисли в воздухе. Использовать искусство для такой огромной цели, как воспитательная пропаганда наших великих идей, это сразу показалось мне крайне заманчивым. А Владимир Ильич продолжал:

— Я назвал бы то, о чем я думаю, монументальной

пропагандой. Для этой цели вы должны сговориться на первый срок с Московским и Петербургским Советами, в то же время вы организуете художественные силы, выберете подходящие места на площадях. Наш климат вряд ли позволит фрески, о которых мечтает Кампанелла. Вот почему я говорю, главным образом, о скульпторах и поэтах. В разных видных местах на подходящих стенах или на каких-нибудь специальных сооружениях для этого можно было бы разбросать краткие, но выразительные надписи, содержащие наиболее длительные коренные принципы и лозунги марксизма, также, может быть, крепко сколоченные формулы, дающие оценку тому или другому великому историческому событию. Пожалуйста, не думайте, что я при этом воображаю себе мрамор, гранит и золотые буквы. Пока мы должны все делать скромно. Пусть это будут какие-нибудь бетонные плиты, а на них надписи возможно более четкие. О вечности или хотя бы длительности я пока не думаю. Пусть все это будет временно.

Еще важнее надписей я считаю памятники: бюсты или целые фигуры, может быть, барельефы, группы.

Надо составить список тех предшественников социализма или его теоретиков и борцов, а также тех светочей философской мысли, науки, искусства и т. п., которые хотя и не имели прямого отношения к социализму, но являлись подлинными героями культуры.[2]

По этому списку закажите скульптору также временные, хотя бы из гипса или бетона, произведения. Важно, чтобы они были доступны для масс, чтобы они бросались в глаза. Важно, чтобы они были сколько-нибудь устойчивы по отношению к нашему климату, не раскисли бы, не искалечились бы от ветра, мороза и дождя. Конечно, на пьедесталах можно делать вразумительные краткие надписи о том, кто это был.

Особое внимание надо обратить и на открытие таких памятников. Тут и мы сами, и другие товарищи, и крупные специалисты могут быть привлечены для произнесения речей. Пусть каждое такое открытие будет актом пропаганды и маленьким праздником, а потом по случаю юбилейных дат можно повторять напоминание о данном великом человеке, всегда, конечно, отчетливо связывая его с нашей революцией и ее задачами.

По правде сказать, я был совершенно ошеломлен и ослеплен этим предложением. Оно мне чрезвычайно понравилось. Мы занялись тотчас же его осуществлением. Осуществление, однако, пошло немножко вкривь и вкось. Правда, мы сделали ряд надписей в разных местах. Кажется, некоторые из них сохранились. Точно так же мы поставили несколько десятков

памятников в Ленинграде и Москве, привлекая сюда и старых и молодых скульпторов.[3] <…>

Я спрашиваю себя теперь, когда мы ведем такое широкое строительство, не могли бы ли мы вернуться к идее монументальной пропаганды, не могли бы ли мы ставить пока пусть вновь только временные памятники и включать в новые здания такие плоскости, на которых можно было бы начертывать великие слова наших учителей, <…>

[1933]

Ленин и искусство*

У Ленина было очень мало времени в течение его жизни сколько-нибудь пристально заняться искусством… и так как ему всегда был чужд и ненавистен дилетантизм, то он не любил высказываться об искусстве. Тем не менее вкусы его были очень определенны. Он любил русских классиков, любил реализм в литературе, в живописи и т. д. Еще в 1905 году, во время первой революции, ему пришлось раз ночевать в квартире товарища Д. И. Лещенко, где, между прочим, была целая коллекция кнакфуссовских изданий,[1] посвященных крупнейшим художникам мира. На другое утро Владимир Ильич сказал мне: «Какая увлекательная область — история искусства! Сколько здесь работы для коммуниста! Вчера до утра не мог заснуть, все рассматривал одну книгу за другой. И досадно мне стало, что у меня не было и не будет времени заняться искусством». Эти слова Ильича запомнились мне чрезвычайно четко.

Несколько раз приходилось мне встречаться с ним уже после революции на почве разных художественных жюри.

Так например, помню, он вызвал меня, и мы вместе с ним поехали на выставку проектов памятников на предмет замены фигуры Александра III, свергнутой с роскошного постамента около храма Христа-Спасителя. Владимир Ильич очень критически осматривал все эти памятники. Ни один из них ему не понравился. С особым удивлением стоял он перед памятником футуристического пошиба, но когда спросили его об его мнении, он сказал: «Я тут ничего не понимаю, спросите Луначарского». На мое заявление, что я не вижу ни одного достойного памятника, он очень обрадовался и сказал мне: «А я думал, что вы поставите какое-нибудь футуристическое чучело»…

Другой раз дело шло о памятнике Карлу Марксу. Известный скульптор М. (Меркуров. — *Ред.)* проявил особую настойчивость. Он выставил большой проект памятника: «Карл Маркс, стоящий на четырех слонах». Такой неожиданный мотив показался нам всем странным, и Владимиру Ильичу также. Художник стал переделывать свой памятник и переделывал его раза три, ни за что не желая отказаться от победы на конкурсе. Когда жюри под моим председательством окончательно отвергло его проект и остановилось на коллективном проекте группы художников под руководством Алешина, скульптор ворвался в кабинет Ильича и нажаловался ему. Владимир Ильич принял к сердцу его жалобу и звонил мне специально, чтобы было созвано новое — жюри.

«Ленин мало писал и говорил об искусстве. Но в его гармоничном революционном сознании все занимало правильное место. Если бы он где-нибудь дал систематизированное выражение своим взглядам на искусство и художественную политику, это было бы так же авторитетно и мудро, как все им написанное. Но время было другое. Задачи художественного воспитания народа еще только брезжили сквозь дым войны и столбы пыли разрушения и первоначальной стройки. Мы имеем поэтому у Ленина только наметки, отрывки. Они драгоценны. Нужно уметь обдумывать их, толковать, применять».

(Предисловие к книге «Ленин и искусство. Литература, музыка, театр кино, изо»)

Сказал, что сам придет смотреть алешинский проект и проект Меркурова. Пришел. Остался алешинским проектом очень доволен, проект Меркурова отверг. <…>

Еще в 18-м году Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство как агитационное средство, при этом он изложил два проекта.

Во-первых, по его мнению, надо было украсить здания, заборы и т. п. места, где обыкновенно бывают афиши, большими революционными надписями. Некоторые из них он сейчас же предложил. <…>

Второй проект относился к постановке памятников великим революционерам в чрезвычайно широком масштабе, памятников временных, из гипса, как в Петербурге, так и в Москве. Оба города живо откликнулись на мое предложение осуществить идею Ильича, причем предполагалось, что каждый памятник будет торжественно открываться речью о данном революционере и что под ним будут сделаны разъясняющие надписи. Владимир Ильич называл это «монументальной пропагандой».

В Петрограде эта «монументальная пропаганда» была довольно удачной.

Первым таким памятником был Радищев — Шервуда. Копию его поставили в Москве. К сожалению, памятник в Петрограде разбился и не был возобновлен. Вообще большинство хороших петербургских памятников по самой хрупкости материала не могли удержаться, а я помню очень неплохие памятники, например, бюсты Гарибальди, Шевченко, Добролюбова, Герцена и некоторые другие. Хуже выходили памятники с левым уклоном, так, например, когда открыта была кубически стилизованная голова Перовской, то некоторые прямо шарахнулись в сторону.

Так же точно, помнится, памятник Чернышевскому многим показался чрезвычайно вычурным. Лучше всех был памятник Лассалю. Чрезвычайно удачен был также памятник Карлу Марксу во весь рост, сделанный скульптором Матвеевым. К сожалению, он разбился и сейчас заменен в том же месте, то есть около Смольного, бронзовой головой Маркса более или менее обычного типа, без оригинальной пластической трактовки Матвеева.

В Москве, где памятники как раз мог видеть Владимир Ильич, они были неудачны. <…>

Я не знаю, смотрел ли их подробно Владимир Ильич, но, во всяком случае, он как-то с неудовольствием сказал мне, что из монументальной пропаганды ничего не вышло. Я ответил ссылкой на петроградский опыт. Владимир Ильич с сомнением покачал головой и сказал: «Что же, в Петрограде собрались все таланты, а в Москве бездарности?» Объяснить ему такое странное явление я не мог.

С некоторым сомнением относился он и к мемориальной доске Коненкова.[2] Она казалась ему не особенно убедительной. Сам Коненков, между прочим, не без остроумия называл это свое произведение «мнимореальной доской». Помню я также, как художник Альтман подарил Владимиру Ильичу барельеф, изображающий Халтурина. Владимиру Ильичу барельеф очень понравился, но он спросил меня, не футуристическое ли это произведение. К футуризму он вообще относился отрицательно. Я не присутствовал при разговоре его в Вхутемасе, в общежитие которого он как-то заезжал. Мне потом передавали о большом разговоре между ним и вхутемасовцами, конечно, сплошь «левыми». Владимир Ильич отшучивался от них, насмехался немножко, но и тут заявил, что серьезно говорить о таких предметах не берется, ибо чувствует себя недостаточно компетентным. Самую молодежь он нашел очень хорошей и радовался ее коммунистическому настроению.[3]

Владимиру Ильичу редко в течение последнего периода его жизни удавалось насладиться искусством. Он несколько раз бывал в театре, кажется, исключительно в Художественном, который очень высоко ставил.[4] Спектакли в этом театре неизменно производили на него отличное впечатление. <…>

Товарищи, интересующиеся искусством, помнят обращение ЦК по вопросам об искусстве, довольно резко направленное против футуризма.[5] В то время, и совершенно ошибочно, Владимир Ильич считал меня не то сторонником футуризма, не то человеком, исключительно ему потворствующим, потому, вероятно, и не советовался со мною перед изданием этого рескрипта ЦК, который должен был, на его взгляд, выпрямить

мою линию.

Расходился со мной довольно резко Владимир Ильич и по отношению к Пролеткульту.[6] Один раз даже сильно побранил меня. Скажу прежде всего, что Владимир Ильич отнюдь не отрицал значения кружков рабочих для выработки писателей и художников из пролетарской среды и полагал целесообразным их всероссийское объединение, но он очень боялся поползновения Пролеткульта заняться и выработкой пролетарской науки и вообще пролетарской культуры во всем объеме. Это, во-первых, казалось ему совершенно несвоевременной и непосильной задачей, во-вторых, он думал, что такими, естественно, пока скороспелыми выдумками пролетариат отгородится от учебы, от восприятия элементов уже готовой науки и культуры…

Новые художественные и литературные формации, образовавшиеся во время революции, проходили большей частью мимо внимания Владимира Ильича. У него не было времени ими заняться. Все же скажу «150 000 000» Маяковского Владимиру Ильичу определенно не понравились. Он нашел эту книгу вычурной и штукарской[33]. Нельзя не пожалеть, что о других, более поздних и более зрелых поворотах литературы к революции он уже не мог высказаться.

Всем известен огромный интерес, который проявлял Владимир Ильич к кинематографии.

[1924]

* * *

Большая беседа моя с Ильичем о кино была вызвана особым интересом его к киноделу, который сказался и в его известном письме к тов. Литкенсу, написанном им в январе[1a]. Приблизительно в середине февраля, а может быть, и к концу его, Владимир Ильич предложил мне зайти к нему для разговора. Насколько помню, разговор касался нескольких текущих вопросов жизни Наркомпроса. Спрашивал он меня и о том, что сделано в исполнение его бумаги, посланной Литкенсу. В ответ я изложил довольно подробно все, что знал о состоянии кино в Советской Республике и об огромных трудностях, какие встречает развитие этого дела.

Я в особенности указывал на отсутствие средств у Наркомпроса для широкой постановки кинопроизводства, а также на отсутствие руководителей этого дела, или, вернее сказать, руководителей-коммунистов, на которых можно было бы вполне положиться. В ответ на это Владимир Ильич сказал мне, что

постарается сделать что-нибудь для увеличения средств фотокиноотдела. Он еще раз подчеркнул необходимость установления определенной пропорции между увлекательными кинокартинами и научными. (К несчастью, это и до сих пор еще очень слабо поставлено). Владимир Ильич сказал мне, что производство новых фильмов, проникнутых коммунистическими идеями, отражающих советскую действительность, надо начинать с хроники, что, по его мнению, время производства таких фильмов, может быть, еще не пришло.

> «Если вы будете иметь хорошую хронику, серьезные и просветительные картины, то неважно, что для привлечения публики пойдет при этом какая-нибудь бесполезная лента, более или менее обычного типа. Конечно, цензура все-таки нужна. Ленты контрреволюционные и безнравственные не должны иметь место».

К этому Владимир Ильич прибавил:

> «По мере того, как вы станете на ноги, благодаря правильному хозяйству, а может быть, и получите при общем улучшении положения страны известную ссуду на это дело, вы должны будете развернуть производство шире, а в особенности продвинуть здоровое кино в массы в городе, а еще более того в деревне».

Затем, улыбаясь, Владимир Ильич прибавил:

> «Вы у нас слывете покровителем искусства, так вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино».

[1925]

К столетию Александрийского театра*

В 1918 году атака пролеткультовцев на Александрийский театр была сильна. Лично я был близок к Пролеткульту, и в конце концов меня несколько смутили настойчивые требования покончить с «гнездом реакционного искусства».

Я решил спросить совета у самого Владимира Ильича.

Должен сказать, что я всячески стараюсь не приводить официально никаких изустных директив, которые довольно часто давались мне нашим гениальным вождем по линии наркомата, мне порученного. Я имел преступную недогадливость не записывать тотчас же и точнейшим образом каждое слово, которое было услышано мною от Владимира Ильича. Мировой авторитет Ленина так огромен, что просто-таки страшно говорить от его имени. Не касаясь уже полной недопустимости что-нибудь ему навязать, — опасна и простая ошибка памяти. Поэтому я заранее прошу читателя принять во внимание, что суммарное изложение той беседы, которую я имел в то время с Владимиром Ильичем, передается с максимально доступной для меня добросовестностью, но что я прошу отнюдь не полагаться на него как на непосредственное слово учителя.

Итак, придя к Владимиру Ильичу в кабинет, не помню уж точно какого числа, но, во всяком случае, в сезон 1918/19 года, я сказал ему, что полагаю применить все усилия для того, чтобы сохранить все лучшие театры страны. К этому я прибавил:

> «Пока, конечно, репертуар их стар, но от всякой грязи мы его тотчас же почистим. Публика, и притом именно пролетарская, ходит туда охотно. Как эта публика, так и само время заставят даже самые консервативные театры постепенно измениться. Думаю, что это изменение произойдет относительно скоро. Вносить здесь прямую ломку я считаю опасным: у нас в этой области ничего взамен еще нет. И то новое, что будет расти, пожалуй, потеряет культурную нить. Ведь нельзя же, считаясь с тем, что музыка недалекого будущего после победы революции сделается пролетарской и социалистической, — ведь нельзя же полагать, что можно закрыть консерватории и музыкальные училища и сжечь старые «феодально-буржуазные» инструменты и ноты».

Владимир Ильич внимательно выслушал меня и ответил,

чтобы я держался именно этой линии, только не забывал бы поддерживать и то новое, что родится под влиянием революции. Пусть это будет сначала слабо: тут нельзя применять одни эстетические суждения, иначе старое, более зрелое искусство затормозит развитие нового, а само хоть и будет изменяться, но тем более медленно, чем меньше его будет пришпоривать конкуренция молодых явлений.

Я поспешил уверить Владимира Ильича, что всячески буду избегать подобной ошибки.

> «Только нельзя допустить, — сказал я, — чтобы психопаты и шарлатаны, которые сейчас в довольно большом числе стараются привязаться к нашему пароходу, стали бы нашими же силами играть неподобающую им и вредную для нас роль».

Владимир Ильич сказал на это буквально следующее:

> «Насчет психопатов и шарлатанов вы глубоко правы. Класс победивших, да еще такой, у которого собственные интеллигентские силы пока количественно невелики, непременно делается жертвой таких элементов, если не ограждает себя от них. Это в некоторой степени, — прибавил Ленин, засмеявшись, — и неизбежный результат и даже признак победы».
>
> «Значит, резюмируем так, — сказал я. — Все более или менее добропорядочное в старом искусстве — охранять. Искусство не музейное, а действенное — театр, литература, музыка — должно подвергаться некоторому, не грубому воздействию в сторону скорейшей эволюции навстречу новым потребностям. К новым явлениям относиться с разбором. Давать им возможность завоевывать себе все более видное место реальными художественными заслугами. В этом отношении, елико возможно, помогать им».

На это Ленин сказал:

> «Я думаю, что это довольно точная формула. Постарайтесь ее втолковать нашей публике, да и вообще публике, в ваших публичных выступлениях и статьях».
>
> «Могу я при этом сослаться на вас?» — спросил я.
>
> «Зачем же? Я себя за специалиста в вопросах искусства не выдаю. Раз вы нарком — у вас самого должно быть достаточно авторитета».

На этом наша беседа и кончилась. Эту именно политику в общем и целом вела наша партия и Советская власть.

[1932]

Культура у нас и на Западе*

Как-то во время моего пребывания во Франции «сверхреалистическая» молодежь пыталась выставить лозунг, что-де большевистская революция несет с собою конец торжеству реализма, вере в интеллект и стремится заменить все это царством интуиции и т. д. Я со всей резкостью высказался против такого толкования нашей революции и подчеркнул, что ленинизм есть направление глубоко научное и тем самым насквозь проникнутое уважением к интеллекту. Трудно идти в уважении к науке дальше, чем шел Ленин.

Ленин отдавал должное западной культуре. Конечно, это не значит, что он принимал всю западноевропейскую науку, а тем более западноевропейскую культуру, за нечто положительное. Разумеется, он отчетливо видел то позорное клеймо буржуазной ограниченности, которое пока пятнает и культуру на Западе и даже ее благороднейшую часть — науку. Но Ленин знал достоинства этой культуры и в особенности точной науки, начиная с самых абстрактных теорий до прикладных технических дисциплин. Он говорил поэтому, что если американский, английский или немецкий пролетариат смогут вырвать из рук буржуазии власть, они гораздо скорее, чем мы, смогут создать у себя социалистический строй именно потому, что могут опереться на весьма зрелую науку, притом не оставшуюся только в книгах, а реализовавшуюся в гигантской промышленности, передовом сельском хозяйстве и т. д.

С этой стороны перекачивание здоровых положительных форм культуры с Запада Ленин считал в высшей степени важным и был в полном смысле этого слова западником, без тени хотя бы какого бы то ни было славянофильского, русопятского или евроазиатского чванства. Но он указывал на то, что не только на всех формах буржуазного быта в самых различных слоях европейско-американского общества, на формах его искусства и т. д. лежит отвратительная печать, вызванная своеобразным капиталистическим варварством, эксплуататорским духом, который это общество проникает, но даже и на науку падает пачкающая тень буржуазно-классового духа. Не говоря уже о полном искажении общественных наук, философских, психологических, и точные науки в своих гносеологических частях, в своих выводах и часто даже в самых недрах своих построений искажаются тлетворным классовым интересом ограниченной и обреченной буржуазии.

Как же смотрел Ленин на нашу культуру? Он считал нас

количественно убогими в культурном отношении, он указывал на то, что малокультурность наших масс является главным препятствием к построению социализма в нашей стране, что без преодоления ее строительство это не может увенчаться успехом. Он обращал внимание на колоссальную важность разрешения у нас самых элементарных культурных задач, — например, достижение всеобщей грамотности, — и в то же время подчеркивал необходимость развития и самых высоких культурных форм подлинного, ведущего, воспитывающего искусства и подлинной, крепкой, смелой, материалистической, общественно полезной научной мысли. Он учил нас тому, что хотя мы в количественном отношении культурно слабы, но, имея власть Советов, мы можем критически отобрать в старой культуре то, что нам нужно. Мы можем по новому, более чисто, более планомерно строить наше собственное культурное здание. Мы можем нагнать и обогнать на этом пути Европу, причем это не будет просто культурный небоскреб европейски-американского типа, только несколькими этажами выше, чем те, которые построены на Западе — нет, это будет здание совсем иного порядка, хотя в его фундаменте, в его материалах будет очень и очень много из усвоенного и отобранного в сокровищнице достигнутых уже человечеством культурных ценностей. <…>.

[1929]

Ленин и литературоведение*

1. Постановка проблемы

Марксизм-ленинизм — единая и целостная система взглядов, миросозерцание и миропознание пролетариата как класса. Вырастая из всей суммы накопленных человечеством знаний, но будучи организованным на совершенно новых началах, сделавшихся возможными лишь только в силу особенного социального положения нового класса, марксизм-ленинизм превосходит в научном отношении все прежние построения человеческого ума различных эпох и классов. Марксизм-ленинизм является одновременно и философской картиной природы и общества, и теорией познания, общим методом научного исследования, и в то же время системой руководящих принципов, лежащих в основе программы пролетариата, стратегии и тактики низвержения капитализма и построения пролетариатом нового, социалистического общества.

Основание, мощное и глубокое развитие этого миросозерцания дано было Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом во второй половине XIX века. Пристальное изучение буржуазной политической экономии, высших форм утопического социализма, боевого материализма буржуазных философов XVIII столетия, идеалистической диалектики немецких мыслителей начала XIX столетия, особенно Гегеля, — соединялось у Маркса и Энгельса со всесторонним анализом всех форм современной им социальной действительности, обоснованием практики еще молодого движения пролетариата, учетом опыта буржуазных революций XVIII и XIX веков и первых попыток пролетарских переворотов в 1848 году и во время Коммуны.

> «Написал и отправил большую (4–5 листов) статью о Ленине для Литературной энциклопедии. Собрано и прокомментировано более или менее все ленинское, что может служить базой для марксистско-ленинского литературоведения, прямо или полупрямо, потому что косвенно этому может служить весь Ленин».
>
> *(Из письма А. В. Луначарского к И. А. Сацу)*

В настоящее время, однако, не может быть уже и речи о каком бы то ни было подлинном марксизме вне ленинизма. Ленинизм явился продолжением дела Маркса и Энгельса на основании

учета дальнейшего развития капитализма, вплоть до эпохи его загнивания — империализма, и дальнейшего развития пролетариата, вплоть до Великой Октябрьской революции 1917 года и опыта социалистического строительства последних лет. Нельзя быть ленинистом, не будучи марксистом, это само собой разумеется, ибо вся теория и практика Ленина и его партии зиждутся на марксизме. Но равным образом нельзя в настоящее время быть марксистом не будучи ленинистом, ибо ленинизм есть естественная и необходимая стадия учения Маркса. <…>

Иногда, не отрицая первоклассного значения ленинизма в области политики, политической экономии, основных принципов истории и особенно революционной практики, пытаются доказать, что ленинизм не вносит ничего особенно ценного в область философии. Этот совершенно неверный и глубоко вредный взгляд на вещи должен быть со всей резкостью отвергнут. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» развернул богатейшую систему воззрений, являющуюся с точки зрения уяснения сущности как материалистической, так и диалектической стороны философии пролетариата ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистской мысли. Без внимательнейшего изучения этой книги нельзя быть образованным марксистом. Ленин не закончил других философских произведений, но в его черновых тетрадях остались многочисленные конспекты сочинений Гегеля и заметки о целом ряде различных философских проблем, представляющие собой столь же драгоценные перлы пролетарской философской мысли, как, например, афоризмы Маркса о Фейербахе.*

* Имеются в виду «Тезисы о Фейербахе» (1845). — Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Изд. 2-е, т. 3, с. 1–4.

Само собой разумеется, что обоснованные Лениным общие философские принципы марксизма имеют основополагающее значение и для литературоведения как одной из ветвей пролетарской науки. Вместе с использованием для этой специальной цели философского наследия Ленина, необходимо внимательнейшим образом изучить под этим специальным углом зрения и *общественно-научные* принципы и данные ленинизма. Особое значение имеет при этом учение Ленина о *культуре, о* взаимоотношении культуры прошлого с пролетарской культурой и о культурных задачах пролетариата в нашей стране. Литература не может быть изучаема вне *истории* общества и истории самой литературы. В наследии Ленина имеются драгоценные указания, раскрывающие внутренний смысл экономической, политической и культурной истории нашей страны, без понимания которого нельзя ни познать прошлое литературы, ни исторически

осмыслить ее настоящее и будущее.

2. Философские воззрения Ленина

Характернейшая черта ленинского метода — единство теории и практики. <…>

Изречение о том, что марксизм «не догма, а руководство к действию»[34], было одним из любимейших изречений Ленина. Это изречение в высокой степени характерно для ленинизма, этого «марксизма эпохи империализма и пролетарских революций»[35], когда в активную классовую борьбу против капитализма вовлечены десятки миллионов международного пролетариата, когда пролетариат победил уже на протяжении одной шестой земного шара и вступил в полосу решающих схваток с капиталистическим строем на остальных пяти шестых его.

В своем сочинении «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» Ленин со всей мощью своего гения стал на защиту материализма.

Основой материализма являются следующие положения. Существует объективный мир, в основе своей он един; это — единая во всем бесконечном разнообразии материя. Всякий человек составляет часть этого мира. Его сознание, как и сознание вообще, есть свойство высокоорганизованной материи. Сознание человека отражает действительные вещи окружающего мира и их взаимоотношения. Оно отражает лишь приблизительно, но приближение это становится постоянно все более точным. Ленин пишет по этому поводу: «…для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется (то есть представляется нашему сознанию на данном отрезке его развития. — *А.* Л.), ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны».[36]

Основной задачей главного философского произведения Ленина была защита материализма от всякого замаскированного идеализма, стремившегося подрыть его незыблемые устои. Ленин придавал гигантское значение именно *диалектической* сущности материализма Маркса. Материя для Ленина не есть нечто инертное, само по себе неподвижное, нуждающееся в толчке извне, в каком-то нематериальном движении, силе или энергии. Равным образом и это движение для Ленина отнюдь не есть только механическое передвижение в пространстве посредством толчка, сопротивления, отражения и т. д., как это предполагали материалисты механические. Для Ленина материя и движение сливаются воедино. Материя диалектического материализма есть

нечто развивающееся, и под движением ее понимаются все бесконечно разнообразные ее изменения. Изменение присуще материи как таковой. Материя никогда и нигде не может быть неизменной. Всякая материальная данность находится в процессе изменения, причем процесс этот всегда имеет характер раздвоения, распада данного целого на противоречивые части. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его… есть *суть* (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики».[37] «Тождество противоположностей, — продолжает Ленин, — …есть признание… противоречивых, *взаимоисключающих, п*ротивоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа и общества в *том числе)*. Условие познания всех процессов мира в их *«самодвижении», в* их спонтанейном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей».[38] <…>

Ленин дает указания самого метода изложения диалектики вообще и диалектики любого отдельного явления. Эти гениальные строки необходимо привести здесь целиком:

> «NB: отличие субъективизма (скептицизма и софистики etc.) от диалектики, между прочим, то, что в (объективной) диалектике относительно (релятивно) и различие между релятивным и абсолютным. Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное.
>
> У Маркса в «Капитале» сначала анализируется самое простое, обычное, основное, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся, *отношение* буржуазного (товарного) общества; обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (respective зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие *(и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества в 2[39] его отдельных частей, от его начала до его конца.
>
> Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики). Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с *предложения* любого:

листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т. п. Уже здесь (как гениально заметил Гегель) есть *диалектика:* отдельное *есть общее е…* Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть частичка (или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д., и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.».[40]

Философская глубина этих ленинских формулировок не подлежит в настоящее время никакому сомнению. Но они имеют не только общефилософское, но и специально литературоведческое значение. Поставить проблему единства «общего» и «частного» применительно к таким важным категориям литературной науки, как стиль или жанр, должен будет отныне всякий литературовед-марксист. Поставить проблему «единства противоположностей» применительно к творчеству того или иного писателя — значит уяснить внутренние противоречия этого творчества и установить в их недрах ведущее, организующее начало.

Учению Энгельса о постепенном овладении человечеством истиной Ленин придавал чрезвычайно большое значение. Поскольку наше краткое изложение материализма Ленина (а стало быть, и сознательного пролетариата) дается нами здесь в особенности в качестве опоры для выводов относительно методов построения марксистско-ленинского литературоведения, мы считаем целесообразным вслед за Лениным привести здесь эти важные мысли Энгельса: «Суверенность мышления осуществляется в ряде людей, мыслящих чрезвычайно несуверенно; познание, имеющее безусловное право на истину, — в ряде относительных (релятивных) заблуждений; ни то, ни другое» (ни абсолютное истинное познание, ни суверенное мышление) «не может быть осуществлено полностью иначе как при бесконечной продолжительности жизни человечества.

Мы имеем здесь… противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может

быть разрешено только в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас, по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавания столь же неограниченна, как ограниченна. Суверенно и неограниченно по своей природе» (или устройству, Anlage), «призванию, возможности, исторической конечной *цели;* несуверенно и ограниченно по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности».[41]

> «Исторически условны, — прибавляет к этому сам Ленин, — контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания».[42] <…>

Ленин настаивает, что познанию человека вообще присуща диалектика, ибо диалектически живет сама природа: в ней наблюдаются постоянные переходы, переливы, взаимная связь противоположностей. Тем не менее к осознанию диалектических свойств своего мышления, находящихся в глубоком соответствии со свойствами самой природы, человек приходит лишь иногда, лишь в благоприятных условиях. Наоборот, очень часто его классовые интересы или классовые интересы тех, кто руководит им, совершенно губят живущую в деятельности его мозга диалектику, заменяя ее косными метафизическими методами мышления. Как раз теперь, с торжеством пролетариата над буржуазией, восторжествует окончательно и естественное диалектическое мышление человека, извращаемое собственническим общественным строем. Это будет иметь место во всех областях знания и творчества, в том числе в литературоведении и в самой литературе. <…>

> «Самая высшая задача человечества, — утверждает Ленин, — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к *ней* свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран».[43]

Диалектический материализм ни в коем случае не делает человека пассивным, наоборот, он чрезвычайно повышает активность марксистски сознательного человека. Ленин говорит об этом: «У Энгельса вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая *объективный*критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами «слепой необходимости». Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) *независимо от* нашей воли и от нашего сознания, — мы господа природы».[44] <…>

О том, что глубокая объективность Ленина не приводила его к фатализму и равнодушию, а гармонически сочеталась с самым страстным отношением к действительности, свидетельствует замечательное место одной из его ранних работ, направленных против народников: «Не слыхали ли Вы, г. Михайловский, о том, что одним из замечательнейших образцов неумолимой объективности в исследовании общественных явлений справедливо считается знаменитый трактат о «Капитале»? Целый ряд ученых и экономистов видят главный и основной недостаток этого трактата именно в неумолимой объективности. И, однако, в редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходок против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие. Писатель, с неумолимой объективностью показавший, что воззрения, скажем, Прудона являются естественным, понятным, неизбежным отражением взглядов и настроений французского petit bourgeois[45], — тем не менее с величайшей страстностью, с горячим гневом «накидывался» на этого идеолога мелкой буржуазии.

Не полагает ли г. Михайловский, что Маркс тут «противоречит себе»? Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве *этой* действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек не *может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д., и т. д.».[46]

Ленин ратовал за всестороннее научное исследование фактов и умел раскрывать эти факты во всем их гигантском многообразии. Такие работы Ленина, как «Развитие капитализма в России», «Материализм и эмпириокритицизм» или «Империализм, как высшая стадия капитализма», построены на огромном, пристально изученном материале, критически переработанном научным методом Ленина. Содержа безошибочные прогнозы исследуемой социальной действительности и давая объективную картину последней, работы Ленина в то же время никогда не были объективистскими. Известна классическая по своей рельефности характеристика, данная Лениным струвианству, — течению буржуазного либерализма 90-х годов, до поры до времени драпировавшемуся в одежды марксистской фразеологии. «Объективист, — писал Ленин в «Экономическом содержании народничества», — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость. В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы».[47]

Эту цитату едва ли необходимо комментировать, так красноречиво характеризуется в ней отрицательное отношение Ленина ко всем программам и теориям, претендующим на «внепартийность», так ярко обрисовался в ней ленинский метод, научность которого насквозь пронизана партийной остротой —

характерным свойством всех его теоретических работ.

По необходимости ограничиваясь этими цитатами, характеризующими философские воззрения Ленина, — мы еще раз подчеркиваем, что *все в* философском наследии Ленина имеет огромное значение для литературоведа, *все* подлежит внимательнейшему изучению, и если мы ограничиваемся лишь относительно немногими цитатами, то к этому нас вынуждает только характер нашей статьи.

3. Учение Ленина о культуре

Само собой разумеется, что в основных своих чертах учение Ленина о культуре есть то же, которое мы находим у Маркса и Энгельса. Понятие культура обнимает у них, в сущности, все формы общественной жизни, за исключением непосредственно производственных. Понятие культура включает в себя все так называемые надстройки. В их число входят не только «чистые» формы идеологии, религия, философия, наука, искусство, но и такие формы культуры, которые непосредственно связаны с бытом: мораль, не только теоретическая, но и непосредственно бытующая в жизни, право, опять-таки и в его идеологических и практических формах и т. д. Все эти формы культуры находятся друг с другом в непрерывном взаимодействии и в известной степени оказывают давление также на экономический фундамент общества. Определителем всех форм культуры и всей ее динамики является в конечном счете процесс производства. Именно им обусловливается изменение отношений собственности и группировка людей в производстве, причем особое значение имеет группировка классов. Классы играют различную роль в производственном процессе и имеют различные права на орудия производства и продукты его. Именно классовая конфигурация определяет собой государственную структуру, политическую жизнь данного общества и все остальные формы идеологических надстроек.

> «Класс, имеющий силу в своих руках, класс, действительно в трудовом порядке изменяющий мир, всегда склонен к реализму, но он склонен также и к романтике, разумея под этой романтикой то же, что Ленин разумел под своей мечтой».
>
> *(«Виктор Гюго. Творческий путь писателя»)*

> «Ленинская мечта — мечта научная, она вытекает из действительности, из тенденции ее».

От этих общих положений марксизма-ленинизма, касающихся культуры, обратимся к тем ценнейшим и оригинальным мыслям, которые в учение о культуре — эту необходимую основу литературоведения — внес Ленин.

Вполне уместна параллель между ленинским и плехановским учениями о культуре. Плеханов, которого долгое время считали непререкаемо авторитетным учеником Маркса и Энгельса, на самом деле носил на всем своем мышлении печать определенной прослойки русской революционной интеллигенции конца прошлого и начала этого столетия, шедшей навстречу пролетариату, но не сумевшей полностью слиться с ним. Это сказалось и на учении Плеханова о культуре, и на решении им ряда литературоведческих проблем. По — его мнению, марксист-литературовед ни в каком случае не должен был ставить перед собой вопроса о положительном или отрицательном характере того или другого культурного явления, осуждать его или аплодировать ему. Марксистское литературоведение должно было, по Плеханову, ограничиться выяснением неизбежной закономерности данного явления и всех его причин. По-иному ставил эти проблемы Ленин. Конечно, он прекрасно понимал громадное значение изучения отдельных культурных явлений с точки зрения их классового эквивалента. Но для него это было только подготовкой к изучению явления в целом, ибо самое изучение в полном соответствии с боевым — и творческим характером пролетариата являлось у Ленина лишь предпосылкой для критического использования прошлой культуры и для построения новых форм ее, соответствующих интересам пролетариата. Познавательная работа ставилась им непосредственно на службу революционной практике. Отсюда совершенно новый ее тонус, конечно, глубоко марксистский, так как он полностью соответствует духу революционного учения Маркса, и в то же самое время ленинский, потому что эпоха первой великой пролетарской революции с особой силой подчеркнула именно этот характер теоретического усвоения культуры.

К прошлому культуры и ближайшей к нам ее стадии — культуре буржуазной, особенно культуре загнивающего капитализма — Ленин, разумеется, относился с беспощадной критикой: многое и существеннейшее в этих исторических формациях возбуждает его гнев, ненависть, презрение. Но из этого вовсе не следует, что Ленин осуждал эту прошлую культуру целиком, то есть предполагал, что в ней нет никаких элементов,

которые подлежали бы критическому усвоению пролетариата для построения новой культуры. На митинге в 1919 году Ленин провозглашал, между прочим: «…От раздавленного капитализма сыт не будешь. Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство — в руках специалистов и в их головах».[48] С особенной силой и полнотой выражены были эти мысли Владимиром Ильичем в его знаменитой речи на III Всероссийском съезде РКСМ. <…>

Вопрос создания социалистической культуры стоял перед Лениным не столько в общей форме, как проблема создания мировым пролетариатом новой мировой культуры, сколько в более частной форме, как совершенно практическая задача построения этой новой культуры в нашей стране тотчас же после перехода политической власти в руки пролетариата. Говоря на XI съезде партии о необходимости теперь же обеспечить постепенный переход к коммунизму, Ленин заявил, что для такого перехода у пролетариата в нашей стране совершенно достаточно как политической, так и экономической силы. «Чего же не хватает?» — спрашивает Ленин и отвечает: «Ясное дело, чего не хватает: не хватает культурности тому слою коммунистов, который управляет».[49] Но, разумеется, Ленин не суживал задачу до повышения культурности самих коммунистов; указывая на необходимость кооперировать население нашей страны как на одну из главных задач, Ленин, конечно, считался с необходимостью огромной работы для поднятия культурности самих масс. Бюрократизм, уродливость старого быта, плохая дисциплина труда, недостатки воспитания новых поколений и многое другое представляли собой те препятствия, за преодоление которых путем классовой борьбы за культуру Ленин всемерно боролся.

Ленин отнюдь не суживал размаха целей социалистической культуры. Развернув блестящую картину законченного социалистического строя с высоким уровнем быта, строя, в котором каждый получает согласно своему труду, труду в то же время в общем высококвалифицированному и продуктивному, Ленин выдвигает как дальнейшую задачу переход к строю собственно коммунистическому, принципом которого будет — «от каждого согласно его способностям и каждому по его потребностям». Этот высочайший принцип Ленин неразрывно связывает с огромной работой по пересозданию самого человека, с глубокой работой пролетариата над самим собой для поднятия

всей массы трудящихся на моральную высоту, которая разным мещанам кажется недосягаемой и фантастической. <…>

Ленин прямо говорил о том, что коммунист, неспособный к полетам реальной мечты, то есть к широким перспективам, к широким картинам будущего, — плохой коммунист.[50] Но революционный романтизм органически сочетался в Ленине с крепчайшей практической хваткой. Вот почему в деле построения новой культуры его в особенности интересовали те задачи, которые являлись насущными задачами дня. Именно с этой стороны чрезвычайно важно усвоить внутреннее содержание критики Лениным учения о культуре так называемого Пролеткульта.

В «Правде» 27 сентября 1922 года напечатана была статья одного из теоретиков Пролеткульта В. Ф. Плетнева — «На идеологическом фронте». Самый экземпляр «Правды» с этой статьей был испещрен многочисленными карандашными заметками Владимира Ильича. Вскоре после появления этого номера «Правды» в той же газете появилась статья Я. Яковлева[1] под заглавием «О пролетарской культуре и Пролеткульте».[51] Основные положения этой статьи точно совпадают с заметками Владимира Ильича, и сама статья является систематизацией этих заметок. Статья эта, несомненно, была прочитана и одобрена Лениным; поэтому мы ссылаемся на эту содержательную статью в полной уверенности, что она высказывает именно идеи Ленина.

«У т. Плетнева пролетарская культура нечто вроде химического реактива, который можно получить в реторте Пролеткульта при помощи групп особо подобранных людей. Элементы новой пролетарской культуры у него выходят из пролеткультовских студий примерно так, как некогда античная богиня вышла готовой из пены морской». В полном согласии с Лениным, Яковлев находит, что основной задачей культуры является прежде всего общий подъем элементарнейшей культурности в нашей стране. С другой стороны, пролеткультовцы упускают из виду «такие важнейшие элементы культуры, как мораль, обычаи и право, в которых действительно ряд значительных сдвигов пролетариат уже произвел и производит». Во главу угла ставится здесь интенсивная учеба. «Не дилетантская, любующаяся собой, пролеткультовская якобы наука, а серьезная учеба в течение многих и многих лет все новых и новых сотен тысяч рабочих и крестьян».

Тов. Яковлев переходит также к вопросам искусства, очевидно, и здесь имея твердую директиву вождя: «Мы живем в эпоху борьбы, — говорит он. — Естественно надо рассматривать

искусство прежде всего как общественную силу. И по отношению к искусству, берущему на себя смелость называться пролетарским, мы имеем право предъявлять в этом отношении несколько большие требования, чем хотя бы к Малому театру. Мы хотим увидеть в пролетарском театре элементы художественного признания нашей революции, революционной бодрости и подъема, элементы, объединяющие трудящихся в их решимости и готовности к борьбе, создающие чувство связи у зрителя-рабочего с членами его класса, наконец, действительно введение живой массы на сцену. Мы не стоим на точке зрения «искусства для искусства». Поэтому мы вправе наш критерий «пролетарского искусства» применить к пролеткультовскому театру».[52]

Нетрудно подытожить разницу между пролеткультовщиной и учением Ленина о культуре. Торопясь как можно скорее к так называемым чистым формам пролетарской культуры, пролеткультовцы пытались создать ее лабораторным путем. При этом задача чрезвычайно суживалась: во-первых, она смогла обнять лишь некоторые группы пролетариата, а не весь класс с многомиллионной крестьянской беднотой в придачу. Во-вторых, Пролеткульт подозрительным образом сбивался на исключительно художественную работу плюс некоторые сомнительные изыскания в области науки. Для Ленина культурная революция, наоборот, была колоссальным процессом, в котором десятки миллионов людей, а также весь общественный и государственный организм огромной страны должны были упорядочиваться, онаучиваться, просвещаться. При этом попутно должно было усвоить огромное количество знаний и приемов, уже обыкновенных в Америке и передовых странах Европы. Учеба отнюдь не понималась Лениным как простое подражание Западу. На первом плане стоит самый факт классовой борьбы; новый класс усваивает полезное из наследства буржуазного мира, чтобы сейчас же направить его в качестве оружия против самого капитализма. Гигиена быта, отдельные методы наук и искусства могут усваиваться, и тем не менее сам быт должен приобретать характер, далекий от западного мещанства. Наука должна перестраиваться на новом базисе, быть устремленной к новым целям, искусство должно служить пониманию врагов и друзей, воспитывающим стимулом для социалистической воли т. д.

Задачи, которые поставила перед собой Коммунистическая партия, являются интернациональными, и разрешение этих задач в многонациональном, многоязыком Советском Союзе показывает все значение национальной политики ленинизма. <…>

Говоря о наших внутренних культурных задачах, мы отнюдь не имеем в виду только русский народ, но все многочисленные

народы, составляющие великое братство СССР; и точно так же, говоря о литературе, мы имеем в виду литературы всех народов СССР, достигшие высочайшего расцвета в результате ленинской национальной политики.

4. Теория империализма

По отношению к историческому процессу в его последней стадии основоположное значение сохраняет *ленинская теория империализма,* наиболее полно изложенная им в очерке «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916). Сочинение это характеризует империализм как хозяйственную систему; но те выводы, которые можно сделать из этой работы, самым непосредственным образом касаются и истории современного Запада, и политики, и литературы. Ленин дает в этом исследовании последовательную характеристику отличительных особенностей империализма: предельной концентрации производства, огромного влияния банков и образования финансового капитала, вывозящего капитал во все страны земного шара, образования государств-рантье, ссужающих деньги маломощным государствам и нещадно их эксплуатирующих, раздел мира между главнейшими империалистическими государствами, паразитизма и загнивания империализма, происходящего из отсутствия перспектив роста, из монополистического положения. Несколько позже, в «Материалах по пересмотру партийной программы», изданных в 1917 году, содержится краткая, как бы итоговая характеристика этого строя. «Всемирный капитализм, — пишет Ленин, — дошел в настоящее время — приблизительно с начала XX века — до ступени империализма. Империализм или эпоха финансового капитала есть столь высокоразвитое капиталистическое хозяйство, когда монополистические союзы капиталистов — синдикаты, картели, тресты — получили решающее значение, банковый капитал громадной концентрации слился с промышленным, вывоз капитала в чужие страны развился в очень больших размерах, весь мир поделен уже территориально между богатейшими странами и начался раздел мира экономический между интернациональными трестами.

Империалистические войны, т. е. войны из-за господства над миром, из-за рынков для банкового капитала, из-за удушения малых и слабых народностей, неизбежны при таком положении дела. И именно такова первая великая империалистическая война 1914–1917 годов.

И чрезвычайно высокая ступень развития мирового

капитализма вообще; и смена свободной конкуренции монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета синдикатов над рабочим классом, гигантское затруднение его экономической и политической борьбы; и ужасы, бедствия, разорение, одичание, порождаемые империалистской войной, — все это делает из достигнутой ныне ступени развития капитализма эру пролетарской, социалистической революции.

Эта эра началась.»[53] <…>

Ленинская теория империализма позволяет безошибочно ориентироваться во всех наиболее важных явлениях политической жизни капиталистического Запада. Но выводы из этой теории должен делать не только экономист, не только историк, а и любой исследователь западноевропейской культуры, в том числе и литературовед. Целый ряд интересных курсов истории западноевропейских литератур, написанных в последние годы марксистами, страдает именно отсутствием применения ленинского учения об империализме к этой области. В некоторых из этих работ исторический процесс Запада рассмотрен объективистски. Излишний техницизм, доверие к организаторским способностям капитализма, увлечение теориями внутреннего равновесия капитализма также льют воду на мельницу антимарксистских, антиреволюционных концепций и в этом смысле нуждаются в решительном преодолении.

5. Теория двух путей развития русского капитализма

Если для познания капитализма эпохи его загнивания основополагающую роль играет ленинская теория империализма, то для русской истории XIX века аналогичную роль играет ленинская концепция двух путей развития капитализма в России. Концепцию «двух путей» нельзя применять к литературе без учета теории отражения, столь важной в подходе Ленина к явлениям исторического процесса. Она учитывает не столько генетическую принадлежность писатели, сколько *отражение* этим последним социальных сдвигов, не столько субъективную прикрепленность писателя и связанность его с определенной социальной средой, сколько объективную характерность его для тех или иных исторических ситуаций. Так, белогвардейский юморист Аверченко, озлобленный «почти до умопомрачения», дает тем не менее «высокоталантливую», по определению Ленина, книжку

«Дюжина ножей в спину революции», талантливую в силу ее пронизанности пафосом представителя «старой, помещичьей и фабрикантской, богатой, объевшейся и объедавшейся России».[54] Аверченко отражает реакцию буржуазии на Октябрьскую революцию, выкинувшую этот класс за борт истории.

Несравненно глубже и социально значительнее отражается действительность в творчестве таких идеологов крестьянской революции, как Белинский, Герцен, Чернышевский, народники. Наконец, особенно замечательным примером отражения является творчество Толстого, одна из статей о котором озаглавлена «Лев Толстой, как зеркало русской революции»[55] — «Сопоставление имени великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях».

И в результате блестящего анализа русской политической действительности конца XIX века и начала XX века Ленин приходит к выводу, что «Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».[56] Конечно, Белинский, Герцен, народники, Толстой отражали *разные* этапы борьбы, и Ленин никогда не игнорировал ни внутренних противоречий каждого из них, ни специфики этих этапов.

Теория отражения никогда не означала у Ленина разрыва с историей, она никогда не была абстрактной схемой, открывавшей любую историческую ситуацию одним и тем же ключиком. Наоборот, она всегда служила раскрытию конкретных форм классовой борьбы во всей сложности ее внутренних диалектических противоречий.

> «Мы, — писал он, — вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима *самостоятельная* разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие *руководящие* положения, которые применяются в *частности к* Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России». [57]

Вернемся к теории «двух путей». Ленин не только установил картину исторической борьбы этих двух тенденций, но и наметил зависимость русской литературы от этой борьбы. Ниже мы приведем суждения Ленина о зависимости таких огромных литературных явлений, как Герцен, народничество, Лев Толстой, именно от этих существенных сил, двигавших историю нашей страны. Хотя эта теория непосредственно освещает период от 50-х годов прошлого столетия до революции 1917 года, но в то же самое время она гигантски приближает нас к пониманию более ранних явлений, приблизительно начиная с XVIII века… Наконец, массу света бросает ленинская концепция и на все другие страны (в том числе на их литературное развитие).

> «Как тонко понимал Владимир Ильич, как мертвое и живое, полезное и вредное сочетается в искусстве, видно из его заключений об отдельных писателях».
>
> *(«Ленин в его отношении к науке и искусству»)*

> «Вы должны к материалу, имеющемуся у Маркса и Энгельса, присоединить как непосредственное продолжение то, что писал Ленин о литературе. Потому что мы только тогда будем иметь законченный цикл идей, ибо у Ленина мы имеем применение этих великих мыслей Маркса и Энгельса к следующей стадии, к стадии начала реализации социализма».
>
> *(«Введение в историю английской и германской литератур»)*

Теория «двух путей» красной нитью проходит через всю публицистическую деятельность Ленина, намечаясь уже в раннем

его полемическом произведении «Что такое «друзья народа»…». С наибольшей полнотой она выражена в статье «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов», написанной Лениным в конце 1907 года.

> «Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбежностью кладет конец этим остаткам. В *этом* отношении перед Россией только *один* путь буржуазного развития.
>
> Но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции. < … >
>
> Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа… В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков-юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера.
>
> В экономической истории России совершенно явственно обнаруживаются оба эти типа эволюции. Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояния крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при втором исходе развитие капитализма и развитие производительных сил было бы

шире и *быстрее,* чем при помещичьем исходе крестьянской реформы».[58]

В этих строках содержатся указания исключительной методологической ценности, освещающие исторический процесс всей пореформенной поры. «Борьба крестьянских и помещичьих интересов, которая проходит красной нитью через всю пореформенную историю России и составляет важнейшую экономическую основу нашей революции, есть борьба за тот или другой тип буржуазной аграрной эволюции».[59] Вопрос о том, по какому пути двигаться русскому историческому процессу — по пути «революции» или по пути «реформы», — оставался глубоко актуальным на протяжении всей эпохи развития русского промышленного капитализма и был снят с порядка дня лишь в октябре 1917 года. <…>

Концепция Ленина придает строгое единство всему историческому процессу, имевшему место в нашей стране, и крепко связывает наше настоящее и будущее с нашим прошлым. Наша демократическая тенденция, главной опорой которой, главным фактическим носителем которой являлось разрозненное, невежественное крестьянство, была слаба, хотя она и смогла выдвинуть гигантов в области мысли и литературы. В общем развитие России пошло по прусскому пути, и это определило собою, так сказать, официальное убожество всей нашей культуры, исключением из чего являются только постоянно находящиеся в меньшинстве герои первого пути. <…>

Выводы из теории «двух путей», которые должен сделать для себя литературовед, оказываются чрезвычайно значительными. Вслед за Лениным, подчеркивающим значительность влияния крепостнической части дворянства, сумевшей обкорнать и изуродовать и без того умеренные реформы, литературовед должен будет, во-первых, установить факт наличия в русской литературе околореформенной поры значительной группы писателей — идеологов крепостничества. Этот лагерь не очень многочислен, но в него войдут такие писатели, как Сергей Аксаков, этот прекраснодушный идеализатор феодальных отношений между помещиками и крестьянством («Семейная хроника»), такой зубр феодальной аристократии, как Маркевич, такой реакционный поэт-усадебник, как Фет, и некоторые другие. Это — лагерь людей, отрицавших какой бы то ни было путь капиталистического развития, мечтавших о возвращении к дореформенным социальным отношениям, лагерь защитников реакционной крепостнической утопии. Более широк и влиятелен второй лагерь — либералов, куда войдут и писатели

обуржуазившегося дворянства, и представители буржуазии, вроде Лескова или Гончарова. Ленин — беспощадно боролся с легендой о демократизме либералов, всеми средствами обнажал умеренность всяческих Кавелиных, лицемерно предостерегавших от излишеств революционного движения, а на самом деле по мере своих сил ливших воду на мельницу правительственной реакции. [60] Лагерь сторонников «прусского пути» возглавлялся в русской литературе 60-х годов такими писателями, как Тургенев, как Гончаров. Но, разумеется, идеологи либеральной реформы не переводились в буржуазно-дворянской литературе до самых последних лет существования самого строя. И, наконец, в противовес либеральным сторонникам реформы — лагерь, требовавший полной ликвидации крепостничества, литература «американского пути», объективно отражавшая собой интересы закрепощенного крестьянства. Так намечается дифференциация внутри русской литературы 60-х годов, так вскрываются в ней внутриклассовые противоречия, позволяющие установить пути социальной борьбы. Между Фетом и Тургеневым, бесспорно, существуют разногласия, но и тот и другой оказываются союзниками в борьбе против Чернышевского и народников. В новых формах на новом этапе развития эта борьба двух лагерей остается действенной на протяжении всей последующей поры вплоть до Октябрьской революции. <…>

6. Воззрения Ленина на отдельных русских писателей

Доказывая, что только «социал-демократия» — разумеется, конечно, большевизм — может быть идеологическим гегемоном всего революционного в стране, [Ленин] писал:

> «…Мы хотим указать» что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А* чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель, вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть… да довольно и этого».[61]

Белинский интересует Ленина прежде всего как один из провозвестников демократической мысли. «Его (Белинского. — *А. Л.)* знаменитое «Письмо к Гоголю», подводившее итог

литературной деятельности Белинского, было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору».[62] И для Ленина Белинский совершенно так же, как позднейшие революционные народники, есть выразитель начавшегося протеста и борьбы крестьянства. <…>

Из великих предшественников той- величайшей мировой революции, в которой первую роль сыграл сам Ленин, больше всех уделено внимания А. И. Герцену. О нем он писал чаще всего и ярче всего. При этом повезло и нам, ибо в отзывах Ленина о Герцене дается непревзойденно блестящий образец анализа революционера-писателя, в котором не забыты существенные недостатки его деятельности, но отнюдь не раздуты до таких размеров, чтобы отречься от оставленного предшественником наследства. Мы часто видим теперь, как молодые литературоведы, анализируя того или другого великого передового художника прошлого или настоящего, который не сумел подняться над всеми предрассудками своего класса, не сумел добиться полной чистоты идеологических воззрений, с какой-то особенной страстью стараются подчеркнуть и преувеличить эти недостатки… Такое «левацкое» отношение к наследству столь же вредно, сколь и правоопортунистическое замалчивание недостатков и недомыслий подобных «союзников».

Герцен, как и всякий иной писатель, являлся для Ленина продуктом своего времени. «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела».[63] Статья о великом революционере прошлого, написанная к столетию со дня его рождения, открывается установлением классовой принадлежности Герцена во всей его огромной сложности. «Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века. Дворяне дали России Бирона и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними, — писал Герцен, — развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя… Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание

декабристов разбудило и «очистило» его. В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом».[64]

В социальной личности Герцена положительные черты неразрывно сплетаются с отрицательными. Он почти дошел до диалектического материализма, но остановился, не сумев овладеть его методом. «Эта «остановка» и вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 года. Герцен покинул уже Россию и наблюдал эту революцию непосредственно. Он был тогда демократом, революционером, социалистом. Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою *тогдашнюю* революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий в* социализме». Герцен взят Лениным во всей сложности своих внутренних противоречий. С одной стороны, «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857–1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено».

С другой — в нем сильны реакции старого, оставившие отпечаток на всем его мировоззрении. «Но Герцен принадлежал к помещичьей, барской среде. Он покинул Россию в 1847 г., он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам». Отсюда его бесчисленные слащавые письма в «Колоколе» к Александру II Вешателю, которых нельзя теперь читать без отвращения. Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма *к*

либерализму». Однако Ленин тотчас же оговаривается, что в этих противоречиях ведущим началом была все же его революционность. «Однако справедливость требует сказать, что при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх».[65] И Ленин подтверждает это свое суждение рядом сверкающих цитат из сочинений. Герцена, в которых сказывается его ненависть к господствующему режиму, его презрение к либералам кавелинского и тургеневского типа. Он гневно протестует против желания либералов примазаться к Герцену, расхвалить в нем слабое, замолчать сильное, и в конце своего вдохновенного слова о Герцене он рисует с титаническим мастерством и захватывающей силой картину всего движения от начала дворянской революции до начала пролетарской. «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный, до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году. Следующий начинает расти на наших глазах».[66]

Большим сочувствием Ленина пользовались также Некрасов и Салтыков-Щедрин, два писателя прошлого, как и Герцен, вышедшие из дворянства, но гораздо теснее сомкнувшиеся с рядами борцов за «американский путь». Биографически Некрасов — очень пестрая личность: по происхождению — дворянин, по значительному периоду своей молодости — интеллигент-пролетарий, по своей: журнально-издательской практике — во многом представитель крупнобуржуазных приемов. Тут можно нагородить очень много всякой психологии, и мы вовсе не говорим, что такой подробный разбор формирования личности Некрасова и противоречий уже сформировавшейся личности, которых Ленин отнюдь не отрицает и которые даже подчеркивает, не имеет никакого значения. Но все это в глазах Ленина второстепенно. На первом плане для него стоит то, что Некрасов,

как и Салтыков, — выразители интересов крестьянства, что свой великий талант они развернули, отточили, использовали для защиты «американского пути» развития русской революции.

И Некрасова и Салтыкова-Щедрина Ленин высоко ценил как срывателей масок с крепостнической России. «Еще Некрасов и Салтыков, — писал он в статье «Памяти графа Гейдена», — учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов, а современный российский интеллигент, мнящий себя хранителем демократического наследства, принадлежащий к кадетской партии или к кадетским подголоскам, учит народ хамству и восторгается своим беспристрастием беспартийного демократа. Зрелище едва ли не более отвратительное, чем зрелище подвигов Дубасова и Столыпина…»[67] На творчество Некрасова Ленин опирался и в борьбе против современных либералов. «Дело идет о далеком прошлом. И в то же время тогдашнее и теперешнее отношение либералов («с виду и чиновников душой») к классовой борьбе — явление одного порядка».[68] Или еще более сильная по своей саркастичности цитата из статьи «Еще один, поход на демократию»: «Особенно нестерпимо бывает видеть, когда субъекты, вроде Щепетова, Струве, Гредескула, Изгоева и прочей кадетской братии, хватаются за фалды Некрасова, Щедрина и т. п. Некрасов колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами, но все симпатии его были на стороне Чернышевского. Некрасов по той же личной слабости грешил нотками либерального угодничества, но сам же горько оплакивал свои «грехи» и *публично каялся в* них:

> Не торговал я лирой, но бывало,
> Когда грозил неумолимый рок,
> У лиры *звук неверный* исторгала
> Моя рука…

«Неверный звук» — вот как называл сам Некрасов свои либерально-угоднические грехи. А Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеймил их формулой: «применительно к подлости».[69] Эта цитата чрезвычайно ярко характеризует и Некрасова и Щедрина как союзников революционной крестьянской демократии, возглавляемой Чернышевским. Салтыков-Щедрин происходил из крупного дворянского рода, был крупным царским чиновником, но все это стерто тем великолепным фактом, что Салтыков проникся жгучей

ненавистью и острым презрением к крепостному праву, царизму, бюрократии, что он перенес эти чувства также на всех либеральных болтунов, что он чувствовал глубочайшее уважение к революционерам и что в своих гениальных картинах русской действительности он беспощадно и с непревзойденной меткостью изображал эту действительность, клеймил ее пороки и звал к борьбе с нею.

Салтыков-Щедрин был одним из самых любимых писателей Ленина. Об этом говорят единогласные свидетельства мемуаристов. Никем не пользовался Ленин так часто в качестве источника блестящих беллетристических иллюстраций к своим страстным статьям, как именно Салтыковым. Последний цитируется даже в таких, казалось бы, сугубо исследовательских работах, как «Развитие капитализма в России» или «Аграрный вопрос и «критики Маркса». «Без того, чтобы такую задачу (материалистического истолкования гегелевской диалектики. — *А. Л.)* себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым».[70] «Как это не тошнит людей от этого — употребляю щедринское выражение — языкоблудия?»[71] На страницах сочинений Ленина фигурируют почти все щедринские герои в новых своих политических обличиях. Здесь мы встретим и помпадуров, разглагольствующих на либеральный манер, и Угрюм-Бурчеевых, ставших видными сановниками с черносотенными убеждениями, и Карася-идеалиста, оказавшегося мелким обывателем, и Премудрого пескаря, и забитого и задавленного Конягу-крестьянина. Галерея этих образов заключается красноречивой фигурой Порфирия Головлева… Этот зловещий образ помещика-крепостника у Ленина особенно част. В эпоху подавления революции 1905 года и торжества дворянской реакции Ленин восклицает: «Жаль, что не дожил Щедрин до «великой» российской революции. Он прибавил бы, вероятно, новую главу к «Господам Головлевым», он изобразил бы Иудушку, который успокаивает высеченного, избитого, голодного, закабаленного мужика: ты ждешь улучшения? Ты разочарован отсутствием перемены в порядках, основанных на голоде, на расстреливании народа, на розге и нагайке? Ты жалуешься на «отсутствие фактов»? Неблагодарный! Но ведь это отсутствие фактов и есть факт величайшей важности! Ведь это сознательный результат вмешательства твоей воли, что Лидвали по-прежнему хозяйничают, что мужики спокойно ложатся под розги, не предаваясь зловредным мечтам о «поэзии борьбы».[72] Приводимые нами цитаты — замечательный пример

того, как умел Ленин использовать в своей публицистике образы художественной литературы. В его сочинениях мы найдем массу литературных цитат из Тургенева, Гоголя, Грибоедова, Крылова, народников, Чехова и др. Салтыкову принадлежит среди них первое место, и это, разумеется, всецело должно быть объяснено сатирической остротой творчества этого виднейшего борца за «американский путь».

Особенно значительны были симпатии Ленина к Чернышевскому, публицисту, которого он также неоднократно цитировал в своих сочинениях на текущие политические темы. «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине…»[73]

«Современным «социал-демократам», оттенка Шейдемана или, что почти одно и то же, Мартова, так же претят Советы, их так же тянет к благопристойному буржуазному парламенту, или к Учредительному собранию, как Тургенева 60 лет тому назад тянуло к умеренной монархической и дворянской конституции, как ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского».[74] «Историческая деятельность — не тротуар Невского проспекта, говорил великий русский революционер Чернышевский. Кто «допускает» революцию пролетариата лишь «под условием», чтобы она шла легко и гладко, чтобы было сразу соединенное действие пролетариев разных стран, чтобы была наперед дана гарантия от поражений, чтобы дорога революции была широка, свободна, пряма, чтобы не приходилось временами, идя к победе, нести самые тяжелые жертвы, «отсиживаться в осажденной крепости» или пробираться по самым узким, непроходимым, извилистым и опасным горным тропинкам, — тот не революционер, тот не освободил себя от педантства буржуазной интеллигенции, тот на деле окажется постоянно скатывающимся в лагерь контрреволюционной буржуазии, как наши правые эсеры, меньшевики и даже (хотя и реже) левые эсеры».[75] К этим цитатам — их легко было бы умножить — необходимо присовокупить свидетельство Н. К. Крупской о чрезвычайно положительном отношении Ленина к беллетристике Чернышевского. «…Он любил роман Чернышевского «Что делать?», несмотря на малохудожественную наивную форму его. Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил».[76]

Нет никакого сомнения в том, что в симпатиях Ленина к Чернышевскому была своего рода преемственность двух гениальных революционеров. «Чернышевский заразил его своей непримиримостью в отношении либерализма. Недоверие к либеральным фразам, ко всей позиции либерализма проходит красной нитью через всю деятельность Ленина. Если возьмем сибирскую ссылку, протест против «Кредо», возьмем разрыв со Струве, затем непримиримую позицию, которую Ленин занял по отношению к кадетам, по отношению к ликвидаторам-меньшевикам, которые были готовы пойти на сделку с кадетами, мы видим, что Владимир Ильич держался той же непримиримой линии, которой держался Чернышевский по отношению к либералам, предавшим крестьянство во время реформы 1861 года… Давая оценку буржуазно-либеральному демократизму и демократизму обуржуазившегося народничества 80-х годов, примирившегося с царизмом, Ленин противопоставлял ему демократизм революционного марксизма. Чернышевский дал образец непримиримой борьбы с существовавшим строем, борьбы, где демократизм был неразрывно связан с борьбой за социализм». [77] В лице Чернышевского Ленин чтил одного из упорнейших и славнейших борцов за интересы обманутого крестьянства, и не случайно в своей ранней публицистической работе он раскрывает смысл крестьянской реформы устами Волгина, героя романа Чернышевского «Пролог к прологу», в уста которого Чернышевский вложил свои мысли.[78]

Чрезвычайно высокой была и ленинская оценка русских народников 60-70-х годов. Оценка эта была более положительной, чем оценка Л. Толстого, ибо народники, выражая собою те же крестьянские чаяния, стояли на левом фланге тогдашней общественности. *Это, однако, не мешало Ленину отмечать ту степень двойственности,* произведений этих великих революционных демократов, которая не могла не быть им присуща, ибо лишенной исторической двойственности может явиться только точка зрения пролетариата, а в области художественной литературы — только пролетарская литература. <…>

Народники были вождями крестьянства в том смысле, что они умели в лучшую свою эпоху, до своей легализации и опошления, которое началось уже с Михайловским, представлять интересы крестьянства в несравненно более чистом виде, чем Л, Толстой. Народники были революционно-демократическими представителями крестьянства. В своей статье о Михайловском Ленин даст общую характеристику народников. Из характеристики, которую мы приводим ниже, явствует, что

Михайловский был уже упадочным типом народника, несравненно уступающим великим представителям народничества. Но характеристика эта говорит только об этих отрогах горного хребта революционного народничества, обладавшего такими импонирующими вершинами, как Чернышевский. Ленин много и ожесточенно боролся с эпигонами народничества, всеми средствами охаивавшими марксизм (см. статьи его «Что такое «друзья народа»…», «Экономическое содержание народничества», «От какого наследства мы отказываемся» и др.). Но, разоблачая реакционность этого течения в эпоху возникновения марксизма, он ни в какой мере не склонен был умалять силу той социалистической пропаганды, которую вели в 60-70-е годы эти идеологи крестьянского социализма. Социалистический утопизм мелкобуржуазных революционеров показывает напряженность их оппозиционной мысли и приближает их к нам. Это отразилось на всех высказываниях Ленина о народниках: «Михайловский был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века. Крестьянская масса, которая является в России единственным серьезным и массовым (не считая городской мелкой буржуазии) носителем буржуазно-демократических идей, тогда еще спала глубоким сном. Лучшие люди из ее среды и люди, полные симпатий к ее тяжелому положению, так называемые разночинцы — главным образом учащаяся молодежь, учителя и другие представители интеллигенции, — старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы.

Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью».[79]

Лучшие народники, революционеры типа Чернышевского и Добролюбова, писатели типа Успенского и Салтыкова были непреклонными и непримиримыми сторонниками демократической революции. <…>

К Успенскому Ленин относился с особенной любовью. В «Развитии капитализма в России» дается характеристика Кавказа со ссылкой на очерки этого народника: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами,

стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтичного национального костюма в костюм европейского лакея…»[80]

Ряд образов, взятых из произведений Успенского, бытует в ленинской публицистике: герои «купона», будочник Мымрецов с его девизом «тащить и не пущать», «Иваны Непомнящие» и др. Ленин неоднократно отмечал, что Успенский не только вместе с другими наиболее радикальными народниками был последовательным демократическим революционером, но что он в отличие от народников типа Златовратского, старавшихся в угоду своим чаяниям «препарировать» крестьянство под особым народническим соусом, прекрасно различал расслоение деревни и не только понимал все свойства деревенского кулака, но с величайшей тоской, доведшей его позднее до личной катастрофы, констатировал мелкособственнические тенденции всей толщи крестьянства и в этом отношении становился выше народничества, разлагал его иллюзии, к несчастью, не видя тех новых путей, того «спасения», которое мог принести середняцкому и бедняцкому крестьянству пролетариат. В основе характеристики Успенского лежит та же теория отражения, которая, как мы увидим ниже, применена во всех статьях о Льве Толстом. <…>

Больше всего Ленин отдал внимания творчеству Л. Толстого. Что поражает в самом подходе Ленина к «великому писателю земли Русской»?[81] Мы имеем немало исследований о Толстом, принадлежащих перу марксистов и написанных до и после статей Ленина. Среди них имеются такие ценные произведения, как статьи Плеханова.[82]

Все эти исследователи подходили, конечно, к Толстому с классовой точки зрения. Но как понимали они эту классовую точку зрения? Они видели в Толстом прежде всего представителя аристократического дворянства и пытались вывести толстовство исключительно из условий дворянского разорения и дворянской реакции на наступление капитала. «Мужиковство» Толстого являлось для них родом чудачества, своего рода утопической, заранее приготовленной позицией защитника барства, вынужденного отказаться от защиты первой оборонительной линии, то есть усадебной культуры и социального руководства класса помещиков. Конечно, во всем этом есть немалая доля истины. Такая точка зрения гораздо выше, чем попытка объяснить Толстого и толстовство «движением человеческой совести», или объявить их результатом исключительной личной гениальности,

или, как пытались в последние годы сделать формалисты, вывести творчество Толстого из формальных и бытовых условий современной ему литературной жизни. Но и эта относительно правильная точка зрения представляется бледной и тусклой, когда сравниваешь ее с гениальным анализом Ленина. Благодаря Ленину Толстой не то чтобы перестал быть для нас отпрыском дворянства, но, вставляя это свое качество как мало серьезный исходный момент за собою, в исполинском росте своего творчества он оказался в глубоком соответствии с великим социальным моментом, которым это творчество определилось, и исполинскими размерами того, правда, противоречивого в своем сознании и неорганизованного класса, выразителем которого на самом деле явился этот «граф». «Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его миросозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь».[83] Социальный факт, лежавший в основе творчества Толстого, это, по Ленину, вея смена старой феодальной крепостнической России Россией капиталистической, а класс, который всей своей социальной психологией определил монументальную и в то же время глубоко противоречивую, одновременно революционную и реакционную идеологию Л. Толстого, это — крестьянство.

Ленин посвятил Толстому немало работ. Тут мы найдем статью «Лев Толстой, как зеркало русской революции», напечатанную первоначально в органе Петербургского и Московского комитетов РСДРП «Пролетарий» в Женеве в 1908 году, затем замечательный некролог Толстого, появившийся непосредственно после смерти великого писателя в центральном органе РСДРП «Социал-демократ» (обе статьи помещены без подписи), статью «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», напечатанную в газете «Наш путь» в 1910, «Герои «оговорочки», опубликованную в том же году в журнале «Мысль», клеймящую заигрывания с Толстым меньшевиков-ликвидаторов, которые оставили «поразительные образчики… беспринципности»[84], статью «Л. Н. Толстой и его эпоха», в некоторой степени резюмирующую идею Ленина о Толстом и

появившуюся в 1911 году в журнале «Звезда».

Из соображения большей стройности изложения взглядов Ленина на Толстого, имеющих огромное значение для дальнейших путей всего литературоведения, мы остановимся вначале на этой последней статье. Здесь мы читаем: «Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 года. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

> «…Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким… теперь для Левина казались одни важными. «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России», — думал Левин».
>
> «У нас теперь все это переворотилось и только укладывается», — трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861–1905 годов (так комментирует Ленин в своей статье мысли толстовского героя. — *А. Л.)*. То, что «переворотилось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот «только укладывающийся» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого, строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать принципиально. Подобно народникам, он не хочет

видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861–1905 годов (да к для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов».[85]

Совершенно определенно подчеркивая, что учение Толстого надо считать социалистическим, Ленин в то же время, однако, считает его утопическим и реакционным. «<…>

«Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, к*акие* общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки». «Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов».

В этой же статье, написанной уже после того, как всевозможные либералы, народники и мистики пытались использовать большое движение, вызванное смертью Льва Толстого, в своих целях, Ленин особенно резко подчеркивает, что значение социального содержания толстовства относится к прошлому и что для настоящего *вся* сущность этого *учения* является отрицательной, а всякое кокетничанье с толстовством

является для сторонника пролетарского миросозерцания настоящим преступлением. «Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узкоклассовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии, — когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение, в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. д. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред».[86]

Статья «Толстой и его эпоха» дает твердое и ясное резюме, общую оценку Толстого как со стороны генетической, то есть с точки зрения сил, породивших творчество Толстого, так и с точки зрения функциональной, то есть в смысле того действия, которое сочинения Толстого могли иметь в разные эпохи своего существования. Это, однако, не значит, чтобы другие статьи Ленина были, так сказать, покрыты и сняты вышеуказанной статьей. Содержание их богато и нуждается в особом изучении. Первая по времени напечатанная статья «Лев Толстой, как зеркало русской революции» идет несколько иным путем, чем только что цитированная. В последней резюмирующей статье Ленин исходит из определения и характеристики эпохи. Методологически он учит здесь при подходе к действительно крупному и социально значительному литературному явлению — установить точно его живую, общественную хронологию, то есть ту связь социальных явлений, которая является исторической почвой исследуемого объекта. Далее, надо ухватить основное звено в этом переплете событий и найти, как именно оно, это доминирующее звено, отразилось в доминирующих же чертах идеологии, а тем самым, конечно и форме исследуемых произведений. Но как раз практика первой статьи Ленина о Толстом учит о возможности иного подхода. Здесь Ленин начинает с гениального анализа структуры самого творчества Толстого, вскрытия его основного характера и его основных

противоречий, и, уже отсюда исходя, делается экскурсия в область тех социальных условий, которые породили и не могли не породить такой результат.

Он начинает с изложения противоречий, заложенных в учении Толстого: нельзя, не удастся *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия «толстовщины», какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?

Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащи. С одной стороны, гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, «толстовец», т. е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий; но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны, — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; — с другой стороны, проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религии, стремление поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению, т. е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины. Поистине:

> Ты и убогая, ты и обильная,
> Ты и могучая, ты и бессильная —
> Матушка Русь!

Отметив далее, что в этой странной мешанине никоим образом нельзя видеть зеркала русской рабочей революции, Ленин ищет, какая же именно революция отразилась в этом мутном и неровном зеркале, и говорит: «…Противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех

противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века… Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой». Основным двигателем толстовского творчества является, по Ленину, протест «против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Этим определяется и значение писателя. «Толстой смешок, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества, — и поэтому совсем мизерны заграничные и русские «толстовцы», пожелавшие превратить в догму как раз самую слабую сторону его учения. Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России. Толстой оригинален, ибо совокупность его взглядов, взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской* буржуазной революции».[87] Протест этот породнил его с крестьянством, и могучая стихия крестьянских настроений овладела Толстым.

Но являются ли эти позиции подлинно революционными? Нет, они двойственны, и раскрытие последнего производится Лениным при помощи того же диалектического анализа. «С одной стороны, — говорит Ленин, — века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости:». — «С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции буржуазия и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы». Лишь небольшая часть крестьянства резрешила эти противоречия в революционную сторону. «Большая часть крестьянства плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала «ходателей», — совсем в духе Льва Николаевича Толстого!»[88] И резюме: «Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему,

желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости».

Наиболее тепло, наиболее положительно для Толстого написан Лениным его некролог. Было бы, однако, огромной ошибкой представлять себе, будто, растроганный, так сказать, фактом смерти великого старца, Владимир Ильич немножко перегнул палку в сторону положительной оценки. Эта оценка, как и все другие у Ленина, многостороння и диалектична. Если в цитированной нами выше последней статье Ленина о Толстом особенно подчеркнуто предостережение от увлечений толстовством в какой бы то ни было дозе, то из этого всего не следует, что этим самым зачеркиваются те высокие похвалы, та высокая оценка *художественных* произведений Толстого, которая дана в некрологе. Автор «Анны Карениной» и народных рассказов рисует «Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».[89]

> «…мастерство заключается в полнейшей адекватности формы содержанию и, стало быть, в величайшем уяснении данного содержания. Идти дальше этого и снижать содержание — это значит идти вопреки здравому смыслу, истинным интересам масс, прямым указаниям Ленина. Это значило бы вступить на путь ложной простоты и писать, вульгаризируя.
>
> Однако еще более страшным врагом мастерства, чем ложная простота, является ложная сложность. Ложная цветистость, ложная замысловатость несовместимы с мастерством. Правда, кокетничающих авторов, умеющих создать внешнее, поверхностное, декоративное, блестящее произведение, называют мастерами, но кто называет их мастерами? — люди, у которых уже выхолощено чувство содержания, которые живут формой».
>
> *(«Мысли о мастерстве»)*

Эта оценка содержит утверждение огромной методологической ценности. «Шаг вперед в художественном развитии всего человечества» признается здесь результатом двух факторов. Основным является гигантский материал, так сказать, напрашивающийся на то, чтобы быть художественно выраженным. Такого порядка великий общественный материал, имеющий общечеловеческую ценность, как видно из слов Ленина, оказывается налицо там, где в широкой мере подготовляется глубокая революция. Вторым фактором является «гениальное освещение», то есть высокое художественное оформление этого материала. Отсюда можно сделать такой вывод: если налицо дан биологический гений, то есть вся та сумма природных дарований, которой, скажем, обладал Л. Толстой, но не дан великий социальный материал, — то человеческое искусство не сделает шага вперед: в лучшем случае мы будем иметь искусного мастера формы, который повторит какие-нибудь зады или, за отсутствием содержания, пустится в формальные изощрения. Ну, а если великое содержание дано, а нет подходящего гения? Такая постановка вопроса неправильна. Во-первых, как видно уже из высказываний самого Ленина, не один Толстой воспользовался вышеуказанным великим материалом: если называть только писателей первоклассных, то, не отходя от характеристик самого Ленина, можно указать на Салтыкова-Щедрина и на Глеба Успенского. Вообще же вопрос о наличии гениального рупора для уже складывающегося в недрах общества нового образа мыслей и чувств разрешается тем обстоятельством, что биологически количество талантливости, количество дарований с точки зрения натуральной должно быть во всякую данную эпоху приблизительно равным, но только эпохи глухие, серые приводят большинство своих дарований к увяданию, эпохи же яркие, революционные (в особенности в период подготовки революции), когда художественно-идеологические формулировки оказываются единственно возможными, так как для активного политического творчества в широких формах время еще не пришло, выделяют особо большое количество талантов, богато оплодотворенных самой эпохой.

Дальше следуют у Ленина многознаменательные строки во славу Толстого: «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех,* нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения,

которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования».[90]

В то же самое время Ленин ни на мгновение не закрывает глаз на ограниченность Толстого. Он говорит: «Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

В некрологе мы еще имеем одно чрезвычайно важное для всего нашего литературоведения положение. «…Правильная оценка Толстого, — пишет Ленин, — возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, — доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, — возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата».[91]

Нельзя не привести здесь довольно большую цитату из статьи «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», в которой в несколько скрытой форме заложено учение Ленина о взаимоотношении общественного содержания и художественной формы в литературном творчестве. Ленин говорит: «Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью,

искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого».[92]

В этой замечательной цитате надо различать две мысли: Толстой отражает настроение тех, выразителем кого он является «так верно», что даже портит с идеологической точки зрения свое учение, ибо протест оказывается у него сплетенным с отчаянием в отличие от рабочего движения, полного протеста, но чуждого отчаяния. Конечно, с точки зрения общественного содержания, с точки зрения революционности эффекта, чистоты воздействия, такая «верность» печальна. Но эта же «верность» дает Толстому «силу чувства, страстность, убедительность, свежесть, искренность, бесстрашие», а все это, по мнению Ленина, и является главной заслугой Толстого, ибо «критика Толстого не нова», то есть, изложи Толстой свою критику без этой силы страсти — он ничего не прибавил бы к культуре. При наличии же силы страсти «не новая», но чрезвычайно значительная «критика» его оказалась «шагом вперед в художественном развитии всего человечества». От читателя не ускользает вся огромная важность этого суждения Ленина.

Статьи Ленина о Толстом нуждаются в особенно пристальном рассмотрении: они дают во всем главном исчерпывающее истолкование такого гигантского литературного и общественного явления, как творчество и учение Толстого, представляя собою блистательный образец применения ленинского метода к литературоведению. <…>

7. Высказывания Ленина на литературные темы

Каковы были *литературные вкусы* Владимира Ильича? В ряде мемуаров о Ленине по этому поводу сохранились интересные свидетельства, относящиеся к бытности Ленина в ссылке. «По вечерам, — пишет, например, Н. К. Крупская, — Владимир Ильич обычно читал или книжки по философии — Гегеля, Канта, французских материалистов, или — когда очень устанет —

Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Когда Владимир Ильич впервые появился в Питере и я его знала только по рассказам, слышала я от Степана Ивановича Радченко, что Владимир Ильич только серьезные книжки читает, в жизни не прочел ни одного романа. Я подивилась; потом, когда мы познакомились ближе с Владимиром Ильичем, как-то ни разу не заходил у нас об этом разговор, и только в Сибири я узнала, что все это чистая легенда. Владимир Ильич не только читал, но много раз перечитывал Тургенева, Л. Толстого, «Что делать?» Чернышевского, вообще прекрасно знал и любил классиков. Потом, когда большевики стали у власти, он поставил Госиздату задачу — переиздание в дешевых выпусках классиков».[93]

В другом месте своих воспоминаний она говорит: «…В Сибири узнала я, что Ильич не меньше моего читал классиков, не только читал, но и перечитывал не раз Тургенева, например. Я привезла с собою в Сибирь Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Владимир Ильич положил их около своей кровати, рядом с Гегелем, и перечитывал их по вечерам вновь и вновь. Больше всего он любил Пушкина. Но не только форму ценил он. Например, он любил роман Чернышевского «Что делать?». Впрочем, он любил весь облик Чернышевского, и в его сибирском альбоме были две карточки этого писателя, одна надписанная рукой Ильича, — год рождения и смерти. В альбоме Ильича были еще карточки Эмиля Золя, а из русских — Герцена и Писарева. Писарева Владимир Ильич в свое время много читал и любил. Помнится, в Сибири был также «Фауст» Гете на немецком языке и томик стихов Гейне».

Ленин особенно ценил крепкий социальный реализм, дающий художественно сгущенное изображение общественных явлений через их типично выразительные примеры. Так, т. Крупская пишет: «Возвращаясь из Сибири, в Москве Владимир Ильич ходил раз в театр, смотрел «Извозчик Геншель», потом говорил, что ему очень понравилось. В Мюнхене из книг, нравившихся Владимиру Ильичу, помню роман Гергарда „Bei Mama"(«У мамы»), и „Buttnerbauer"(«Крестьянин») Поленца». Но и монументальный символизм, который возвышает ту же социальную действительность через художественное сгущение до обобщающих кристаллов, почти, можно сказать, до художественной абстракции, не был чужд Ленину. Так, т. Крупская свидетельствует, что Ленин в бессонные ночи зачитывался Верхарном. Сюда же относится, по моему мнению, тот факт, что, попав на немецкое и довольно слабое представление «Живого трупа» Толстого, Ильич, по свидетельству т. Крупской, «напряженно и взволнованно следил за игрой». Уже

больным Ленин с особым удовольствием слушал рассказы Джека Лондона, когда они были полны истинного пафоса, и смеялся над ними, когда в них проявлялся ложный, мещанский сентиментализм. <…>

Скажем здесь несколько слов о глубочайшей простоте ленинской *манеры изложения,* простоте, неразрывно соединявшейся с убедительностью. Ленин с негодованием относился ко всякому сюсюканию с рабочими, к замене серьезного обсуждения вопроса «прибаутками или фразами». В речах и статьях Ильича рабочие всегда видели, что Ильич, как выразился один рабочий, говорит с ними «всерьез». *«…Главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до «рабочей массы», как хотят «экономисты», непременно до «рабочих-середняков», как хочет «Свобода» (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической «педагогики»). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогики к вопросам… организации. Ведь вы, господа, радетели о «рабочем-середняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуться,* прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись, и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам!».[94]

Через три года (в июне 1905) Владимир Ильич вновь возвратился к затронутому им в «Что делать?» вопросу и писал: «В политической деятельности социал-демократической партии всегда есть и будет известный элемент педагогики: надо воспитывать весь класс наемных рабочих к роли борцов за освобождение всего человечества от всякого угнетения, надо постоянно обучать новые и новые слои этого класса, надо уметь подойти к самым серым, неразвитым, наименее затронутым и нашей наукой и наукой жизни представителям этого класса, чтобы суметь заговорить с ними, суметь сблизиться с ними, суметь выдержанно, терпеливо поднять их до социал-демократического сознания, не превращая наше учение в сухую догму, уча ему не одной книжкой, а и участием в повседневной жизненной борьбе этих самых серых и самых неразвитых слоев пролетариата. В этой повседневной деятельности есть, повторяем, известный элемент педагогики. Социал-демократ, который забыл бы об этой деятельности, перестал бы быть социал-демократом.

Это верно. Но у нас часто забывают теперь, что социал-демократ, который задачи политики стал бы сводить к педагогике, тоже — хотя по другой причине — перестал бы быть социал-демократом. Кто вздумал бы из этой «педагогики» сделать особый лозунг, *противопоставлять* ее «политике», строить на этом противопоставлении особое направление, апеллировать к массе во имя этого лозунга против «политиков» социал-демократии, тот сразу и неизбежно опустился бы до демагогии».[95] Это лишь пояснение того, что сказано было раньше и что определяет требования Ильича к популярной литературе. <…>

Исключительную ценность для характеристики ленинских воззрений на литературу, искусство и на литературную политику партии имеют его разговоры с Кларой Цеткин. Не говоря уже о том, что т. Клара Цеткин является свидетелем, заслуживающим всяческого доверия, пишущий эти строки позволяет себе сделать еще следующее замечание. Работая несколько лет в области культуры под непосредственным руководством Ленина, он, разумеется, имел несколько широких и глубоких бесед с великим вождем по вопросам культуры в целом, по вопросам народного образования в частности, а также искусства и художественной литературы. Он не может разрешить себе излагать эти беседы. Авторитет Ленина неизмерим; было бы преступлением освятить этим авторитетом какой-нибудь субъективный взгляд, который прокрался бы в такое изложение, сделанное на основании воспоминаний без точных записей на расстоянии многих лет. Но автор этой статьи может с уверенностью сказать, что мысли Ленина по этому предмету, излагаемые в нижеследующих цитатах из воспоминаний о нем Клары Цеткин, находятся в полном соответствии с тем, что сохранилось в его воспоминании, как подлинные руководящие директивы Ленина. Вот что передает нам Клара Цеткин: «Пробуждение новых сил, работа их над тем, чтобы создать в Советской России новое искусство и культуру, — сказал он, — это хорошо, очень хорошо. Бурный темп их развития понятен и полезен. Мы должны нагнать то, что было упущено в течение столетий, и мы хотим этого. Хаотическое брожение, лихорадочные искания новых лозунгов, лозунги, провозглашающие сегодня «осанну» по отношению к определенным течениям в искусстве и в области мысли, а завтра кричащие «распни его», — все это неизбежно. Революция развязывает все скованные до того силы и гонит их из глубин на поверхность жизни. Вот вам один пример из многих. Подумайте о том влиянии, которое оказывали на развитие нашей живописи, скульптуры и архитектуры мода и прихоти царского двора, равно как вкус и причуды господ аристократов и буржуазии. В обществе,

базирующемся на частной собственности, художник производит товары для рынка, он нуждается в покупателях. Наша революция освободила художников от гнета этих весьма прозаических условий. Она превратила Советское государство в их защитника и заказчика. Каждый художник, всякий, кто себя таковым считает, имеет право творить свободно, согласно своему идеалу, независимо ни от чего».

«Но понятно, — добавил сейчас же Ленин, — мы — коммунисты. Мы не должны стоять сложа руки и давать хаосу развиваться, куда хочешь. Мы должны вполне планомерно руководить этим процессом и формировать его результаты».[96] (Разрядка здесь и дальше наша. — *А. Л.)*.

Затем следует интересное изложение мыслей Ленина об устойчивых достижениях человеческого искусства, о лучших результатах наиболее зрелых эстетических эпох в истории человечества и о современных исканиях упадочной буржуазии. По этому поводу у нас еще до сих пор имеются разногласия. Важно констатировать, что думал по этому поводу и как чувствовал в этом отношении наш вождь. Я должен тотчас же оговориться: в конкретных вопросах искусства, в вопросах вкуса Ленин был до чрезвычайности скромен. Всякое свое суждение он обыкновенно сопровождал словами: «Я тут совсем не специалист» или: «это мое личное мнение: легко может быть, что я ошибаюсь». Вместе с тем я должен подчеркнуть, что лично я питаю огромное доверие к вкусу Владимира Ильича.

Ленин говорил т. Цеткин:

> «Мы чересчур большие «ниспровергатели в живописи». Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития только на том основании, что оно «старо»? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо покориться только потому, что «это ново»?.. Бессмыслица, сплошная бессмыслица.
>
> Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе. Мы хорошие революционеры, но мы чувствуем себя почему-то обязанными доказать, что мы тоже стоим «на высоте современной культуры». Я же имею смелость заявить себя «варваром». Я не в силах считать произведения экспрессионизма, футуризма, кубизма и

прочих «измов» высшим проявлением художественного гения.

Я их не понимаю. Я не испытываю от них никакой радости».[97]

Но, быть может, всего важнее то, что высказал Ленин т. Цеткин об общей социальной роли искусства:

«…Важно не наше мнение об искусстве. Важно также не то, что дает искусство нескольким сотням, даже нескольким тысячам общего количества населения, исчисляемого миллионами. Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широчайших народных масс. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их. Должны ли мы небольшому меньшинству подносить сладкие, утонченные бисквиты, тогда как рабочие и крестьянские массы нуждаются в черном хлебе? Я понимаю это, само собою разумеется, не только в буквальном смысле слова, но и фигурально: мы должны всегда иметь перед глазами рабочих и крестьян. Ради них мы должны научиться хозяйничать, считать. Это относится также к области искусства и культуры».

Приведем еще одно замечательное место из воспоминаний т. Цеткин, из которого ясно видно, что Ленин вовсе не думал, будто бы социалистическое искусство ограничится какими-то примитивными формами, якобы соответствующими слабой культурной подготовке масс. «Кто-то из нас, не помню, кто именно, заговорил по поводу некоторых особенно бросающихся в глаза явлений из области искусства и культуры, объясняя их происхождение «условиями момента».

Ленин на это возразил:

«Знаю хорошо! Многие искренне убеждены в том, что panem et cirenses («хлебом и зрелищами») можно преодолеть трудности и опасности, теперешнего периода. Хлебом — конечно! Что касается зрелищ, — пусть их! Не возражаю. Но пусть при этом не забывают, что зрелища — это не настоящее большое искусство, а скорее более или менее красивое развлечение. Не надо при этом забывать, что наши рабочие и крестьяне нисколько не напоминают римского люмпен-пролетариата. Они не содержатся на счет государства, а

содержат сами трудом своим государство. Они «делали» революцию и защищали дело последней, проливая потоки крови и принося бесчисленные жертвы. Право, наши рабочие и крестьяне заслуживают чего-то большего, чем зрелищ. Они получили право на настоящее великое искусство. Потому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое великое коммунистическое искусство, которое создаст форму соответственно своему содержанию. На этом пути нашим «интеллигентам» предстоит разрешить благородные задачи огромной важности. Поняв и разрешив эти задачи, они покрыли бы свой долг перед пролетарской революцией, которая и перед ними широко раскрыла двери, ведущие их на простор из тех низменных жизненных условий, которые так мастерски охарактеризованы в «Коммунистическом манифесте».[98]

Вот гордый и блистательный завет Ленина искусствоведам и художникам, литературоведам и писателям.

8. Ленин и современное марксистское литературоведение

<…> Заветы Ленина современному литературоведению ни в коей мере не академичны. Искусство для него никогда не было самоцелью; как мы видели выше, он ставил перед ним задачу «объединять чувство, мысль и волю масс, подымать их» (из воспоминаний Кл. Цеткин). За такое воинствующее, боевое, партийное искусство Владимир Ильич боролся с величайшей энергией. Прекрасным свидетельством этой борьбы является его статья «Партийная организация и партийная литература», относящаяся к эпохе первой революции (1905 г.). Поводом для написания этой статьи было желание упорядочить политическую литературу партии, ее публицистику, ее научные издания и пр. Но, разумеется, объективное значение статьи выходит за эти рамки, и суждения Ленина прекрасно применяются ко всей художественной литературе той поры. «Литература, — писал Ленин, — может теперь, даже «легально» быть на 9/10 партийной. Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам, в противовес буржуазной предпринимательской, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному

карьеризму и индивидуализму, «барскому анархизму» и погоне за наживой, — социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы,* развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для социалистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее

контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает».[99]

Отмежевываясь от «полу-азиатского» прошлого русской литературы, Ленин сейчас же проводит резкую границу, которая не позволила бы нам пойти по не менее грязным путям западной буржуазной литературы. Он посвящает этой проблеме блестящие строки:

> «Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма».[100]

По этому поводу Ленин дает гневную, яркую, по совершенству своей формы, можно сказать, классическую характеристику буржуазной «свободной» литературы:

> «…Господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель, от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках[101] и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или

анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, о*ткрыто* связанную с пролетариатом литературу.

Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идеи социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность. Это будет свободная литература, оплодотворяющая последнее слово революционной мысли человечества опытом и живой работой социалистического пролетариата, создающая постоянное взаимодействие между опытом прошлого (научный социализм, завершивший развитие социализма от его примитивных, утопических форм) и опытом настоящего (настоящая борьба товарищей рабочих)».[102]

Несмотря на то что со времени написания этой статьи прошло больше четверти века, она до сего времени ни на йоту не потеряла своего глубочайшего значения. Более того, основной принцип партийности литературы, служащей делу социалистического переустройства мира, в настоящее время так же актуален, как и развернутая в статье жесточайшая критика буржуазной литературы, как и пламенная характеристика будущей социалистической литературы, служащей миллионам и десяткам миллионов трудящихся. <…>

Марксистско-ленинское литературоведение переживает в настоящее время этап бурного роста. В его борьбе против различных идеалистических и механистических систем, равно как

и в его позитивной исследовательской работе, ленинское наследство является надежнейшим компасом. Излишне говорить, что мы имеем здесь в виду *все* ленинское наследство во всем его объеме, начиная от философских тетрадей и исторических исследований и кончая высказываниями на темы пролетарской культуры или литературы, часто таящими в себе замечательные оценки явлений, которые должны лечь в основу специальных исследований.

[1932]

Работы А.В. Луначарского о Ленине

Список основных публикаций

Сборники

Великий переворот. (Октябрьская революция). Ч. 1. Пб., Издательство З. И. Гржебина, 1919.

Революционные силуэты. М., «Девятое января», 1923. Издание 2-е, ГИЗ Украины, 1924.

Ленин. (Очерки). М., «Красная новь», 1924.

Ленин и просвещение. М., «Красная новь», 1924.

Партия и революция. «Новая Москва», 1924.

О Владимире Ильиче. М., Партиздат, 1933.

Ленин и литературоведение. М., «Советское литературоведение», 1934.

Рассказы о Ленине. М., Госполитиздат, 1959.

Ленин и народное образование. М., Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1960.

Силуэты. М., «Молодая гвардия», 1965.

Воспоминания и впечатления. М., «Советская Россия», 1968.

Ленин и Луначарский. Переписка, доклады, документы. М., «Наука», 1971 — (Литературное наследство, т. 80).

Отдельные работы

А. В. Луначарский. Человек нового мира. М., Издательство АПН, 1976.

Смольный в великую ночь. «Пламя», 1918, № 27, с. 14–15.

Монументальная агитация. «Северная коммуна», 1918, 5 июля.

Владимир Ильич Ленин. В книге: Великий переворот. (Октябрьская революция). Ч. 1, Пб., 1919, с. 58–72.

Выступление на митинге 13 марта 1919 г. в связи с приездом В. И. Ленина в Петроград. «Северная коммуна», 1919, 14 марта, с. 1.

Вождь пролетарской революции. «Красноармеец», 1920, № 21–22, с. 13–14.

Историческое заседание. Открытие II съезда Советов 25 октября 1917 г. «Красноармеец», 1920, № 28–30, с. 16–18.

Речь на празднике в честь В. И. Ленина в помещении Московского комитета РКП(б) 23 апреля 1920 г. В книге: 50-летие Владимира Ильича Ульянова-Ленина. М., 1920, с. 17–22.

Здоровье вождя и его участие в работе. «Красное знамя»

(Томск), 1923, 30 мая, с. 4.

Тов. Ленин о задачах просвещения. «Известия», 1923, 5 января, с. 1.

Без Ленина — по пути ленинизма. «Учительская газета», 1924, 7 ноября, с. 1.

Борец за счастье человечества. «Гудок», 1924, 27 января, с. 2.

В. И. Ленин. М., Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, 1924.

В. И. Ульянов (Н. Ленин) — организатор рабочей печати. «Красная Татария» (Казань), 1924, 4 июня, с. 4.

Владимир Ильич и народное просвещение. «На путях к новой школе», 1924, № 1, с, 7-14.

Владимир Ильич Ленин. «Красная нива», 1924, № 5, с. 108–115; № 7, с. 154–158.

Доклад на вечере представителей профсоюзных организаций в Колонном зале Дома Союзов, посвященном памяти В. И. Ленина. «Рабочая Москва», 1924, 5 февраля.

Заветы Ильича и художественное образование. В книге: Луначарский А. В. Ленин и просвещение. М., 1924, с. 19–38.

Ленин. «Народный учитель», 1924, № 2, с. 9-11.

Ленин. «Печать и революция», 1924, № 1, с. 1-20.

Ленин — вождь рабочих и крестьян. «Нижегородская коммуна», 1924, 7 марта, с. 3.

Ленин и задачи просвещения. «Нижегородская коммуна», 1924, 4 марта, с. 3.

Ленин и Запад. В книге: Великий вождь. М., 1924, с. 167–169.

Ленин и искусство. (Воспоминания). «Художник и зритель», 1924, № 2–3, с. 5-10.

Ленин и меньшевизм. «Агитатор — пропагандист» (Владимир), 1924, № 18, с. 3–5.

Ленин и молодежь. В книге: Ленин. (Очерки). М., 1924, с. 24–43.

Ленин и Октябрь. «Красная нива», 1924, № 44.

Ленин и советское просвещение. «Трудовая правда» (Пенза), 1924, 17 февраля, с. 2.

Ленин как ученый и публицист. М., «Работник просвещения», 1924.

Ленин — человек. «Красная газета. Вечерний выпуск», 1924, 23 апреля, с. 1.

К характеристике Октябрьской революции. (Раздел «С Ильичем или бел Ильича?»). М., Госиздат, 1924, с. 28–31.

Речь на открытии памятника В. И. Ленину в фойе Большого театра. «Новая рампа», 1924, № 13, с. 13.

Речь на траурном заседании пленума Московского Совета,

посвященном памяти В. И. Ленина. «Правда», 1924, 8 февраля, с. 3.

Речь перед симфоническим концертом памяти В. И. Ленина в Большом театре. «Известия», 1924, 13 февраля с. 2.

РКП(б) и Ленин. «Нижегородская коммуна», 1924, 6 марта, с. 3.

Большевики в 1905 году. «Пролетарская революция», 1925, № 11.

Беседа с Лениным о кино. В книге: Болтянский Г. 281.Ленин и кино. М.-Л., 1925, с. 16–19.

Ленин о науке и искусстве. «Народное просвещение», 1925, № 1, с. 13–32.

Ленин и наука. «Ленинградская правда», 1925, 8 сентября, с. 5.

К 200-летию Всесоюзной Академии наук. «Новый мир», 1925, № 10.

Что такое ленинизм? «Орловская правда», 1925, 29 марта, с. 3; 1 апреля, с. 3.

Ильич и Первое мая. «Красная газета», 1926, 1 мая, с. 2.

К характеристике Ленина как личности. «Известия», 1926, 22 января, с. 3.

Ленин и ленинизм. «Правда», 1926, 22 января, с. 3.

Ленин и ленинизм. «Красная газета. Вечерний выпуск», 1926, 8 февраля, с. 2.

Ленин и молодежь. «Комсомольская правда», 1926, 21 января, с. 2.

По поводу письма Ленина. «Комсомольская правда», 1926, 21 января, с. 2.

Приезд Ленина. Несколько воспоминаний. «Красная газета», 1926, 16 апреля, с. 2.

Стокгольмский съезд. «Пролетарская революция», 1926, № 5, с. 94–100.

9 января и ленинская эмиграция. «Бакинский рабочий», 1927, 21 января, с. 3.

Ленин в Совнаркоме. Из воспоминаний о Ленине. «Вечерняя Москва», 1927, 21 января, с. 1.

Ленин и культурность. «Красная газета. Вечерний выпуск», 1927, 21 января, с. 2.

Свержение самодержавия. «Наша газета», 1927, 11 марта. Народный учитель. «Учительская газета», 1927, 27 марта, с. 1,

Письма из Швейцарии. Опять в Женеве. «Комсомольская правда», 1927, 13 декабря, с. 2–3.

Просвещение масс — завет Ленина. «Красная нива», 1927, № 4, с. 2.

Учитель народных масс. «Народное просвещение», 1927, № 1, с. 3–4.

Бессмертие Ленина. «Вечерняя Москва», 1928, 20 января, с. 1.

Воспоминания о фронте. «Красная газета. Вечерний выпуск», 1928, 23 февраля, с. 5.

II съезд РСДРП. «Вечерний Киев», 1928, 20 июля, с. 3; 21 июля, с. 3.

Из октябрьских воспоминаний. «Вечерняя Москва», 1928, 6 ноября, с. 2.

Ленин. «Красная панорама», 1928, № 3, с. 3.Ленин и Плеханов. «Прожектор», 1928, № 23, с. 5–7.

Ленин и Раскольников о Толстом. «Красная Новь», 1928, № 9, с. 274–281.

Ленин и Толстой. «Вечерняя Москва», 1928, 7 февраля, с. 1.

Ленин о Толстом. «Красная панорама», 1928, № 36, с. 2–3.

Всегда с Лениным. «Вечерний Киев», 1929, 21 января, с. 1.

Ленин и культура. (Культура у нас и на Западе). «Известия», 1929, 17 января, с. 3.

Ленинская культура. «Комсомольская правда», 1929, 20 января, с. 1.

Один из культурных заветов Ленина. «Вечерняя Москва», 1929, 21 января, с. 2.

Предисловие к книге: М. И. Беккер. Ленин в художественной литературе. М., 1929, с. 3–7.

Предисловие к книге: Ленин и искусство. Литература, музыка, театр, кино, изо. Л.-М., 1929, с. 3–5.

Пять лет без Ленина. «Красная газета», 1929, 20 января, с. 3.

Из воспоминаний о Ленине в 1905 году «Пролетарская революция», 1930, № 2–3, с. 82–90.

Исторические дни. «30 дней», 1930, № 2, с. 2.

Ленин и культура. «За коммунистическое просвещение», 1930, 22 апреля, с. 2.

Ленин о культуре. «Красная газета. Вечерний выпуск», 1930, 22 апреля, с. 2.

Лондонский съезд. «30 дней», 1930, № 4, с. 11–13.

Самое дорогое имя для человеческой науки. «Вечерняя Москва», 1931, 21 января, с. 2. (Великий революционер — великий ученый).

К столетию Александрийского театра. «Рабочий и театр», 1932, № 25–26, с. 4–7.

Ленин и литературоведение. Литературная энциклопедия. Т. 6, 1932, стб. 194–260.

Ленин о монументальной пропаганде. «Литературная газета», 1933, 29 января, с. 3.

Ленин из красного мрамора. «Советское искусство», 1934, 2 января, с. 1.

[Прощание]. Из неизданных воспоминаний о В. И. Ленине. «Литературное наследство, г. 80.

В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы». — М., «Наука», 1971, с. 729–735

Комментарии

Вождь пролетарской революции*

Статья опубликована в журнале «Красноармеец», 1920, № 21–22. Номер посвящен 50-летию со дня рождения В. И. Ленина. С незначительными сокращениями печаталась под тем же заголовком в журнале «Октябрь», 1963, № I.

Владимир Ильич Ленин*

Очерк впервые опубликован в 1919 году в книге «Великий переворот. (Октябрьская революция)», вышедшей в частном издательстве Гржебина. После незначительного перередактирования был включен в состав сборника «Революционные силуэты», опубликованного в 1923 году московским издательством «Транспосекция» и в 1924 году Укргосиздатом. Впоследствии многократно переиздавался как отдельными изданиями, так и в составе сборников работ о В. И. Ленине.

(1) «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году. Первый номер газеты вышел в декабре 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры», выступал со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России. Вскоре после II съезда партии (17(30) июля — 10(23) августа 1903 г.) меньшевики при поддержке Плеханова захватили «Искру» в свои руки. С № 52 «Искра» перестала быть боевым органом революционного марксизма.

(2) Журнал «Рабочее дело» — непериодический печатный орган «Союза русских социал-демократов за границей», выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года. Вокруг него группировались сторонники «экономизма». Рабочедельцы пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, поддерживали бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма.

На II съезде РСДРП (1903 г.) рабочедельцы представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии.

(3) Международный социалистический конгресс в Штутгарте (VII конгресс II Интернационала) проходил с 18 по 24 августа

1907 г. Важнейшим вопросом повестки дня конгресса был вопрос о борьбе международного рабочего класса и его партий против милитаризма и войны, которая открыто готовилась империалистами всего мира.

А. В. Луначарский входил в состав комиссии по выработке резолюции «Взаимоотношения между политическими партиями и профессиональными союзами».

(4) Группа «Вперед» — антипартийная группа, оформившаяся в декабре 1909 года за границей по инициативе А. А. Богданова и Г. А. Алексинского. В нее входили отзовисты, ультиматисты и богостроители (А. А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, М. Н. Покровский и другие).

Отзовисты считали, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, они отказывались от участия в работе Думы, кооперативных, профсоюзных и других массовых легальных и полулегальных организаций и считали необходимым сосредоточить всю партийную работу в рамках нелегальной организации. Разновидностью отзовизма являлся ультиматизм. Ультиматисты отличались от отзовистов лишь по форме. Они предлагали предъявить социал-демократической думской фракции ультиматум о беспрекословном подчинении фракции решениям ЦК партии и в противном случае — отозвать социал-демократических депутатов из Думы. Богостроители проповедовали создание новой, «социалистической» религии, пытаясь примирить марксизм с религией. В. И. Ленин определил «богостроительство» как идеологию мелкобуржуазных попутчиков революции, «отчаявшихся и уставших» (Полн. собр, соч., т. 48, с. 227). В своих работах он резко критиковал действия членов группы «Вперед». В конце 1913 года группа фактически распалась; окончательно прекратила свое существование после Февральской революции 1917 года. Ленин в 1912 году писал:

> «влияние этой группы всегда было незначительно, и она влачила свое существование исключительно благодаря соглашательству с всевозможными оторвавшимися от России и бессильными заграничными группами»
>
> *(Полн. собр. соч., т. 21, с. 209).*

Ведя бескомпромиссную идейную борьбу против «впередовцев», Ленин в то же время прилагал все усилия к тому, чтобы переубедить заблуждавшихся, помочь им вернуться на партийные позиции. Много сил приложил Ленин, чтобы сохранить для партии такого даровитого работника, как

Луначарский. Надежды Ленина оправдались: А. В. Луначарский, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский, а также многие другие большевики, примыкавшие к группе «Вперед», вернулись в партию и впоследствии честно и плодотворно работали в ее рядах. Сам Луначарский, вспоминая о своих заблуждениях тех лет, писал:

> «Я тоже страдал… «мифологическим» позывом и тоже думал не столько найти, сколько коллективными силами построить некоего очень симпатичного бога. Но мой великий учитель Ленин и великая партия, к которой я принадлежу, очень быстро исцелили меня от этих интеллигентских попыток лить грязную воду в чистую ключевую воду научного диалектического, материалистического атеизма»
>
> *(Луначарский А. В. Собр. соч., т. 6, с. 289).*

Ленин[*]

27 января 1924 г. Всероссийским союзом работников искусств было созвано общее собрание членов союза, чтобы почтить память В. И. Ленина. На этом собрании с траурной речью выступил А. В. Луначарский. Текст этой речи вошел в брошюру Луначарского «Ленин», выпущенную издательством «Красная новь» в 1924 году, и опубликован в первом номере журнала «Печать и революция» за 1924 год. В настоящем сборнике статья печатается под тем же заголовком.

(1) Имеющиеся в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС документы свидетельствуют, что отец Ленина — И. Н. Ульянов — происходил из бедных мещан города Астрахани; дед Ленина был крепостным крестьянином.

(2) Народничество — идеология и движение разночинной интеллигенции, господствовавшие на буржуазно-демократическом этапе освободительной борьбы в России (1861–1895 гг.) и отражавшие интересы крестьянской демократии. С момента зарождения народничества в нем наметились две тенденции — революционная и либеральная. В 60-80-х гг. революционные народники разными путями стремились к крестьянской революции. В 80-90-х гг. народничество переживало серьезный идейный и организационный кризис. В этот период преобладало ранее не игравшее существенной роли либерально-народническое направление. Либеральные народники с их требованиями — увеличения крестьянских наделов, реорганизации крестьянского банка и т. п. пытались подменить

революционно-освободительное движение мелкобуржуазным реформаторством. Социально-экономические воззрения либеральных народников, широко пропагандируемые ими в легальной печати, отличались непоследовательностью, эклектичностью и представляли собой разновидность мещанского радикализма.

Либеральные народники развернули активную борьбу с марксизмом. В то время, когда капитализм в России стал фактом, когда усиливалось движение пролетариата, либеральные народники повторяли старые формулы народничества, исторически объяснимые в 60-70-х гг., продолжали доказывать, что капитализм в России является упадком, регрессом, отрицали главенствующую роль рабочего класса в революции.

Здесь А. В. Луначарский имеет в виду либеральных народников, видными представителями которых были Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков.

(3) Книга Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», содержащая глубокую и разностороннюю критику теоретических воззрений, политической программы и тактики либеральных народников, была написана им в 1894 году. Она имела три выпуска (части). Первый выпуск был напечатан нелегально на гектографе в июне 1894 года в Петербурге. В августе в местечке Горки Владимирской губернии, а с начала сентября в Москве печатаются отдельным изданием, нелегально, на мимеографе первый и второй выпуски книги. Печатание второго выпуска не было закончено. В сентябре 1894 года в Петербурге выходит первое издание третьего выпуска, отпечатанное тоже нелегально, на гектографе. Гектографированное издание первого и третьего выпусков книги было обнаружено в начале 1923 года в берлинском социал-демократическом архиве и почти одновременно — в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В том же году она вышла в виде отдельного оттиска из подготовлявшегося тогда к печати I тома издания Сочинений В. И. Ленина.

В 1936 году в Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС поступил новый экземпляр гектографированного издания 1894 года, который содержит многочисленные редакционные правки, сделанные Лениным, очевидно, при подготовке намечавшегося издания книги за границей.

В Полном собрании сочинений работа печатается по экземпляру, найденному в 1936 году. Второй выпуск книги до сих пор не найден.

(4) Речь идет о работе Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Спб. 1894 г.», которая была написана им в Петербурге в конце 1894 — начале 1895 года.

(5) «Легальный марксизм» как общественно-политическое течение возник в 90-х годах XIX века среди либеральной буржуазной интеллигенции. К этому времени в России марксизм получил довольно широкое распространение и буржуазные интеллигенты под флагом марксизма стали проповедовать свои взгляды в легальных газетах и журналах. Поэтому они получили название «легальных марксистов».

«Легальные марксисты», критикуя народников как защитников мелкого производства, пытались использовать в этой борьбе марксизм, но только «очищенный» от всякой революционности. Из марксизма они выбрасывали самое главное — учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Ленин раньше других распознал либерально-буржуазную природу «легального марксизма». Главными представителями «легального марксизма» были П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев. В дальнейшем бывшие лидеры «легального марксизма» (Струве, Туган-Барановский и другие) составили ядро буржуазной кадетской партии.

(6) Работу над книгой «Развитие капитализма в России» Ленин начал в 1896 году, находясь в петербургской тюрьме. Закончил он книгу в январе 1899 года в ссылке, в селе Шушенском. Книга вышла из печати под псевдонимом «Владимир Ильин» в марте 1899 года. Блестяще доказав несостоятельность народнических и либерально-буржуазных концепций, Ленин творчески развил в ней экономическое учение Маркса на основе конкретно-исторических условий России; он вскрыл закономерности, особенности и противоречия русского капитализма, показал новую расстановку классовых сил в стране, всесторонне обосновал руководящую роль пролетариата в грядущей буржуазно-демократической революции. В «Развитии капитализма в России» Ленин впервые в марксистской литературе дал исследование положения крестьянства при капитализме и научно обосновал идею союза рабочего класса и крестьянства. Этой книгой Ленин завершил идейный разгром народничества и «легального марксизма».

(7) Срок ссылки Ленина кончился 29 января (10 февраля) 1900 года. В этот день Ленин вместе с Н. К. Крупской и ее матерью Е. В. Крупской покидают село Шушенское. За границу

Ленин выезжает, с официального разрешения властей, 16(29) июля 1900 года.

(8) Имеются в виду Ноябрьская революция в Германии и революция в Австрии (1918 г.). Имевшиеся в этих странах объективные предпосылки для перерастания буржуазно-демократических революций в революции социалистические не были реализованы. В результате этих революций, не вышедших за рамки буржуазно-демократических преобразований, в Германии и Австрии были свергнуты монархии и образованы буржуазные республики.

(9) По-видимому, А. В. Луначарский имеет в виду Гамбургское восстание 1923 года, которое должно было стать началом всеобщей забастовки и всегерманского вооруженного восстания, имевших целью свержение господства монополистического капитала и создание общегерманского рабоче-крестьянского правительства. Но в решающий момент левые социал-демократы отказались поддержать предложение коммунистов о всеобщей забастовке. Правые социал-демократы продолжали активно поддерживать буржуазию. Из-за предательства лидеров социал-демократии, которые сорвали единство действий пролетариата, восстание потерпело поражение.

Владимир Ильич Ленин*

В основу статьи, опубликованной в журнале «Красная нива», 1924, № 7, положен один из многочисленных вариантов «поминальных» речей, произнесенных Луначарским в скорбные дни прощания с Лениным. В настоящем сборнике статья печатается со значительными сокращениями, так как в ней повторяются многие положения траурной речи, с которой А. В. Луначарский выступал 27 января 1924 года на общем собрании членов Всероссийского союза работников искусств (см. стр. 36).

Ленин и меньшевизм*

Статья опубликована в 1924 году в журнале «Агитатор-пропагандист» (Владимир) № 18, а также в партийных изданиях Архангельска, Гомеля, Новгорода, Саратова, Ставрополя.

К характеристике Ленина как личности*

Настоящая статья впервые была опубликована в 1926 году в газете «Известия» № 18 от 22 января и в журнале «Народный учитель» № 1.

Из речи на московском общегородском собрании

профсоюзного актива*

С этой речью А. В. Луначарский выступил 4 февраля 1924 года в Колонном зале Дома союзов на Московском общегородском собрании членов правлений профсоюзов и фабзавместкомов, посвященном памяти Владимира Ильича. Сокращенный текст речи был впервые напечатан в 1924 году в журнале «Молодая гвардия» №№ 2, 3.

(1) Имеется в виду выступление Н. К. Крупской на траурном заседании II Всероссийского съезда Советов 26 января 1924 года. Текст речи был опубликован а газете «Правда» 27 января и с небольшими добавлениями — 30 января 1924 года.

Штрихи*

Заголовок настоящих воспоминаний принадлежит автору. Частично воспоминания были опубликованы 14 февраля 1960 года в газете «Известия» № 38 и «Литературной газете» № 49. В настоящем сборнике они публикуются по машинописной копии с авторской правкой, хранящейся в фонде неизданных рукописей Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

(1) Весной 1920 года в рабочем кабинете В. И. Ленина в Кремле художник Н. И. Альтман выполнил с натуры скульптурный портрет Ленина. Более подробно об этом см. Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957, ч. 2, стр. 594.

(2) Рансом, Артур — английский буржуазный писатель, сотрудник ряда журналов и газет. Несколько лет провел в России в качестве корреспондента газет „Daily News" и „The Manchester Gurdian". В 1918 и 1922 годах встречался с Лениным. Автор книги «Шесть недель в Советской России» (1919 г.); русское издание 1924 года.

Ленин как ученый и публицист*

С этой речью А. В. Луначарский выступил 24 января 1924 года в здании Московского университета на общегородском собрании работников науки, посвященном памяти В. И. Ленина. Она была напечатана в том же году издательством «Работник просвещения» отдельной брошюрой.

(1) Ленин в своих замечаниях на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода» против фразы: «Поэтому крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем, с наименее развитой государственно-капиталистической организации» пишет:

«неверно: с «средне-слабых». Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло» (Ленинский сб., XI, с. 397).

(2) А. В. Луначарский имеет в виду статьи и речи В. И. Ленина конца 1922–1923 гг., вошедшие в 45 том Полного собрания сочинений: «Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта XI съезду партии», доклад на IV конгрессе Коминтерна «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции», «Речь на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г.», «Письмо к съезду», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» и другие. В этих работах Ленин продолжает разрабатывать важнейшие проблемы строительства социализма, внешней политики Советского государства, мирового рабочего и коммунистического движения.

(3) А. В. Луначарский имеет в виду текст 11 тезиса из работы К. Маркса «Тезисы о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т. 3, с. 4).

(4) В. И. Лениным написаны пять «Писем из далека». Четыре из них во время пребывания в Швейцарии, в Цюрихе, а пятое письмо было начато в Берне накануне его отъезда из Швейцарии в Россию. «Письма из далека» имели важное значение для выработки основ нового политического курса большевистской партии, ибо в них были с исчерпывающей глубиной рассмотрены вопросы, которые встали перед рабочим классом, трудящимися России сразу же после Февральской революции: о движущих силах, характере и направлении этой революции, о государственной власти, о войне и мире, об отношении к буржуазному Временному правительству, о Советах как новой форме политической организации трудящихся, о переходе от буржуазно-демократического этапа революции к этапу социалистическому и другие.

В «Письмах из далека» сформулированы основы той программы и тактики, которую Ленин развернул и обосновал по возвращении в Россию в «Апрельских тезисах», «Письмах о тактике» и других работах.

Опять в Женеве*

Статья «Опять в Женеве» была написана А. В. Луначарским во время его пребывания в Женеве в ноябре-декабре 1927 года, накануне открытия 4-й сессии Подготовительной комиссии к конференции Лиги Наций по разоружению. Впервые текст этой статьи был напечатан 13 декабря 1927 года в газете «Комсомольская правда» № 284.

(1) Ленин находился в Париже, Цюрихе, Берне 19–25 ноября (2–8 декабря) 1904 года для чтения реферата о внутрипартийном положении.

Встреча Ленина с Луначарским в Париже произошла 19 ноября (2 декабря).

(2) В ссылке в Вологодской губернии А. В. Луначарский находился со 2 февраля 1902 года по 15 мая 1904 года.

(3) А. В. Луначарский находился в Женеве с декабря 1904 до середины 1905 года.

(4) «Вперед» — нелегальная большевистская еженедельная газета; издавалась в Женеве с 22 декабря 1904 года (4 января 1905 г.) по 5 (18) мая 1905 года. Вышло 18 номеров. Организатором и непосредственным руководителем газеты был В. И. Ленин. По решению III съезда РСДРП вместо газеты «Вперед» стала издаваться газета «Пролетарий» как Центральный Орган партии.

(5) В газете «Вперед» было опубликовано свыше 60 статей и заметок В. И. Ленина.

Лондонский съезд*

Воспоминания опубликованы в журнале «30 дней» в 1930 году в связи с 25-летием III съезда партии. А. В. Луначарский был делегатом съезда и выступал с докладом о вооруженном восстании. «Владимир Ильич, — писал он впоследствии, — дал мне все основные тезисы доклада… Я в моей речи исходил из самых точных и подробных указаний Владимира Ильича» («Пролетарская революция», 1925, № 11 (46), стр. 54).

(1) III съезд РСДРП состоялся в Лондоне 12–27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 года. Он был подготовлен большевиками и проходил под руководством Ленина. Меньшевики отказались от участия в работе съезда и собрали в Женеве свою конференцию. На съезде были обсуждены коренные вопросы развертывающейся в России революции: о вооруженном восстании, о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянскому движению и другие.

Из воспоминаний о Ленине в 1905 году*

Под этим общим заголовком печатаются три воспоминания о Ленине: «9 января и ленинская эмиграция», «Ленин как редактор», «Из воспоминаний о Ленине в 1905 году».

(1) 13 марта 1931 года А. В. Луначарский выступил с лекцией

«Ленин как редактор» на курсах марксизма. В 1960 году в сокращенном виде лекция была напечатана в книге «Ленин — журналист и редактор» под заглавием «Ленин как редактор».

Полный текст стенограммы хранится в архиве Института марксизма-ленинизма.

(2) «Пролетарий» — нелегальная большевистская еженедельная газета: Центральный Орган РСДРП, созданный по постановлению III съезда партии. Ответственным редактором был назначен В. И. Ленин. Газета издавалась в Женеве с 14(27) мая по 12 (25) ноября 1905 года. Всего вышло 26 номеров. «Пролетарий» продолжал линию старой, ленинской «Искры» и сохранил полную преемственность с большевистской газетой «Вперед». Ленин написал в газету около 90 статей и заметок.

(3) Речь идет о Всероссийской политической стачке в октябре 1905 года, во время которой пролетариат России создал первые в мировой истории массовые пролетарские политические организации — Советы рабочих депутатов.

(4) Летом 1905 г. Луначарский из Швейцарии выехал в Италию (Виареджо, Флоренция).

(5) Из эмиграции в Петербург В. И. Ленин приехал 8(21) ноября 1905 г.

(6) Речь идет о царском манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка». Николай II, напуганный ростом сил революции, издал 17 октября 1905 года манифест, в котором обещал «гражданские свободы» и «законодательную» Думу.

(7) «Новая жизнь» — первая легальная большевистская газета; выходила ежедневно с 27 октября (9 ноября) по 3(16) декабря 1905 года в Петербурге. Официальным редактором-издателем газеты числился поэт Н. М. Минский — представитель символистско-декадентского направления, издательницей — М. Ф. Андреева. Активно сотрудничал в газете и помогал ей материально А. М. Горький. С приездом В. И. Ленина из эмиграции в Петербург газета стала выходить под его непосредственным руководством. Состав редакции и сотрудников был изменен. Таким образом, «Новая жизнь» стала фактически Центральным Органом РСДРП. В ней было напечатано 14 статей В. И. Ленина. Среди сотрудников газеты были: М. С. Ольминский, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич.

(8) Минский Н. — см. предыдущий комментарий.

(9) Вместо закрытой царским правительством газеты «Новая жизнь» большевики организуют издание новой легальной газеты, которая выходила под разными названиями: «Волна», «Вперед», «Эхо». В июле 1906 года легальная большевистская газета была 'закрыта правительством.

(10) IV (Объединительный) съезд РСДРП состоялся в Стокгольме 10–25 апреля (23 апреля — 8 мая) 1906 года.

Статья «Из воспоминаний о Ленине в 1905 году» впервые была напечатана в журнале «Пролетарская революция» 2, 3 за 1930 год.

(11) Здесь имеются в виду русские войска, участвовавшие в русско-японской войне 1904–1905 гг. В. И. Ленин 27 сентября (10 октября) 1905 года писал в статье «Кровавые дни в Москве»: «Маньчжурская армия, судя по всем сведениям, настроена крайне революционно, и правительство боится вернуть ее, — а не вернуть этой армии нельзя, под угрозой новых и еще более серьезных восстаний» (Полн. собр. соч., т. 11, стр. 317).

(12) Об этом митинге — см.: Ленин В. И. Полн, собр. соч., т. 13, с. 91, 92, 93–94.

(13) В 1905–1906 гг. прошла волна крестьянских выступлений в Латвии, Польше, на Украине, на Кавказе. Как результат этих выступлений, в августе 1905 года возник Всероссийский крестьянский союз. Ленин писал: «Это была действительно народная, массовая организация, разделявшая, конечно, ряд крестьянских предрассудков, податливая к мелкобуржуазным иллюзиям крестьянина (как податливы к ним и наши социалисты-революционеры), но безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 334).

Вооруженное восстание в Севастополе началось 11(24) ноября 1905 г. и продолжалось 5 дней.

Восстание в крепости Свеаборг (близ Гельсингфорса) началось в ночь с 17(30) на 18(31) июля 1906 года. 20 июля (2 августа) восстание было подавлено.

(14) «Начало» — ежедневная легальная меньшевистская газета: выходила в Петербурге с 13(26) ноября по 2(15) декабря 1905 года.

Стокгольмский съезд*

Воспоминания под таким названием были опубликованы в 1926 году в связи с 20-летием IV (Объединительного) съезда РСДРП в журнале «Пролетарская революция». В 1930 году они вошли в состав книги «От подпольного кружка к пролетарской диктатуре».

А. В. Луначарский был на съезде в числе делегатов-большевиков, выступал с речами в защиту ленинской аграрной программы и по вопросу о вооруженном восстании.

Свержение самодержавия*

Воспоминания впервые напечатаны 11 марта 1927 года в «Нашей газете» и «Вечернем Киеве», а также журнале «Красная панорама» № 11.

Позднее публиковались в составе сборника «Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления». М., 1968.

(1) Следующая партия эмигрантов-социалистов прибыла в Петроград 9 (22) мая 1917 года.

Приезд Ленина*

Настоящие воспоминания впервые были напечатаны 16 апреля 1926 года в «Красной газете» № 87.

(1) Имеется в виду Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года.

(2) Как только Ленин узнал из швейцарских газет о революции в Петрограде, он сразу начал предпринимать попытки выехать из Швейцарии в Россию. Одним из планов возвращения на родину был проезд через Германию. Переговоры с германским посланником в Швейцарии о пропуске русских политических эмигрантов через Германию были начаты швейцарским социал-демократом, федеральным советником Робертом Гриммом, но ввиду его отказа 19 марта (1 апреля) вести дальнейшие переговоры о возращении политэмигрантов до получения санкции Временного правительства России дело было передано левому циммервальдисту, секретарю Швейцарской социал-демократической партии Фридриху Платтену, который и довел его до конца. Отъезд состоялся 27 марта (9 апреля). 31 марта (13 апреля) Ленин с группой эмигрантов прибыл в Стокгольм и в тот же день выехал через Финляндию в Россию. Позднее тем же путем через Германию проехала вторая партия эмигрантов.

Ленин и Октябрь*

Воспоминания опубликованы в журнале «Красная нива», 1924, № 44.

Смольный в великую ночь*

Статья впервые была напечатана 7 ноября 1918 года в журнале «Пламя» № 27.

(1) Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил 25–26 октября (7–8 ноября) 1917 года в Петербурге. Съезд открылся 25 октября в 10 ч. 40 мин. вечера. Ленин на первом заседании не присутствовал, так как был

занят руководством восстанием (в это время отряды Красной гвардии, матросы и революционная часть Петроградского гарнизона штурмовали Зимний дворец, где находилось Временное правительство).

В четвертом часу утра 26 октября (8 ноября) съезд заслушал сообщение о взятии Зимнего дворца и аресте Временного правительства и принял написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», в котором провозглашался переход власти к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. От имени большевистской фракции воззвание огласил А. В. Луначарский. Второе заседание съезда открылось 26 октября (8 ноября) в 9 ч. вечера. С докладом о мире и о земле выступил Ленин. Съезд утвердил написанные Лениным исторические декреты о мире и о земле. Съезд сформировал правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с В. И. Лениным.

Из октябрьских воспоминаний*

Настоящие воспоминания впервые были опубликованы 7 ноября 1928 года в «Красной газете» № 260.

Из воспоминаний о фронте*

Воспоминания А. В. Луначарского о поездке на фронт в Тульский укрепленный район были впервые напечатаны 23 февраля 1928 года в «Красной газете» № 53 (вечерний выпуск) и в газете «Красная звезда» № 46.

Ленин в совнаркоме*

Настоящие воспоминания были опубликованы в «Красной газете» № 17 и «Вечерней Москве» 21 января 1927 года.

Прощание*

Эти воспоминания А. В. Луначарского впервые были опубликованы в 1971 году в книге «Литературное наследство, т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка, доклады, документы» под заглавием «Из неизданных воспоминаний о В. И. Ленине».

(1) Речь идет об XI Всероссийском съезде Советов, который проходил в Москве 19–29 января 1924 года, и о II съезде Советов СССР, проходившем в Москве 26 января — 2 февраля 1924 года.

(2) По-видимому, А. В. Луначарский имеет в виду проходившую 10–15 октября 1923 года в Москве, в Андреевском зале Кремля, международную крестьянскую конференцию представителей СССР и заграничных организаций, прибывших на

Сельскохозяйственную выставку. Открытие выставки состоялось в Москве 19 августа 1923 года.

(3) Несмотря на плохое самочувствие, Ленин внимательно следил за событиями в стране и за рубежом. Надежда Константиновна регулярно читала ему газеты. Ленин пристально следил за ходом дискуссии, которую осенью 1923 года Троцкий и его сторонники навязали партии. Троцкисты клеветали на Центральный Комитет, требовали свободы фракций и группировок в партии, предлагали пойти на экономические уступки международному капиталу. Партия дала решительный отпор троцкистам.

Ленин и вопросы просвещения*

С докладом на такую тему Луначарский выступил и 1924 году на собрании работников просвещения, искусств и научных работников г. Нижнего Новгорода. Впервые текст был напечатан в журнале «Коммунист» № 1 (Орган Нижегородского Губкома РКП(б), Нижний Новгород).

(1) В. И. Ленин после победы Великой Октябрьской социалистической революции в своих выступлениях и статьях неоднократно ставил вопрос о быстрейшей ликвидации неграмотности. При написании проекта Программы РКП(б) Ленин пишет «Пункт программы в области народного просвещения».

26 декабря 1919 года СНК издает декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», а 19 июля 1920 года декретом СНК была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности.

29 января 1924 года Луначарский, выступая на XI Всероссийском съезде Советов с докладом по вопросу о ликвидации неграмотности, сказал: «2-й съезд по ликвидации неграмотности постановил ликвидировать неграмотность среди населения Союза в возрасте 18–35 лет к 10-й годовщине Октябрьской революции». В работах Ленина нет дословного выражения, приведенного Луначарским.

(2) Декретом СНК от 29 января 1920 года при Народном комиссариате просвещения был учрежден Главный комитет профессионально-технического образования (Профобр), который должен был руководить «всем профессиональным образованием в стране, объединяя работу в этом направлении отдельных ведомств и организаций».

(3) Проект пункта программы в области народного просвещения, написанный В. И. Лениным (Полн. собр. соч., т. 38, с. 116–117), был включен в Программу РКП(б) с некоторыми

изменениями.

В настоящей статье Луначарский приводит пункт Программы, утвержденный VIII съездом партии в марте 1919 года.

(4) См. по этому вопросу работы Ленина: «Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г.», «О работе Наркомпроса», «Странички из дневника» (Полн. собр. соч., т. 41, с. 398–408; т. 42, с. 322–332; т. 45, с. 363–369).

Ленин и молодежь*

С докладом на такую тему Луначарский выступил 25 января 1924 года перед слушателями Коммунистического университета имени Свердлова в Москве. Этот доклад явился одним из первых непосредственных откликов Луначарского на смерть Ленина. Впервые текст был опубликован в 1924 году в брошюре Луначарского «Ленин» (М., «Красная новь»).

(1) См. комментарий № 1 к статье «Ленин и вопросы просвещения».

(2) Здесь имеются в виду высказывания о смычке города и деревни в период нэпа, когда экономика города значительно опередила в своем развитии экономику деревни. Очень много внимания этому вопросу Ленин уделил в своих выступлениях на XI съезде РКП(б) (1922 г.). В речи при открытии съезда он сказал:

> «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым трудовым крестьянством, и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда и ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»
>
> *(Полн. собр. соч., т. 45, с. 78).*

В статье «Странички из дневника» Ленин говорит о помощи города деревне в ее культурном развитии.

(3) По-видимому, Луначарский имел в виду тяжелое экономическое положение в стране, когда не хватало денежных средств даже для оплаты труда рабочих.

(4) Имеется в виду речь Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ, 2 октября 1920 года «Задачи союзов молодежи» (Полн. собр. соч., т. 41, с. 298–318).

Ленин в его отношении к науке и искусству*

23 января 1925 года Луначарский выступил с докладом «В. И. Ленин о науке и искусстве» на торжественном заседании Государственного ученого совета, посвященном годовщине смерти Ленина. Текст доклада был впервые опубликован в 1925 году в журнале «Народное просвещение» № 1. В 1926 году доклад с некоторыми изменениями и под заглавием «Ленин в его отношении к науке и искусству» был напечатан в журнале «Научный работник» № 1.

(1) Всероссийский съезд политпросветов состоялся 11–22 октября 1921 года в Москве. Ленин выступил на съезде с докладом «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» (Полн. собр. соч., т. 44, с. 155–175).

(2) По-видимому, здесь Луначарский имеет в виду следующее место из речи Ленина на III Всероссийском съезде РКСМ 2 октября 1920 года «Задачи союзов молодежи»:

> «Мы знаем, что коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия, причем надо возродить их не по-старому. Надо возродить их на современной, по последнему слову науки построенной, основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которое не сможет построить старое поколение. Перед вами стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление и земледелия, и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве».

(3) Имеется в виду книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии».

Она была написана В. И. Лениным в феврале — октябре 1908 года в Женеве и Лондоне. Издана в Москве в апреле 1909 года. Сообщение о ее выходе в свет было помещено в немецком журнале «Die Neue Zeit».

(4) Имеется в виду книга М. Павловича (М. Вельтмана) «Ленин (Материалы к изучению ленинизма)». М., «Красная новь», 1924 г.

(5) Цекубу — Центральная комиссия по улучшению быта

ученых. В декабре 1919 года по инициативе В. И. Ленина Совнаркомом была создана Всероссийская комиссия по улучшению быта ученых. В ноябре 1921 года она была реорганизована в Цекубу. В работе комиссии активное участие принимал А. М. Горький.

К 200-летию Всесоюзной Академии наук*

Под таким названием статья была опубликована в журнале «Новый мир», 1925, № 10. В журнале «Народное просвещение», 1925, № 9 она имела заглавие «К юбилею Академии наук».

Статья вошла также в состав книги: «Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления». М., 1968.

Ленин о монументальной пропаганде*

Настоящая статья впервые была напечатана 29 января 1933 года в «Литературной газете» №№ 4, 5.

(1) 4 апреля 1918 года Ленин в беседе с Луначарским высказал идею о монументальной пропаганде. 12 апреля Совнаркомом был принят декрет «О памятниках республики», в котором ставилась задача снять памятники царям и их слугам, не представляющие ценности в историческом и художественном отношениях, и установить революционные памятники. Особой комиссии в составе народного комиссара просвещения, народного комиссара имуществ Республики и заведующего отделом изобразительных искусств Наркомпроса поручалось определить, какие памятники в Москве и Петрограде подлежат снятию, и рекомендовалось привлечь художественные силы для разработки проектов новых, революционных памятников. В. И. Ленин придавал огромное значение проведению в жизнь этого декрета. Вопрос об этом обсуждался на заседаниях Совнаркома 8, 17 и 30 июля 1918 года. Ленин неоднократно критиковал руководителей Наркомпроса, Народного комиссариата имуществ и Московского Совета за неудовлетворительное проведение декрета СНК в жизнь. Более подробно об этом см. «Литературное наследство», т. 80, с. 61–64.

(2) Совет Народных Комиссаров 17 июля 1918 года, заслушав доклад замнаркома просвещения М. Н. Покровского об установке памятников выдающимся революционерам и общественным деятелям, а также мыслителям, ученым, писателям, художникам, постановил: список представить в СНК через 5 дней.

30 июля 1918 года Совнаркомом был утвержден список памятников великим людям. В соответствующем постановлении указывалось: «поставить на 1-е место постановку памятников

величайшим деятелям революции — Марксу и Энгельсу». 2 августа в газете «Известия» № 163 за подписью Председателя СНК В. И. Ленина был опубликован «Список лиц, коим предположено поставить монументы в Москве и других городах РСФСР, представленный в СНК Отделом изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению…» и далее перечислялись имена революционных и общественных деятелей, писателей и поэтов, философов и ученых, художников, композиторов, артистов, которым предполагалось поставить памятники.

(3) 20 июля 1918 года в газете «Известия» № 152 было напечатано обращение Комиссариата народного просвещения, в котором говорилось, что комиссариат приступает к установке во всех крупнейших городах России досок с надписями и цитатами и что выбор текстов для них должен быть произведен при самом широком участии народа.

В этой работе участвовали скульпторы Л. В. Шервуд, Т. Э. Залькаун, Б. Д. Королев, С. Д. Меркулов, С. Т. Коненков и другие.

Во исполнение декрета зав. Отделом изобразительных искусств В. Е. Татлин в конце августа 1918 года написал письмо Луначарскому о том, что к ноябрю будет готово 30 памятников.

В ЦПА ИМЛ сохранился документ: 28 изречений Маркса, Дантона, Чернышевского, Лассаля, Цицерона, Гейне, Томаса Мора, Шиллера с надписью Луначарского о том, что эти изречения одобрены в качестве текстов для монументальной пропаганды им, В. Я. Брюсовым и В. М. Фриче.

9 сентября на заседании Совнаркома Луначарский, отвечая на запрос о подготовке надписей, ответил, что комиссия (Фриче, Покровский, Брюсов) представила 28 изречений, которые, как он отмечал, «одобрены мною и Ильичем» («Литературное наследство», т. 80, с. 63).

Ленин и искусство*

Настоящие воспоминания были впервые опубликованы в 1924 году в журнале «Художник и зритель» №№ 2, 3.

(1) Имеются в виду издаваемые с 1895 года в Германии художником и искусствоведом Германом Кнакфуссом серии обильно иллюстрированных монографий о художниках.

(2) Имеется в виду мемориальная доска работы скульптора С. Т. Коненкова «Павшим в борьбе за мир и братство народов» (цветной цемент), установленная на стене Сенатской башни Кремля. 7 ноября 1918 года, при открытии мемориальной доски, с речью выступил В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 37, с. 171–172).

Критическое отношение Ленина к этой доске объясняется, по-видимому, тем, что она была выполнена в духе абстрактной символики: аллегорический смысл находившейся в центре фантастической фигуры мог быть непонятен широким массам.

(3) 25 февраля 1921 года В. И. Ленин вместе с Н. К. Крупской посетил общежитие Вхутемаса (Высшие художественно-технические мастерские), где в это время жила дочь умершей деятельницы международного коммунистического движения И. Ф. Арманд. Об этой поездке Ленина во Вхутемас и беседе со студентами см. Воспоминания о В. И. Ленине. В 5 т., М., 1969, т. 4, с. 331–340.

(4) Ленин посетил в эти годы в Московском Художественном театре следующие спектакли: «На всякого мудреца довольно простоты», «Дядя Ваня», «На дне», а также спектакли Первой студии МХТ: «Потоп» и «Сверчок на печи».

(5) Имеется в виду письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах», опубликованное 1 декабря 1920 года в газете «Правда» № 270.

(6) «Пролеткульт» — Союз культурно-просветительных организаций, возник в сентябре 1917 года как независимая самостоятельная рабочая организация. Во главе Пролеткульта стоял А. А. Богданов. Пролеткульт продолжал отстаивать свою «независимость» и после Октябрьской революции, тем самым противопоставляя себя пролетарскому государству. Пролеткультовцы фактически отрицали значение культурного наследия прошлого, стремились отгородиться от задач массовой культурно-просветительной работы и в отрыве от жизни, «лабораторным путем» создать особую «пролетарскую культуру». Признавая на словах марксизм, главный идеолог Пролеткульта Богданов на деле проповедовал субъективно-идеалистическую философию. Пролеткульт не был однородной организацией. Наряду с буржуазными интеллигентами, которые верховодили во многих организациях Пролеткульта, в них входила также и рабочая молодежь, которая искренне стремилась помочь культурному строительству Советского государства. Наибольшее развитие пролеткультовские организации получили в 1919 году. В начале 20-х годов они пришли в упадок; в 1932 году Пролеткульт прекратил свое существование.

Искусствовед Г. Болтянский обратился к А. В. Луначарскому с просьбой сообщить ему содержание беседы Луначарского с Лениным в кино. Текст этой беседы впервые был напечатан в 1925 году в книге: Г. Болтянский. Ленин и кино. М.-Л., 1925, с. 16–17.

1а. По-видимому, Луначарский имеет в виду «Директивы по

киноделу», продиктованные Лениным Н. П. Горбунову 17 января 1922 года (Полн. собр. соч., т. 44, с. 360–361).

К столетию Александрийского театра*

Настоящая статья в сокращенном виде впервые была напечатана в 1932 году в журнале «Рабочий и театр» №№ 25, 26. В том же году полный текст этой статьи был напечатан в качестве предисловия к книге: К. Державин. Эпохи Александрийской сцены (1832–1932). Л., Гослитиздат, 1932. Книга вышла к столетнему юбилею Александрийского театра (ныне Государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина).

Культура у нас и на Западе*

Эта статья впервые была напечатана 17 января 1929 года в газете «Известия» № 14.

Ленин и литературоведение*

Настоящая статья была впервые напечатана в 1932 году в 6-м томе Литературной энциклопедии.

(1) 31 августа 1922 года Политбюро ЦК приняло постановление открыть на страницах «Правды» дискуссию о Пролеткульте и пролетарской культуре. Ленин внимательно следил за всеми материалами дискуссии. Появившуюся в «Правде» статью Плетнева Ленин внимательно прочитал и сделал ряд заметок и отчеркиваний, критикуя взгляды Плетнева на «пролетарскую» философию и культуру.

11 октября 1922 года Ленин принял Яковлева и беседовал с ним о деятельности Пролеткульта. Тогда же Ленин и поручил Яковлеву написать статью, в которой следовало подробно разобрать ошибки Плетнева. Яковлев такую статью написал и направил ее 18 октября Владимиру Ильичу. 19 октября Ленин вновь принял Яковлева и беседовал с ним о статье. 23 октября, накануне опубликования статьи в «Правде», Ленин вновь беседовал с Яковлевым. Статья Яковлева была названа «О «пролетарской культуре» и Пролеткульте» и напечатана в двух номерах «Правды» 24 и 25 октября.

Яковлев Я. А. (1896–1939) — видный деятель Коммунистической партии и Советского государства. Член партии большевиков с 1913 года. Активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. Делегат VI съезда РСДРП(б) и 2-го Всероссийского съезда Советов. В 1918–1919 гг. вел активную партийную работу на Украине. С 1920 г. работал в Главполитпросвете. В 1922–1923 гг. — зам. зав. агитационно-

пропагандистским отделом, затем зав. отделом печати ЦК РКП(б), редактор газеты «Беднота». С 1926 года — зам. наркома РКИ, с 1929 года — нарком земледелия СССР. Автор ряда работ по истории Октябрьской революции, по вопросам советского строительства.

Выходные данные

ЧЕЛОВЕК НОВОГО МИРА
Сборник статей, речей, докладов, воспоминаний А. В. Луначарского о Владимире Ильиче Ленине
Издание второе, дополненное

Составитель сборника И. А. Луначарская
Под общей редакцией А. И. Титова

notes

Примечания

1

А. В. Луначарский родился 23 ноября 1875 года. — *Ред.*

2

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 115.

3

Международное литературное агентство. — *Ред.*

4

Пересмотрев эти строки теперь, в марте 1923 года, во время тяжелой болезни Ленина, я склонен все же признать, что ни он себя, ни мы его не берегли достаточно. Тем не менее я убежден, что богатырская природа Владимира Ильича пересилит его болезнь и что недалеко то время, когда он вновь вернется к руководству РКП и Россией. *(Прим. 1923 г.)*.

5

В день, когда я просматривал последнюю корректуру этого силуэта, пришло известие о смерти Мартова.

Имеется в виду революция 1905 года. — *Ред.*

Кроки (фр.) — эскиз. — *Ред.*

Говорящий от лица других (фр.). — *Ред.*

9

Имеется в виду «кровавое воскресенье». — *Ред.*

Здесь — замашек, манер (фр.). — *Ред.*

III съезд РСДРП. — *Ред.*

12

Навлекают на себя ненависть за разрыв единства партии (odium — по-латыни ненависть). — *Ред.*

13

Имеются в виду ленинские «Письма из далека». — *Ред.*

14

Публичные. лекции, организуемые университетом (англ.). — *Ред.*

15

9 января ст. ст. — 22 января н. ст. — *Ред.*

16

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». М., 1970, т. 2, с. 48.

17

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 364–365.

18

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 174–175.

«КПСС в резолюциях…», ч. 1, с. 423–424.

20

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 391.

21

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 301.

22

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 301–302.

23

Там же, с. 302–303.

24

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 303–304.

25

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304–305.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 55.

27

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 145.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 25.

29

«КПСС в резолюциях…», ч. 1, с. 420.

Упреков, выговоров (фр.). — *Ред.*

31

КЕПС — Комиссия по изучению естественных производительных сил России, создана по инициативе ряда академиков в годы первой мировой войны. — *Ред.*

32

Речь идет о П. К. Штернберге, члене редколлегии Народного комиссариата просвещения, заведующем отделом высшей школы. — *Ред.*

33

Зато небольшое стихотворение того же Маяковского о волоките очень насмешило Владимира Ильича, и некоторые строки он даже повторял. *(Прим. авт.)*.

., например, Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 132; т. 37, с. 225.

35

Это определение было дано И. В. Сталиным в лекции «Об основах ленинизма», прочитанной в Свердловском университете в 1924 г. См. «Вопросы ленинизма». Изд. 2-е, М., 1946, с. 20. — *Ред.*

36

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии (1908–1909). — Полн. собр. соч., т. 18, с. 130.

37

Ленин В. И. К вопросу о диалектике (1915). — Полн. собр. соч., т. 29, с. 316.

Там же, с. 316–317.

В сумме. — *Ред.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317–318.

41

Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм… Полн. собр. соч., т. 18, с. 135–136. Цитата из Энгельса сопровождается ссылкой: ссылка относится к изданию: «Herrn Eugen Duhrings Umwalzung der Wissenschaft» von Friedrich Engels. Funfte, unveranderte Auflage. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf, 1904.

42

Там же, с. 138–139.

43

Там же, с. 345.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 198.

Мелкого буржуа. — *Ред.*

46

Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся? (1897). — Полн. собр. соч., т. 2, с. 547–548.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 418–419.

48

Ленин В. И. Успехи и трудности Советской власти (1919). — Полн. собр. соч., т. 38, с. 55.

49

Ленин В. И. Политический отчет ЦК РКП(б) 27 марта 1922 г. — Полн. собр. соч., т. 45, с. 95.

50

См. Ленин В. И. Что делать? (1902). Полн. собр. соч., т. 6, с. 171–173.

«Правда», 1922, № 240, 24 октября; № 241, 25 октября.

52

Некоторые цитаты из статьи Я. Яковлева приводятся Луначарским с небольшими изменениями. — *Ред.*

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 150–151.

54

Ленин В. И. Талантливая книжка (1921). — Полн. собр. соч., т. 44, с. 249.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 206.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 212–213.

57

Ленин В. И. Наша программа (1899). — Полн. собр. соч., т. 4, с. 184.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 215–216.

59

Там же, с. 218.

60

Ср. у В. И. Ленина: «А тот, кто пожелает вспомнить давнюю историю русского либерализма, тот уже в отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому увидит точнейший прообраз отношения кадетской *партии* либеральных буржуа к русскому демократическому *движению масс* (*Ленин* В. И. Еще один поход на демократию (1912). — Полн. собр. соч., т. 22, с. 84). В связи с откликом Кавелина на арест Чернышевского Ленин называет Кавелина «подлым либералом», а одно письмо его к Герцену — образчиком «профессорски-лакейского глубокомыслия» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259; т. 5, с. 33).

Ленин В. И. Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 25.

62

Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России (1914). — Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

63

Ленин В. И. Памяти Герцена (1912). — Полн. собр. соч., т. 21, с. 256.

Ленин В… И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 255–256.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259.

Там же, с. 261.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 43.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 17.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 84.

Ленин В. И. О значении воинствующего материализма (1922). — Полн. собр. соч., т. 45, с. 31.

71

Ленин В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании (1911–1912). — Полн. собр. соч., т. 21, с. 75.

72

Ленин В. И. Торжествующая пошлость или кадетствующие эсеры (1907). — Полн. собр. соч., т. 15, с. 213.

73

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 107.

Ленин В. И, Очередные задачи Советской власти (1918). — Полн. собр. соч., т. 36, с. 206.

75

Ленин В. И. Письмо к американским рабочим (1918). — Полн. собр. соч., т. 37, с. 57.

Крупская Н. К. О Ленине. Сб. статей. М., Госполитиздат, 1960, с, 70.

77

Крупская Н. К. О Ленине. Сб. статей: М., Госполитиздат, 1960 г. с. 64–65.

См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 290–291.

79

Ленин В. И. Народники о Н. К. Михайловском. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 333–334.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594–595.

81

Выражение И. С. Тургенева из предсмертного письма Л. Н. Толстому (конец июня (ст. ст.) 1883 г.). Ср. Тургенев И. С. Собр. соч., в 12-ти т. М., 1958, т. 12, с. 580.

82

Плеханов написал о Толстом пять статей. См. Плеханов Г. В. М.-Л., 1927, т. XXIV.

83

Ленин В. И. Л. Н. Толстой и современное рабочее движение (1910). — Полн. собр. соч., т. 20, с. 39–40,

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 90. 219

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 100–101.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 104.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 210–211.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой. — Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 19–20.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 22.

Там же, с. 40.

93

Крупская Н. К. О Ленине. Сб. статей. М., Гос-политиздат, 1960, с. 70–71.

Ленин В. И. Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 131.

Ленин В. И. О смешении политики с педагогикой. — Полн. собр. соч.,т. 10, с. 357.

«В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1960, с. 659.

«В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1960, с. 660.

«В. И. Ленин о литературе и искусстве». М., 1960, с. 662.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 100–102.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 102.

101

В пятом издании сочинений В. И. Ленина редакционное примечание: «В источнике, по-видимому, опечатка: по смыслу следовало бы «в романах». — *Ред.*

102

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 103–104.